

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
Научный журнал

Т. 8, № 1
2021

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 8, № 1
2021

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
пространства
Научный журнал

Т. 8, № 1
2021

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 8, № 1
2021

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки)
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- *Владимир Иванович Аникин*, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- *Евгений Петрович Бажанов*, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Анджея Вержбицки*, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- *Светлана Михайловна Гаврилова*, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Майкл Глянц*, Университет Колорадо, США
- *Олег Евгеньевич Гришин*, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- *Лукаш Донай*, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- *Игорь Сергеевич Зонн*, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации,

водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

- *Андрей Вячеславович Ишин*, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- *Леонид Александрович Карабешкин*, к. п. н., Евроакадемия, Таллин, Эстония
- *Балташ Нурмухамбетович Карипов*, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- *Олег Геннадьевич Карпович*, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Геннадий Владимирович Косов*, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- *Андрей Геннадьевич Костяной*, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- *Елена Михайловна Кузьмина*, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия

- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархамчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	«Бean», Россия, 603003, г. Нижний Новгород, ул. Баррикад, д. 1, корп. 5
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	27.03.2021
	© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;
- 08.00.14 «World economy»;
- 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Andrej G. Kostyanov**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”
Publisher’s address:	Moscow, 127576, Abramzevskaj str. 8A
Printing house:	“Bean”, Nizhny Novgorod, Barricade str., 1, bld. 5
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	27.03.2021
	© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Борьба за Евразию.....	8
<i>Сергей С. Жильцов</i>	
Россия и Грузия: время взаимодействовать.....	20
<i>Олег Г. Карпович, Олег И. Шакиров</i>	
Причины конфронтации между Россией и Украиной.....	33
<i>Борис А. Шмелев</i>	
Эволюция Арктической политики США.....	54
<i>Алексей В. Борисов, Ирина В. Ровинская</i>	
Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии.....	65
<i>Евгений В. Крыжко, Петр И. Пащковский</i>	
Об основных направлениях политики США в Закавказье.....	82
<i>Владимир А. Пономарев</i>	
Влияние пандемии коронавируса на китайско-американские отношения	99
<i>Чжао Цзе</i>	

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Транс-тихоокеанское партнерство: история поэтапного развития региональной интеграции в АТР.....	113
<i>Ван Цзюньтао, Дарья Е. Любина</i>	
Подходы к межрегиональному сотрудничеству Страны Басков и Каталонии: сравнительный анализ.....	123
<i>Антон С. Вильчинский</i>	

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Трудный путь к гражданской нации: опыт нацистроительства современного Казахстана.....	136
<i>Николай А. Баранов, Севги Кок</i>	
Гуманитарная политика России на современном этапе.....	152
<i>Александр С. Бохан</i>	

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Развитие внешнеполитических отношений между Японией и Россией: ретроспективный анализ.....	163
<i>Ольга В. Смирнова</i>	

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

Fighting for Eurasia 8
Sergey S. Zhiltsov

Russia and Georgia: Time to Interact.....20
Oleg G. Karpovich, Oleg I. Shakirov

The Reasons of the Confrontation Between Russia and the Ukraine 33
Boris A. Shmelev

Evolution of the US Arctic Policy 54
Alexey V. Borisov, Irina V. Rovinskaya

Features of the US Foreign Policy Towards the Central Asian States 65
Evgeniy V. Kryzhko, Petr I. Pashkovsky

U.S. Policy in the South Caucasus 82
Vladimir A. Ponomarev

Impact of the Coronavirus Pandemic on Sino-US Relations 99
Zhao Jie

ECONOMY

Trans-Pacific Partnership: History of Gradual Development of Regional Integration in the Asia-Pacific Region 113
Daria E. Lyubina, Wan Juntao

Approaches of the Basque Country and Catalonia to Interregional Cooperation: Comparative Analysis 123
Anton S. Vilchinskii

POLITICS

The Difficult Path to a Civil Nation: the Experience of Nation-Building in Modern Kazakhstan 136
Nikolay A. Baranov, Sevgi Kok

Russia’s Humanitarian Policy at the Present Stage 152
Alexander S. Bokhan

HISTORY AND RELIGION

Development of Foreign Policy Relations Between Japan and Russia: a Retrospective Analysis 163
Olga V. Smirnova

Борьба за Евразию

Сергей С. Жильцов

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
serg.serg56@mail.ru*

Аннотация: в последние годы внимание России и внерегиональных государств к странам постсоветского пространства усилилось. Конкуренция между Россией и США, которая началась после распада СССР за постсоветское пространство, вышла на новый уровень. Для России постсоветское пространство является сферой жизненных интересов. Экономические и политические отношения с соседями, внутривнутриполитическая ситуация в бывших советских республиках оказывают непосредственное влияние на развитие России. Этими факторами объясняется повышенный интерес к евразийской интеграции и интеграционному проекту — Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). Подобные устремления России и поддержка интеграционного проекта со стороны части стран постсоветского пространства негативно воспринимаются США. Американская сторона не заинтересована в появлении новых региональных центров влияния на постсоветском пространстве, рассматривая это в качестве угрозы своим интересам. В этом контексте, американская политика сосредоточена на противодействии развитию евразийской интеграции и укреплению влияния ЕАЭС. Несмотря на препятствия со стороны Запада, страны, входящие в ЕАЭС, последовательно предпринимают шаги, направленные на развитие интеграции. Достижение долгосрочных целей, которые они определили в различных документах, должно вывести их на новый уровень экономического сотрудничества. Наряду с успехами, которые удалось достигнуть с момента создания ЕАЭС, евразийская интеграция сталкивается с рядом трудностей. Помимо внутренних проблем, большое влияние оказывают проблемы в мировой экономике. Они усилились после начала пандемии коронавируса, который негативно сказался на развитии стран, входящих в ЕАЭС.

Негативное влияние на интеграцию оказывают внутривнутриполитические проблемы, с которыми сталкиваются страны ЕАЭС. Внутривнутриполитический кризис в Белоруссии, начавшийся во второй половине 2020 года, конфликт между Арменией и Азербайджаном в Нагорном Карабахе, обострение внутривнутриполитической борьбы в Армении и Киргизии — все эти факторы оказывали влияние на деятельность ЕАЭС в прошлом году и в начале 2021 года. Тем не менее, экономические трудности и политические события в отдельных странах, стремление внерегиональных государств оказать влияние на элиты постсоветских государств не изменили внешнеполитические приоритеты стран-участников ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, евразийская интеграция, Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения, США

Для цитирования: Жильцов С.М. Борьба за Евразию. *Проблемы постсоветского пространства.* 2021;8(1):8-19. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-8-19>

Статья поступила: 04.03.2021

Принята в печать: 16.03.2021

Опубликована: 27.03.2021

Fighting for Eurasia

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia,

serg.serg56@mail.ru

Abstract: Russia and non-regional States have recently shown fresh interest in the countries of the former Soviet Union. The rivalry between Russia and the United States for the post-Soviet territory, beginning after the collapse of the USSR, has broken new ground. Russia considers the post-Soviet space as an area of vital interests. Economic and political relations with its neighbors, the internal political situation in the former Soviet Republics have a direct impact on the development of Russia. These determinants can explain the renewed interest in Eurasian integration and an integration project — the Eurasian Economic Union (EAEU). However, the USA hardly welcomes such aspirations of Russia and the support for the integration project on the part of some post-Soviet countries. The American side has no interest in the newly emerging regional centers of influence in the post-Soviet space, regarding this as a threat to its interests. Countering the development of Eurasian integration and strengthening the EAEU influence is the focus of US policy in this regard. The EAEU member countries are consistently taking steps to develop integration despite obstacles from the West. The long-term objectives, defined in various documents by the countries, should put them on a new path of economic cooperation. Eurasian integration faces a number of difficulties along with the successes, achieved since the creation of the EAEU. The world economy problems, in addition to internal ones, exert a considerable influence. They intensified after the outbreak of the coronavirus pandemic, which negatively affected the development of the EAEU countries.

The internal political problems faced by the EAEU countries adversely affect integration. The internal political crisis in Belarus, beginning in the later 2020, the conflict between Armenia and Azerbaijan in Nagorno-Karabakh, worsened internal political struggle in Armenia and Kyrgyzstan are the factors that influenced the work of the EAEU last year and early 2021. Nevertheless, economic difficulties and political events in specific countries, the pursuit of non-regional states to influence the elites of the former Soviet states have not altered the foreign policy priorities of the EAEU member states.

Keywords: Eurasian Economic Union, Eurasian integration, Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Armenia, USA

For citation: Zhiltsov S. S. Fighting for Eurasia. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):8-19. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-8-19>

Received: 04.03.2021

Revised: 16.03.2021

Published: 27.03.2021

INTRODUCTION

Western policy since the collapse of the USSR has focused on extending the sphere of influence in the newly independent States. The developed states were in want of the ex-USSR countries solely as a raw materials appendix and cheap labor which figured on becoming equal participants in modern world politics through geopolitical maneuvering as well, ultimately weakened their positions, led to economic losses and the forfeit of sovereignty.

The mechanism for the collapse of the USSR in the form of the CIS in real-world contexts created conditions for weakening the positions of political elites. Their approaches to managing the relationship with the most industrialized countries sat well with the West, which in a short time specified the subordinate nature of relations for the newly independent states part. The equal manner in bilateral relations, declared at the first stage of the relations, quickly transformed into the West dominance. This was due to the lack of a clear prospects understanding for their development from the political elites of the newly independent states that came to power, economic weakness aggravated by the rupture of industrial relations. The ideas of national revival, considered in the new states as an alternative to party ideology and dominated in the institutions of power, affected the situation.

Political statements by the West about adherence to policies aimed at supporting the economic development of the newly independent states were notable for their pompous rhetoric. The developed countries were not interested in the emergence of powerful countries

in the post-Soviet space that could compete with Western companies and act as a center for reintegration. Moreover, the West was no incentive for forging integration groupings in the post-Soviet space, that could sustain barriers to promoting economic interests and offer development alternatives. Due to its industrial potential, territory and military-political capabilities, Russia was the main contender for its authority as a hard core of the integration groupings. This explains the beginning of the geopolitical rivalry that took place between Russia and the West shortly after the collapse of the USSR. Therefore, the West perceived with suspicion and wariness all Russia's efforts aimed at creating integration groupings, establishing close political and economic relations with neighboring states, recovering lost ground during the collapse. This pushed the West to increase political and then economic pressure on Russia. Using different leverage power, Western countries have consistently strengthened their positions in the post-Soviet space, impeding Russian impact.

UNDERWAY TOWARDS EURASIAN INTEGRATION

The ideas expressed by the First President of Kazakhstan N. Nazarbayev in 1994 on Eurasian integration were not implemented. The countries of the post-Soviet space were busy creating political systems, combating economic and social problems. All integration ideas were viewed as a threat to the sovereignty of the newly independent States. Nevertheless, Russia and some of the post-Soviet countries

discussed and implemented integration projects. The Union State of Russia and Belarus, the Eurasian Economic Community showed the post-Soviet countries willingness to cooperate in the economic sphere. However, it was an integration project within Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine, which could be the most ambitious one. These countries supported the idea of forming the Common Economic Space (CES). The corresponding agreement was signed in September 2003. However, Ukraine strongly criticized the signing of the document. As a result, Kiev refused to participate in the implementation of the integration project.

The challenge of reintegrating the post-Soviet space was one of the key ones for Russia. The increase of the foreign political influence of non-regional states, the reorientation of economic ties and the willingness of the newly independent States to join ultimately Euro-Atlantic structures posed a threat to Russia's interests. On the other hand, the West's policy was aimed at increasing its influence in the post-Soviet space with the prospect of squeezing Russia out. The increase in integration projects implementation has become relevant for Russia after the events in Georgia and Ukraine in 2003–2004. Politicians, who came to power in these countries, adjusted their foreign policies towards expanding cooperation with the West arising anti-Russian rhetoric in these countries. There was a reason on the back of increased influence of Western states in Georgia and Ukraine in 2005 that the Russian president in his address to the Federal Assembly not only drew attention to the fact that the collapse of the USSR was the greatest geopolitical catastrophe of the century, “but also stated that Russia was “interested in synchronizing the pace and specification of reform processes in Russia and the states of the Commonwealth” [1].

The assessments of the Russian president drew criticism from the expert Western com-

munity. Mr. Putin statement was seen as “a desire to restore the USSR by deepening integration with the former Soviet republics” [2].

Later, V. Putin outlined his position on a matter in the article “A new integration project for Eurasia — the future that is being born today”, published in 2011. According to V. Putin, who served as prime minister at that time, “an economically logical and balanced system of partnership between the Eurasian Union and the EU could create real conditions for changing the geopolitical and geo-economic pattern of the entire continent and would have an undoubted positive global effect” [3]. In addition, V. Putin noted that “we propose a model of a powerful supranational association capable of becoming one of the poles for the modern world and at the same time playing the role of an effective” bridge “between Europe and the dynamic Asia-Pacific region” [4].

The presidents of Belarus and Kazakhstan also spoke out in support of the integration association. The positions of these countries were defined by their high dependence on cooperation with Russia. In particular, the Belarusian economy “was heavily dependent on its eastern neighbor” [5]. “More than half of Belarus' foreign trade turnover was provided by Russia, a quarter of bank assets were controlled by Russian financial groups, and more than half of foreign debt over the past decade was attracted from Russia” [6]. A similar situation was found in relations between Russia and Kazakhstan. This enhanced interest of the three countries in deepening trade and economic cooperation.

In February 2012, the Eurasian Economic Commission (EEC) began to work, and in May a work plan for the drafting Treaty on the EAEU was approved. Then, in 2012–2014, Russia, Belarus and Kazakhstan signed additional agreements to develop the Customs Union and the Common Free Market Zone.

In a sign of extensive preparation for enhanced economic cooperation between Russia, Belarus and Kazakhstan, negotiations on Ukraine's accession to the Customs Union were difficult and fruitless. The Ukrainian side sought to participate in the Customs Union exclusively on its terms and at the same time pursued a course of accession to the European Union [7]. The West exerted great pressure on the Ukrainian authorities and sought to prevent the reintegration of the most economically developed countries of the post-Soviet space led by Russia.

Despite the opposition of the West and a powerful opposition to integration initiatives within Ukraine, Russia did not abandon its attempts to influence the position of Kiev. However, the Ukraine position, which since 2010 had taken a course towards signing an agreement with the EU on associated membership, remained unchanged. Viktor Yanukovich, the country's president at that time, expanded cooperation with the EU and the United States, concurrently, maintaining close trade and economic relations with the countries that formed the Eurasian Economic Union. The negotiations ended in vain, and after February 2014, when the power in Ukraine changed, the Ukraine's accession to the EAEU became irrelevant.

To disrupt integration projects, the West traded on the difficulties that existed in the countries of the post-Soviet space. First of all, the influence was exerted on the political elites that waged an internal political struggle, defending, among other things, different foreign policy priorities. For this reason, Russia, Belarus and Kazakhstan were discussing the principles of the new integration association in the long run, examining its activities, positive and negative factors from an internal political struggle perspective. The West accounted for the differences in national legislation, which made it difficult to "formulate unified principles of tax and customs administration" [8].

Finally, all the countries of the post-Soviet space strove to defend their national interests and were not ready to give up part of their sovereignty. In addition, Belarus and Kazakhstan avoided the political component of the integration association, "reducing substantially its potential as a political entity" [9].

EAEU GENESIS

The meeting of minds on creating a multilateral model of cooperation between Russia, Kazakhstan and Belarus ended on May 29, 2014, when the parties signed the agreement on the Eurasian Economic Union (EAEU). Article 4 of the Treaty defines the goals of the organization as follows: "creating conditions for the stable economic development of the member states thereby improving the population's living standards; striving to form a single market for goods, services, capital and labor resources; fully modernizing, cooperating and boosting national economic competitiveness in the global economy" [10].

The governing bodies of the EAEU (the Supreme Eurasian Economic Council and the Eurasian Intergovernmental Council), the Eurasian Economic Commission and the Court of the Eurasian Economic Union, inherently supranational, were formed. Thus, the Eurasian Economic Commission is a permanent body that "carries out legal regulation of Eurasian economic integration and is endowed with supranational powers to issue decisions for the EAEU member states" [11].

The creation of the EAEU took place against the backdrop of adverse processes in the economies of the EAEU member states. The dominant headwinds in the economies of the countries of the Customs Union / Common Free Market Zone in 2014 were a growth retardation, uncertainty, and instability [12].

US-led Western countries had a major influence on the development of the EAEU [13]. After the collapse of the USSR, Washington

exerted efforts to preserve the post-Soviet space defragmentation and prevent Eurasian integration. Back in 2012, when specific steps to develop Eurasian integration were discussed and debated, Hillary Clinton, then US State Secretary, said that Washington would try to identify appropriate responses to slow down or prevent the development of Eurasian integration” [14].

Geopolitical rivalry between Russia and the West intensified after the events in Ukraine. The reason for a sharp deterioration in relations between Russia and Western countries was the entry of Crimea into Russia in March 2014. If before that period the West sharpened criticism of Russia, while simultaneously making efforts to expand its influence in the post-Soviet space, then the policy of the West changed dramatically. The US and EU stepped up their criticism of Russia. The West went in for imposing sanctions against Russia, which sought not only to create the Eurasian Economic Union (EAEU), but also make it an effective instrument of its policy in the post-Soviet space. The clash of interests between Russia and the West led to a further aggravation of relations between them. Western countries viewed the advancement of the integration project as a threat to their interests.

Russian aspirations run counter to the US interests. The American side considered the post-Soviet space as a key region in which it could put more pressure on Russia. The EU was negative about the idea of integration unification under Russian control. The creation of the EAEU, which included two Central Asian countries (Kazakhstan and Kyrgyzstan), and which had its own legal and economic agreements, was viewed as a constraint to the implementation of the EU long-term interests in the post-Soviet space [15].

Anti-Russian sanctions introduced by Western countries prompted Russia to further develop relations within the post-Soviet space,

creating additional conditions for expanding trade and economic relations between the EAEU member states. On the other hand, the EAEU countries saw advantages in the integration project that contributed to their economic development and socio-economic stability. Thus, the EAEU countries have been formulating further plans designed to expand and strengthen cooperation in the integration association. The Eurasian Economic Commission has been discussing issues related to the further expansion of trade and economic cooperation within the EAEU.

ECONOMY AND THE CORONAVIRUS PANDEMIC

In 2020, the main fighting for dominance in the post-Soviet space was still taken place between Russia and Western countries, which pursued a drive to limit Russian influence. The West sought to act against Russia by employing sanctions, which, for their part, affected other EAEU countries.

The rivalry between Russia and the West for leadership in the post-Soviet space took place in the context of aggravating problems in the global economy and the coronavirus pandemic. In 2020, the GDP of the EAEU countries decreased by 3,3%. The largest drop was in Armenia — minus 6,6%, primarily due to hostilities in Nagorno-Karabakh, and in Kyrgyzstan — by 6.3% — due to internal political events [16]. At the same time, global GDP declined by 4,6% [16].

Despite the difficulties in economic growth, the impact of the pandemic, the EAEU countries have made some success. “Over the past five years, the dollarization of mutual trade decreased from 25% in 2015 to 19% in 2019. Further increase in the proportion of national currencies in mutual settlements of the EAEU countries would largely depend on deepening their trade and economic relations, as well as on the trading pattern and its diversification” [17].

The introduction of a single currency within the EAEU has been discussed for a long time. However, so far the countries have not come close to solving this issue. The reason lies in fears that the transition to settlements in the Russian currency may limit the sovereignty of other countries. Timur Zhaksylykov, Minister of the Eurasian Economic Commission for Economics and Financial Policy, confirmed the lack of plans to introduce a single currency in February 2021. According to the official, “no agreement within the EAEU, no other act within the EAEU mentions the introduction of a single currency and there are no such plans” [18].

The United States was concerned about the willingness of a series of countries to drive down their dollar dependence. So, in November 2020, during the summit of the EAEU and China, the sides discussed the use of their own monetary and financial settlement system between partners to limit the dollar turnover [19]. Such plans caused concern in the United States, which negatively assessed the creation of such an alliance. This was stated in the report of the research service of the US Congress. In particular, the document emphasized that “many foreign governments, which became the target of US financial sanctions, and their economic partners have increasingly been studying and creating conditions for reducing their dependence on the US dollar” [20].

The EAEU countries have managed to agree on the principles for the further development of the EAEU. In January 2021, the Eurasian Economic Commission adopted a document “On strategic directions for the development of Eurasian economic integration until 2025” (came into force on January 12, 2021) [21]. It identified the key tasks for the EAEU member states in the development of Eurasian integration. In particular, the document emphasized that “the permanent strategic direction is the completely removing barriers and to the maximum reducing exceptions

and restrictions” [21]. At the meeting in January 2021, Russian president emphasized the need to create a “common market for goods, services, capital and labor, as well as a single digital space” [22]. Russian President V. Putin stressed that “most sectors of the economy, common markets have already been created and are working successfully. Preparations are underway to create a common financial market for the EAEU. We have launched a program to create common markets for gas, oil and oil products” [22]. According to the Russian president, “over the six years of the association’s existence, despite the difficult external situation, a lot has been accomplished. In 2019, the mutual trade turnover of the Union states increased by 35% compared to 2015 and amounted to \$ 61,6 billion. The share of the EAEU countries in foreign trade also increased: from 7.8% in 2015 to 8,6% in 2020” [23].

Challenges in the economies of the most developed states did not diminish the interest of the West in the countries of the post-Soviet space. The West is seeking to further defragment the post-Soviet space, reduce the level of their cooperation with Russia and create informal blocs based on anti-Russian sentiments. These tasks determined the directions and approaches of the West regarding the countries of the post-Soviet space. Thus, the West is sensitive to the feelings arisen in the countries of the post-Soviet space. Some countries of the post-Soviet space have developed a consensus among the ruling elite regarding the nature of their relations with Russia and foreign policy implementation.

The priority of the West in the last decade was to support political elites in the countries of the post-Soviet space which were ready to implement an anti-Russian course. That policy was carried out during the US President George W. Bush term. Under the next presidents, such external policies course continued. Under the new US President J. Biden, Western

foreign policy, aimed at supporting the opposition in the post-Soviet countries, has been pursued with continuity. For the West, the task of finding loyal elites in the power, who negatively assess cooperation with Russia, remains an urgent task. This allows the West to count on the successful promotion of its interests in the countries of the post-Soviet space and contain Russia.

Economic challenges are pushing the US to increase its pressure on Russia, oppose the Russian-Chinese rapprochement. “Recent years have been characterized by an exacerbation of trade and economic contradictions between leading economies thereon the shift in «the centers of economic power», which led to a surge in protectionism, escalation of trade wars and the revision of trade agreements” [24]. Specifically, the Sino-American rivalry in the trade sphere has headed up. The US efforts to put pressure on Beijing have failed. At the same time, the Chinese side has gradually been reducing its dependence on the United States.

The West makes active use of democracy field and respect for human rights in its struggle for the post-Soviet space. Interference in the internal affairs of the post-Soviet countries is associated with the promotion of the integration project. It is no coincidence that Alexei Pushkov, chairman of the Federation Council’s commission on information policy with the media, noted that “competition in the post-Soviet space is intensifying. ... the Biden administration appears to be betting on the intensification of American efforts to separate the former-Soviet republics from Russia” [25]. The German expert Alexander Rahr shared the opinion and also believed that “along with Biden would people come who supported the” orange revolutions “in the post-Soviet space in the 2000s” [25].

In 2020–2021, the tide was towards coordination the US foreign policy actions with

the EU. The American president, speaking at the State Department, noted: “And we will be more effective in dealing with Russia when we work in coalition and coordination with other like-minded partners” [26]. Such an alliance, initially unequal, pushes Russia to cooperate more closely with China. And although Beijing is consistently expanding its presence in the post-Soviet space, in the face of unrelenting pressure from the West, the Russian-Chinese alliance can provide a basis for the new balance of power.

CONCLUSION

Promotion of the integration project will lead to a sharp strengthening of Russia’s foreign policy positions. The EAEU will attract other post-Soviet states. Moreover, European integration is rather difficult for many countries of the post-Soviet space [27].

The EAEU is still at the beginning of its formation. This inevitably generates conflicts between its participants due to clash of their interests. The reasons for this lie in the fact that initially the unification projects were conceived as political or geopolitical formations and the economic consequences were not fully calculated [28]. Nevertheless, the countries of the EAEU are focusing on expanding economic interaction, considering Eurasian integration as a prerequisite for the subsequent development of national economies and a move towards political stability. The prospects for Eurasian integration are topical to the internal political development of the EAEU member countries, as well as their abilities and capabilities to coordinate national interests. It is obvious that the benefits of integration processes can be gained instantly. “The creation of the EAEU opens up chances for stabilization the economic situation in countries participating in Eurasian integration, and in the future, for modernization and industrialization” [29].

The creation of the Eurasian Economic Union is a priority of Russian foreign policy. Reintegration of the post-Soviet space is a prerequisite for the development of Russia.

It reduces the threat of «sanitary corridors» formation around Russian borders, which can limit its potential for influencing the post-Soviet space.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2005. 25 апреля. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 13.01.2021).
2. Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents. Ed.: S. Frederick Starr, Svante E. Cornell. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. 2014. 203 p.
3. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. *Известия*. 2011. 5 октября.
4. Барахова А., Бутрин Д., Габуев А., Иванов М., Калитка В. Хамраев В. Владимир Путин выступил в пространство. *Коммерсант*. 2011. 5 октября. С. 1. <https://www.kommersant.ru/doc/1788017> (дата обращения: 23.01.2021)
5. Шурубович А.В. Евразийская интеграция в восприятии белорусов. *Россия и новые государства Евразии*. 2014;1:9-25.
6. Кузьмина Е. М. Евразийский экономический союз: испытание кризисом. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015;1:12.
7. Якименко Ю. Ход и перспективы российско-украинского диалога о вступлении Украины в Таможенный союз в оценках СМИ. *Резонанс*. 2013;6:6.
8. Арупов А.А., Абайдуллаева М.М. Перспективы формирования и развития Единого экономического пространства. Сборник материалов научно-практической конференции (г. Алматы, 15 ноября 2011 г.) / Под ред. Б.К. Султанова. — Алматы: КИСИ при Президенте РК. 2012. С. 49-63.
9. Дурдыева А.А. Дилемма интеграций на евразийском пространстве в контексте украинских событий. *Вестник МГИМО*. 2015;3:136.
10. Договор о Евразийском экономическом союзе. Москва. 2014. 680 с.
11. Бекашев К.А., Бекашев Д.К., Кашкин С.Ю. Моисеев Е.Г., Сулейманов Т.В. Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза. Москва: Проспект; 2015. С. 50.
12. Кузьмина Е.М. Евразийский экономический союз: испытание кризисом. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015;1:5-16
13. Шуцунь В., Цинсун В. Перспективы евразийского интеграционного проекта и его последствия для Китая. *Проблемы национальной стратегии*. 2013;3:91
14. Готов ли Евразийский союз к расширению? 13.07.2016 / <http://eurasia.expert/gotov-li-evraziyskiy-soyuz-k-rasshireniyu/> (дата обращения: 29.01.2021).
15. Жильцов С.С. Стратегия Запада на постсоветском пространстве / Мировая политика в фокусе современности. Ред. М.А. Неймарк. Москва: Дашков и К^о; 2019. С. 72-106.
16. Шустов А. Темпы падения экономик ЕАЭС в 2020 году оказались ниже мировых. 2021. 24 февраля. <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-02-24--tempy-padenija-ekonomik-eaes-v-2020-g-okazalis-nizhe-mirovyh-53402> (дата обращения: 26.02.2021)
17. Винокуров Е., Лаврова Н., Петренко В. Повышение роли национальных валют ЕАЭС в международных расчетах. Москва: Евразийский банк развития; 2021. 21 с.
18. В ЕАЭК заявили, что ЕАЭС не планирует вводить единую валюту. 2021. 5 февраля. <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-02-05--v-eek-zajavili-chto-eaes-ne-planiruet>

- [vvodit-edinuju-valjutu-53117](#) (дата обращения: 14.02.2021)
19. Кряжева А. Санкции США как стимул к дедолларизации на евразийском пространстве. 2021. 15 февраля. <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-02-15--sankcii-ssha-kak-stimul-k-dedollarizacii-na-evrazijskom-prostranstve-53267> (дата обращения: 18.02.2021)
  20. Dianne E. Rennack, Rebecca M. Nelson Economic Sanctions: Overview for the 117th Congress. January 15. 2021. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11730> [Accessed: 18.02.2021]
  21. «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». Евразийская экономическая комиссия. Вступила в силу 12 января 2021 года. Евразийский экономический союз. Правовой портал. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01528320/err_12012021_12 (дата обращения: 17.01.2021)
  22. Сопещение по вопросу реализации интеграционных проектов на пространстве Евразийского экономического союза. 2021. 20 января. Сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64909> (дата обращения: 03.02.2021)
  23. Путин: странам ЕАЭС нужно эффективно координировать усилия по борьбе с коронавирусом. 2021. 20 января. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10505305> (дата обращения: 01.02.2021)
  24. Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в странах-членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития». Москва: Евразийская экономическая комиссия; 2019. С. 30.
  25. Деркул О. Новая администрация США и угрозы постсоветскому пространству. 2021. 8 февраля. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-02-08--novaja-administracija-ssha-i-ugrozy-postsovetскому-prostranstvu-i-53153> (дата обращения: 15.02.2021)
  26. Remarks by President Biden on America's Place in the World. 2021. February 4. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> [Accessed: 14.02.2021]
  27. Мендкович Н.А. На пути к Евразийскому экономическому чуду. Россия и интеграция на постсоветском пространстве. Москва: Алгоритм; 2015. С. 207.
  28. Фоминских О. Взгляд из Беларуси: Казахстану пора отпустить тенге. *Капитал*. 2015. 7 июля.
  29. Кузьмина Е.М. «Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(3):229-239. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-3-229-239>

REFERENCES:

1. Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. April 25. 2005. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> [Accessed: 13.01.2021] (In Russ.)
2. Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents. Ed.: S. Frederick Starr, Svante E. Cornell. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. 2014. 203 p.
3. Putin V.V. A new integration project for Eurasia — the future that is being born today. *Izvestia*. October 5, 2011. (In Russ.)
4. Barakhova A., Butrin D., Gabuev A., Ivanov M., Kalitka V. Khamraev V. Vladimir Putin addressed the space. *Kommersant*. October 5, 2011. p. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1788017> [Accessed: 23.01.2021] (In Russ.)

5. Shurubovich A. V. Eurasian integration in the perception of the Belarusians. *Russia and the new states of Eurasia*. 2014;1:9-25. (In Russ.)
6. Kuzmina E. M. Eurasian Economic Union: Testing by the Crisis. *Post-Soviet Issues*. 2015;1:12. (In Russ.)
7. Yakimenko Y. Progress and Prospects of the Russian-Ukrainian Dialogue on Ukraine's Accession to the Customs Union in Media Assessments. *Resonance*. 2013;6:6.
8. Arupov A. A., Abaydullaeva M. M. Prospects for the formation and development of the Common Free Market Zone. Collection of materials of the Research-to-Practice Conference (Almaty, November 15, 2011). Ed. B. K. Sultanov. Almaty: KISS under the President of the Republic of Kazakhstan; 2012. pp. 49-63.
9. Durdyeva A. A. The dilemma of integration in the Eurasian space in the context of Ukrainian events. *Vestnik MGIMO*. 2015;3:136.
10. Treaty on the Eurasian Economic Union. Moscow. 2014. 680 p. (In Russ.)
11. Bekyashev K. A., Bekyashev D. K., Kashkin S. Yu., Moiseev E. G., Suleimanov T. V. International legal framework for the creation and functioning of the Eurasian Economic Union. Moscow: Prospect; 2015. p. 50.
12. Kuzmina E. M. Eurasian Economic Union: Testing by the Crisis. *Post-Soviet Issues*. 2015;1:5-16.
13. Shutsun V., Qingsun V. Prospects of the Eurasian integration project and its implications for China. *Problems of national strategy*. 2013;3:91.
14. Is the Eurasian Union ready for expansion? July 13, 2016. URL: <http://eurasia.expert/got-ov-li-evrazijskiy-soyuz-k-rasshireniyu/> [Accessed: 29.01.2021] (In Russ.)
15. Zhiltsov S. S. The strategy of the West in the post-Soviet space / World politics in the focus of our time. Ed. M. A. Neimark. Moscow: Dashkov and Co; 2019. pp. 72-106. (In Russ.)
16. Shustov A. The rates of declining the EAEU economies in 2020 fell below the world ones. 2021. February 24. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-02-24--tempy-padenija-ekonomik-eaes-v-2020-g-okazalis-nizhemirovyh-53402> [Accessed: 26.02.2021] (In Russ.)
17. Vinokurov E., Lavrova N., Petrenko V. Enhancing the role of the EAEU national currencies in international settlements. Moscow: Eurasian Development Bank; 2021. 21 p.
18. The EAEC said that the EAEU does not plan to introduce a single currency. 2021. February 5. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-02-05--v-eek-zajavili-chto-eaes-ne-planiruet-vvodit-edinuju-valjutu-53117> [Accessed: 14.02.2021] (In Russ.)
19. Kryazheva A. US sanctions as an incentive to de-dollarization in the Eurasian space. 2021. February 15. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-02-15--sankcii-ssha-kak-stimul-k-dedollarizacii-na-evrazijskom-prostranstve-53267> [Accessed: 18.02.2021] (In Russ.)
20. Dianne E. Rennack, Rebecca M. Nelson Economic Sanctions: Overview for the 117th Congress. January 15. 2021. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11730> [Accessed: 18.02.2021]
21. «On strategic directions for the development of Eurasian economic integration until 2025». Eurasian Economic Commission. Came into operation on January 12, 2021. Eurasian Economic Union. Legal portal. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01528320/err_12012021_12 [Accessed: 17.01.2021] (In Russ.)
22. Meeting on the implementation of integration projects in the space of the Eurasian Economic Union. 2021. January 20. Site of the President of the Russian Federation. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64909> [Accessed: 03.02.2021] (In Russ.)
23. Putin: EAEU countries need to effectively coordinate efforts to combat coronavirus. 2021.

- January 20. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10505305> [Accessed: 01.02.2021] (In Russ.)
24. Analytical report «On the macroeconomic situation in the member countries of the Eurasian Economic Union and proposals to ensure sustainable economic development». Moscow: Eurasian Economic Commission; 2019. p. 30.
25. Derkul O. The new US administration and threats to the post-Soviet space. 2021. February 8. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news-2021-02-08--novaja-administracija-ssha-i-ugrozy-postsovetskomu-prostranstvu-i-53153> [Accessed: 15.02.2021] (In Russ.)
26. Remarks by President Biden on America's Place in the World. 2021. February 4. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> [Accessed: 14.02.2021]
27. Mendkovich N.A. Towards a Eurasian Economic Miracle. Russia and integration in the post-Soviet space. Moscow: Algorithm; 2015. 207 p.
28. Fominskikh O. A look from Belarus: it's time for Kazakhstan to release tenge. *Capital*. 2015. July 7.
29. Kuzmina E.M. Greater Eurasia: Russia's Interests and Opportunities in Interaction with China. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):229-239. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1; Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia; People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia;
serg.serg56@mail.ru

Россия и Грузия: время взаимодействовать

Олег Г. Карпович¹, Олег И. Шакиров²

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

¹iamp@dipacademy.ru, ²shakirov.oleg@gmail.com

Аннотация: Развитие российско-грузинских отношений определяется как долгосрочными факторами, так и конъюнктурными обстоятельствами. К первым относятся разногласия двух стран по безопасности в Закавказье: статусу Абхазии и Южной Осетии и отношению к активности НАТО в регионе. Устойчивый характер имеет и дискуссия по поводу взаимодействия с Россией в грузинской внутренней политикой. Эти факторы ограничивают возможности расширения двусторонних связей. К ограничителям ситуативного характера можно отнести такие явления, как пандемия COVID-19 или внутривосточный кризис в Грузии после парламентских выборов 2020 г. В совокупности долгосрочные и конъюнктурные факторы задают общий тон двусторонних отношений, которым свойственна предсказуемость и невысокая динамика. Несмотря на существующие ограничения перспективным представляется российско-грузинское сотрудничество в торгово-экономической и общественной сферах.

Ключевые слова: Россия, Грузия, безопасность в Закавказье, российско-грузинский товарооборот, пандемия, ковид, экономика, политика

Для цитирования: Карпович О.Г., Шакиров О.И. Россия и Грузия: время взаимодействовать. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):20-32. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-20-32>

Статья поступила 24.02.2021

Принята в печать 10.03.2021

Опубликована 27.03.2021

Russia and Georgia: Time to Interact

Oleg G. Karpovich¹, Oleg I. Shakirov²

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

¹iamp@dipacademy.ru, ²shakirov.oleg@gmail.com

Abstract: The development of Russian-Georgian relations is determined by both long-term factors and situational circumstances. The former include disagreements between the two countries over security in Transcaucasia: the status of Abkhazia and South Ossetia and the attitude toward NATO activity in the region. Another persistent factor concerns the debate over interaction with

Russia in Georgia's domestic politics. These factors limit the possibilities for expanding bilateral ties. Situational constraints include such phenomena as the COVID-19 pandemic or the domestic political crisis in Georgia after the 2020 parliamentary elections. Taken together, the long-term and situational factors set the general tone for bilateral relations, which are characterized by predictability and low dynamics. Despite the existing limitations, Russian-Georgian cooperation holds promise in areas of trade and societal contacts.

Keywords: Russia, Georgia, security in Transcaucasia, Russia-Georgian trade, pandemic, COVID-19, economics, politics

For citation: Karpovich O.G., Shakirov O.I. Russia and Georgia: time to interact. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):20-32. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-20-32>

Received 24.02.2021

Revised 10.03.2021

Published 27.03.2021

ВВЕДЕНИЕ

Для внутриполитической ситуации в Грузии характерна высокая динамика и конкуренция между ведущими политическими силами. С 2012 г. правящей политической партией в стране остаётся «Грузинская мечта», основанная бизнесменом Бидзиной Иванишвили. Оппозиция представлена коалицией партий, ядром которой является Единое национальное движение (ЕНД), основанное бывшим президентом Михаилом Саакашвили.

В результате выборов 2020 г. в стране разразился политический кризис. После первого тура оппозиционные партии заявили о фальсификациях и сняли своих кандидатов со второго тура голосования по одномандатным округам. В итоге в ряде округов голосование было безальтернативным. Это позволило «Грузинской мечте» получить 90 мест в парламенте из 150 мест и сформировать простое большинство, достаточное для формирования правительства. При этом явка на второй тур была рекордно низкой за историю страны [1].

Это третий созыв парламента, в котором «Грузинская мечта» получила большинство

голосов. По сравнению с предыдущим созывом, где она имела 115 мест, ее результат ухудшился. «Грузинская мечта» сохранила за собой власть, однако оппозиция пыталась сорвать работу парламента.

Политический кризис в Грузии привлёк внимание внешних игроков. При этом внешнеполитический курс страны после выборов 2020 г. не претерпел заметных изменений. Пост министра иностранных дел в новом правительстве сохранил Давид Залкалиани. В конце декабря 2020 г. Парламент Грузии принял резолюцию о внешней политике страны [2]. В документе Запад рассматривается в качестве внешнеполитического ориентира для Тбилиси, а членство в НАТО названо ключевым приоритетом.

Во внутриполитических процессах Грузии России уделяется повышенное внимание. Так, предвыборная кампания в 2020 г. проходила на фоне скандалов о российском вмешательстве [3]. Наиболее пророссийской партией грузинские СМИ называли «Альянс патриотов Грузии», от которой на выборах победили 4 депутата (вошли

в парламент как новая партия «Европейские социалисты») [4]. Даже «Грузинскую мечту» оппозиция, прежде всего сторонники ЕНД, попыталась изобразить как про-российскую партию [3].

Визиты российских политических и общественных деятелей в Грузию нередко используются оппозиционными силами как повод для мобилизации своих сторонников и критики правительства. В 2019 г. участие депутата Государственной думы Сергея Гаврилова и других российских делегатов во встрече Межпарламентской ассамблеи православия в Грузии закончилось штурмом парламента: оппозиционных депутатов возмутило то, что российский парламентарий занял кресло председателя [5].

Политизация контактов с Россией используется оппозицией как инструмент в конкуренции за власть. Это служит серьёзным ограничителем на развитие российско-грузинских отношений. Также между Россией и Грузией сохраняются принципиальные разногласия по вопросам безопасности в регионе. Во-первых, в то время как Россия с 2008 г. признаёт Абхазию и Южную Осетию суверенными государствами, Грузия рассматривает их как части своей территории, оккупированные Россией. Во-вторых, Грузия продолжает курс на сближение с Североатлантическим альянсом (НАТО), Россия же расценивает наращивание активности НАТО вблизи своих границ как одну из основных внешних военных опасностей.

Несмотря на политические разногласия, страны активно развивали торгово-экономическое сотрудничество. В 2020 году пандемия коронавируса привела к снижению основных торгово-экономических показателей. Так, в январе-ноябре 2020 г. снижение товарооборота между двумя странами составило 10,4% [6].

СОТРУДНИЧЕСТВО ГРУЗИИ С НАТО

Грузинское руководство по-прежнему ставит своей целью членство в Альянсе и активно взаимодействует с ним в практической сфере. Так, в марте 2020 года на базе военного учебного центра Грузия-НАТО в Крцаниси началось строительство нового корпуса для нового командно-учебного центра, которое по плану завершится в 2021 году. В 2022 году должны состояться грузинско-натовские учения. В апреле 2020 года прошли военно-морские учения Грузии и НАТО при участии Второго постоянного военно-морского подразделения НАТО [7]. В сентябре того же года в Грузии прошли учения «Достойный партнёр» с участием 4 стран-членов НАТО: США, Польши, Германии, Великобритании [8]. Между НАТО и Грузией поддерживаются контакты на высоком уровне: в июле 2020 года штаб-квартиру Альянса посетил министр иностранных дел Давид Залкалиани. В декабре 2020 года в ходе заседания министров иностранных дел НАТО состоялась встреча с министрами иностранных дел Грузии и Украины, было обозначено намерение Альянса усилить присутствие в Черноморском регионе [9]. В январе 2021 года с генсеком НАТО встретилась президент Саломе Зурабишвили.

Грузия активно сотрудничает с НАТО и членами Альянса по вопросам кибербезопасности. В феврале 2020 года министерства иностранных дел Великобритании [10], США [11], Нидерландов [12] и Грузии [13] опубликовали обвинения в адрес России в проведении кибератак против грузинских провайдеров в октябре 2019 года. Обвинения поддержал ряд других стран НАТО. В марте 2020 года Минобороны Грузии заявило о присоединении к «поддерживаемой НАТО Многонациональной платформе обмена информацией о вредоносном ПО» [14], финансируется ЕС и Центром

предотвращения компьютерных инцидентов Люксембурга.

Вопрос о перспективах присоединения Грузии к НАТО активно не обсуждается. В докладе НАТО 2030 [15] политика «открытых дверей» НАТО упоминается четырежды. В этом контексте отмечается, что «НАТО должна расширять и укреплять партнёрства с Украиной и Грузией» [15]. Необходимость держать «дверь открытой» перед такими странами, как Грузия, подчеркнул Энтони Блинкен во время слушаний в Сенате США, на которых рассматривалось его назначение на пост госсекретаря [16].

Пока существуют препятствия для вступления Грузии в НАТО. Грузинское руководство намерено вступить в Альянс в границах, которые включают Абхазию и Южную Осетию, провозгласивших независимость в 2008 году. В 2019 году эксперт Heritage Foundation Люк Коффи предложил способ, как Грузия могла бы вступить в НАТО, не снимая претензий на территории двух республик. По его мнению, «решение может состоять в том, что при вступлении будет оговорено, что Грузия приглашается к членству в тех границах, на которые она претендует, но Статья 5 НАТО распространяется только на подконтрольные Тбилиси территории (т.е. без Абхазии и Южной Осетии)» [17]. Пока маловероятно, что этот вариант будет всерьёз обсуждаться на политическом уровне. Если такое случится, это может негативно сказаться на российско-грузинских отношениях и быть воспринято в Москве как опасная провокация.

АБХАЗИЯ И ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Продолжаются Женевские консультации по безопасности и стабильности в Закавказье. В 2019 году прошло 4 раунда дискуссий, в 2020 году в связи с пандемией — только один раунд. В центре кон-

сультаций остается вопрос неприменения силы. Абхазия и Южная Осетия выступают за разработку соответствующего соглашения с Грузией. Грузинская сторона акцентирует внимание на принятом обязательстве не применять силу против двух республик, которые она рассматривает как оккупированные части собственной территории. Согласно сообщению для прессы от имени сопредседателей формата по итогам последнего на текущий момент 51-го раунда консультаций в Женеве, участники оценили ситуацию в области безопасности на земле как относительно спокойную и стабильную. Сопредседатели консультаций приветствовали возобновление работы Механизма предотвращения и реагирования на инциденты в Эргети и призвали возобновить работу аналогичного механизма в Гали [18].

Со стороны Грузии, Запада и Украины регулярно звучит критика в отношении взаимодействия России с Абхазией и Южной Осетией. В её основе — неприятие грузинской стороной и её партнерами статуса двух республик как независимых государств. Так, на 51-м раунде консультаций в Женеве Грузия подняла вопросы о принятии программы создания единого социально-экономического пространства между Россией и Абхазией, о проведении регулярных российских учений в Абхазии и Южной Осетии и другие вопросы [19]. Россия в свою очередь, вновь обратила внимание на необходимость обеспечения доступа абхазских и югоосетинских представителей на международные площадки, когда обсуждения там затрагивают вопросы жизнедеятельности республик [20].

ПОЗИЦИЯ ГРУЗИИ В ОТНОШЕНИИ ДОГОВОРА ПО ОТКРЫТОМУ НЕБУ

В мае 2020 г. после заявления США о выходе из Договора по открытому небу (ДОН) Грузия поддержала американское

решение [21]. В отличие от большинства остальных участников ДОН, Грузия отказалась пересматривать свой запрет на российские наблюдательные полёты [22]. В январе 2021 года Россия заявила о начале внутригосударственных процедур по выходу из Договора. Вместе с тем, по словам министра иностранных дел С.В. Лаврова, «если США полностью вернуться к выполнению ДОН, в Москве будут готовы конструктивно рассмотреть эту новую ситуацию» [23].

В случае, если речь пойдет о возвращении США в ДОН и прекращении процедуры выхода России, позиция Грузии по Договору будет играть важную роль. США называли в числе нарушений введенное Россией ограничение на полеты в 10-километровой зоне вдоль границ с Абхазией и Южной Осетией. В соответствии с Договором, такие ограничения действуют для границ государств, которые не являются его участниками. Однако Грузия и большинство участников ДОН не признают суверенитет двух республик. Россия в 2018 году заявляла о готовности снять ограничение для полётов, однако впоследствии оно вновь применялось.

Вопрос о снятии этого ограничения может вновь оказаться на повестке в контексте возвращения США и невыхода России. В связи с ним Россия обоснованно может поднять вопрос о соблюдении Грузией ДОН в части допуска российских самолетов наблюдения, против чего возражает Грузия. Альтернативно может быть рассмотрен вариант с наблюдательными полётами совместных миссий с участием российских экипажей.

БИОЛАБОРАТОРИИ НА ТЕРРИТОРИИ ГРУЗИИ

С российской стороны на протяжении нескольких лет звучат опасения относительно военно-биологической деятельности на территории Грузии «Исследовательско-

го центра общественного здравоохранения имени Ричарда Лугара». Несмотря на неоднократные заявления Москвы по этому поводу, Грузия не готова предоставить доступ к лаборатории российским экспертам. Вместо этого в 2018 году Грузия организовала визит группы международных экспертов в лабораторию с последующей публикацией доклада, описывающим её деятельность как безопасную и прозрачную. На российскую оценку лаборатории эта инспекция не повлияла [24]. Госдепартамент США в 2020 году обвинил Россию в распространении дезинформации относительно деятельности лаборатории.

Одновременно Россия и Армения ведут переговоры о подписании двустороннего меморандума о биологических лабораториях [25] (речь идёт также о возможности посещения российскими специалистами лабораторий, модернизированных при поддержке США). В перспективе, когда будет подписан российско-армянский меморандум, Россия могла бы предложить его в качестве образца для аналогичной договорённости с Грузией. Однако, учитывая общую ориентацию грузинского руководства на Запад, рассчитывать на продвижение по данному вопросу не приходится.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ГРУЗИИ

За последние годы объем торговли между Россией и Грузией увеличивался. Так, в 2011 году объем грузинского экспорта в Россию составлял 37 млн долл. (доля во всем грузинском экспорте 1,7%). К 2019 году он увеличился более чем в 10 раз — до 497 млн долл. (11,7% от всего экспорта). Импорт из России почти в два раза превышал экспорт (976 млн долл.) [26]. В 2020 году внешнеторговый оборот между странами снизился. Так, грузинский экспорт уменьшился до уровня 2018 года.

В 2020 году пять основных групп товаров, которые экспортировала Грузия в Россию включали: вино, ферросплавы, минеральную воду, спиртные напитки, косточковые фрукты. Грузия импортировала из России: нефтепродукты и смазочные материалы, пшеницу и меслин, нефтяной газ и другие газообразные углеводороды, подсолнечное и другие растительные масла, телефонные аппараты.

Пандемия 2020 года отразилась на сфере туризма. С 2011 года по 2019 год ежегодное количество российских туристов, посещающих Грузию, выросло с 220 тыс. до 1 472 000 человек. Доля граждан России в турпотоке в Грузию в 2011 году составляла 7,1%, в 2018 — 16,%, в 2019 — 15,7%. В 2020 году количество туристов из России в Грузию снизилось на 85,9% и составило около 210 тыс. человек (уровень 2011 года) [27].

Россия остается лидером по объему денежных переводов в Грузию. Согласно данным Национального банка Грузии, в 2020 году сумма переводов из России составила около 364 млн долларов, что соответствовало 19,3% от всех поступлений в страну. Другие страны в первой пятёрке по объему переводов: Италия, Греция, США и Израиль [28].

Однако продолжается многолетний тренд на снижение доли России в общем объеме денежных переводов. В 2012 году из России поступало более половины переводов (56%), затем каждый год эта доля сокращалась до примерно одной пятой в 2020 году [26]. Снижение доли переводов в 2020 году по сравнению с 2019 году составило 15,1%. Несмотря на то, что общий объем поступлений в Грузию за год увеличился почти на 9%. Это объясняется ограничительными мерами и прекращением авиасообщения.

В феврале 2019 году началась работа Совместного комитета российско-грузинского

Соглашения об основных принципах механизма таможенного администрирования и мониторинга торговли товарами 2011 года. В соответствии с договоренностями, швейцарская компания SGS уполномочена сторонами осуществлять мониторинг и маркировку грузов, проходящих через Абхазию и Южную Осетию. Однако остаются нерешенные вопросы относительно имплементации Соглашения, прежде всего между Грузией и Абхазией и Южной Осетией. Была создана рабочая группа для решения данного вопроса, в 2019 году прошли три встречи.

Для российской стороны особую значимость представляет абхазский коридор, через который Россия могла бы возобновить прямо железнодорожное сообщение с Арменией, прерванное из-за войны в Абхазии в 1992–1993 годах. В открытии этого транспортного пути заинтересована Армения. Однако в среднесрочной перспективе значимость открытия абхазского направления для России может снизиться. Вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе в 2020 году завершился подписанием Арменией, Азербайджаном и Россией Соглашения о предотвращении огня, которое в числе прочего предусматривает разблокирование всех экономических и транспортных связей в регионе. Работа по реализации этого положения началась [29]. Ее результатом должно стать создание транспортного коридора, который свяжет железной дорогой Россию с Арменией через Азербайджан. Это решит задачу прямого сообщения.

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

В Тбилиси продолжает работать Грузино-Российский общественный центр имени Е. М. Примакова, созданный в 2013 году при содействии Фонда Горчакова и тбилисского Института международных отношений. В 2020 году Центр регулярно

проводил онлайн-дискуссию, запустил свою канал на YouTube. С октября на его базе также начали проводиться бесплатные курсы русского языка [30].

В октябре 2019 году в Пятигорском государственном университете открылся Центр грузинского языка и культуры. Его задача — «активизировать сотрудничество с научными и культурными центрами Грузии и грузинских диаспор для разработки и реализации международных проектов и программ в учебной, научно-исследовательской и культурной областях» [31], а также для содействия популяризации и изучению грузинского языка и культуры.

В ноябре 2019 году Г.Б. Карасин после встречи с З.И. Абашидзе анонсировал скорое открытие центра русского языка в Тбилиси [32]. Курсы русского языка предполагалось проводить при Российском визовом центре, открытом в 2018 году. Несмотря на то, что некоторые оппозиционные «Грузинской мечте» политики выступили против открытия такого центра [33], летом 2020 года в Тбилиси открылся Центр русского языка «Азбука».

Краткий обзор российских операторов грантов, оказывающих проектам общественной дипломатии, показывает, что их ресурсы в последние годы практически не используются для развития российско-грузинских отношений. В каждом из последних трех грантовых конкурсов Фонд Горчакова поддерживал по одному проекту, связанному с российско-грузинскими отношениями (всего 3 гранта из 54 на 2020-й и первое полугодие 2021 года). Для сравнения: на оба полугодия 2019 года среди проектов-победителей ни один ни касался Грузии.

Медийного освещения проекты не получили. На первое полугодие 2020 года грант получил Центр защиты грузинского языка

с проектом «Молодежная экспертная встреча» [34]. Во втором полугодии 2020 года грант получила АНО по изучению грузинской поэзии и культуры «Голубой рог» на проект «Российско-грузинский диалог о культуре» [35].

В первом полугодии 2021 года поддержку Фонда Горчакова получила АНО «Центр развития и популяризации грузинской культуры среди молодежи» Таоба (Поколение) на проведение российско-грузинского молодежного проектного акселератора «Точка максимума» [36]. АНО Таоба — молодежная грузинская организация, созданная в 2018 году в Санкт-Петербурге.

Грантовые возможности Фонда президентских грантов практически не задействованы для развития российско-грузинских отношений. В 2019-2020 годах заявку в направлении «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» подавал только один проект, связанный с российско-грузинскими отношениями — Форум регионов Юга России и Грузии [37]. Однако он не получил поддержку Фонда.

Возможности российских операторов грантов могли бы активнее использоваться для проектов общественной дипломатии, направленных на развитие российско-грузинских связей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие двусторонних отношений между Россией и Грузией сохраняет значительную степень инерции. Принципиальные вопросы, по которым у двух стран существуют разногласия, такие как статус Абхазии и Южной Осетии или отношение к деятельности НАТО в Закавказье и Черноморском регионе, ограничивают возможности сотрудничества по вопросам безопасности. Так, маловероятно, что сторонам в ближайшем будущем удастся найти взаимопонимание по таким проблемам,

как будущее Договора по открытому небу или ситуация вокруг американских биологических лабораторий в Грузии.

Место России во внутривосточной дискуссии в Грузии служит ещё одним долгосрочным ограничителем. Мобилизация сторонниками ЕНД и другими оппозиционными силами своего электората вокруг связанных с Россией скандалов сужает пространство манёвра для правительства при выстраивании отношений с Москвой.

К долгосрочным факторам добавляются и конъюнктурные обстоятельства, такие как политический кризис после парламентских выборов 2020 г. или пандемия

COVID-19, заметно отразившаяся на товарообороте и турпотоке между Россией и Грузией.

Несмотря на влияние пандемии торгово-экономическая сфера занимает важное место в отношениях между двумя странами и, вероятно, продолжит развитие. Кроме того, заметен интерес народов России и Грузии к друг другу, что проявляется в новых общественных и культурных проектах. В условиях разногласий по вопросам безопасности именно эти, менее политизированные направления представляются наиболее перспективными для сотрудничества двух стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Двали Г. «Грузинскую мечту» сделали советской. *Коммерсантъ*. 2020. 23 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4583261> (дата обращения 29.01.2021).
2. Парламент Грузии принял резолюцию об интеграции республики в ЕС и НАТО. 2020. 25 декабря. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10357995> (дата обращения 29.01.2021).
3. Маркедонов С. Взгляд из Москвы на выборы в Грузии: протесты будут, революция — нет. URL: <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20201102/249907893/Vzglyad-iz-Moskvy-na-vybory-v-Gruzii-protesty-budut-revolutsiya-net.html> (дата обращения 29.01.2021).
4. Парламент Грузии проголосует за лишение полномочий более трети депутатов. 2021. 2 февраля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10599649> (дата обращения 2.02.2021).
5. Скандал с российской делегацией и штурм парламента. Главное о событиях в Тбилиси. 2019. 20 июня. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6574698> (дата обращения 01.02.2021).
6. В январе-ноябре снижение товарооборота между Грузией и Россией составило 10,4%. 2021. 11 января. URL: <https://www.interfax.ru/world/744626> (дата обращения 19.01.2021).
7. NATO Forces Visit Georgia. 2020. 7 апреля. URL: <https://mc.nato.int/media-centre/news/2020/nato-forces-visit-georgia-> (дата обращения 19.01.2021).
8. Noble Partner 2020 closing ceremony. U.S. Embassy in Georgia. 2020. 18 сентября. URL: <https://ge.usembassy.gov/noble-partner-2020-closing-ceremony/> (дата обращения 9.01.2021).
9. Коваленко М. Протопы ты мне НАТО по Черному. *Коммерсантъ*. 2020. 3 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4595399> (дата обращения 16.01.2021).
10. UK condemns Russia's GRU over Georgia cyber-attacks. UK Foreign and Commonwealth Office. 2020. 20 февраля. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-condemns-russias-gru-over-georgia-cyber-attacks> (дата обращения 29.01.2021).
11. The United States Condemns Russian Cyber Attack Against the Country of Georgia (February 20). U.S. Embassy in Georgia.

2020. 20 февраля. URL: <https://ge.usembassy.gov/the-united-states-condemns-russian-cyber-attack-against-the-country-of-georgia-february-20/> (дата обращения 13.01.2021).
12. The Netherlands considers Russia's GRU responsible for cyber attacks against Georgia. Ministry of Foreign Affairs of the Netherlands. 2020. 20 февраля. URL: <https://www.government.nl/ministries/ministry-of-foreign-affairs/documents/diplomatic-statements/2020/02/20/the-netherlands-considers-russia-%E2%80%99s-gru-responsible-for-cyber-attacks-against-georgia> (дата обращения 14.01.2021).
  13. Antidze M., Stubbs J. Georgia, backed by U.S. and Britain, blames Russia for 'paralyzing' cyber attack. 2020. 20 февраля. URL: <https://www.reuters.com/article/us-georgia-cyber-idUSKBN20E1W3> (дата обращения 14.01.2021).
  14. Georgia becomes member of NATO cyber security platform. 2020. 5 марта. URL: <https://agenda.ge/en/news/2020/686> (дата обращения 14.01.2021).
  15. NATO 2030: United for a New Era. 2020. 25 ноября. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (дата обращения 15.01.2021).
  16. Secretary-designate Blinken Says NATO Door Shall Remain Open to Georgia. 2021. 20 января. URL: <https://civil.ge/archives/391935> (дата обращения 20.01.2021).
  17. Coffey L. Creativity and Bold Leadership Needed for Georgia's NATO Membership. Heritage Foundation. 2019. 12 июня. URL: <https://www.heritage.org/defense/report/creativity-and-bold-leadership-needed-georgias-nato-membership> (дата обращения 22.01.2021).
  18. Press Communiqué of the Co-Chairs of the Geneva International Discussion, 11 December 2020. URL: <https://dppa.un.org/en/press-communicue-of-co-chairs-of-geneva-international-discussion-11-december-2020> (дата обращения 21.01.2021).
  19. Statement by the Ministry of Foreign Affairs on the 51st Round of the Geneva International Discussions. Ministry of Foreign Affairs of Georgia. URL: [https://mfa.gov.ge/News/%E2%80%8B%8Bsagareo-saqmeta-saministros-ganckhadaba-jenev-\(3\).asp?CatID=5](https://mfa.gov.ge/News/%E2%80%8B%8Bsagareo-saqmeta-saministros-ganckhadaba-jenev-(3).asp?CatID=5) (дата обращения 24.01.2021).
  20. О консультациях по безопасности и стабильности в Закавказье. 2020. 11 декабря. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4483296 (дата обращения 19.01.2021).
  21. Грузия поддержала решение США о выходе из Договора по открытому небу. 2020. 20 мая. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8539855> (дата обращения 9.01.2021).
  22. Грузия отказалась отменить запрет на российские наблюдательные полеты 2020. 27 мая. URL: <https://ria.ru/20200527/1572048258.html> (дата обращения 12.01.2021).
  23. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Швеции, Действующим председателем ОБСЕ А.Линде, Москва, 2 февраля 2021 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4550431 (дата обращения 2.02.2021).
  24. Комментарий Департамента информации и печати МИД России о ситуации вокруг «Исследовательского центра общественного здравоохранения им. Р.Лугара» в Грузии. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4138777 (дата обращения 2.02.2021).
  25. Россия ожидает скорейшего подписания меморандума о биологическом сотрудничестве

- риях с Арменией — посол. 2020. 11 июня. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/politics/20200611/23349166/Rossiia-ozhidaet-skoreyshego-podpisaniya-memoranduma-o-biolaboratoriyakh-s-Armeniei.html> (дата обращения 21.01.2021).
26. Georgia's Economic Dependence on Russia: Trends and Threats. 2020. 4 мая. URL: <https://transparency.ge/en/blog/georgias-economic-dependence-russia-trends-and-threats> (дата обращения 18.01.2021).
27. Турпоток из России в Грузию в 2020 году сократился в семь раз. 2021 11 января. URL: <https://www.interfax.ru/world/744626> (дата обращения 11.01.2021).
28. Сколько валюты мигранты прислали в Грузию в 2020 году. 2021. 16 января. URL: <https://sputnik-georgia.ru/economy/20210116/250623536/Skolko-valyuty-migranty-prislali-v-Gruziyu-v-2020-godu.html> (дата обращения 16.01.2021).
29. Кривошеев В., Халатян А. Армения и Азербайджан очертили границы отношений. *Коммерсантъ*. 2021. 13 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4640957> (дата обращения 14.01.2021).
30. В Грузии студентов будут бесплатно обучать русскому языку и литературе, 2020. 29 сентября. URL: <https://sputnik-georgia.ru/society/20200929/249574174/V-Gruzii-studentov-budut-besplatno-obuchat-russkomu-yazyku-i-literature.html> (дата обращения 9.01.2021).
31. Центр грузинского языка и культуры открылся в ПГУ. 2019. 8 октября. URL: https://pgu.ru/news/?ELEMENT_ID=325773 (дата обращения 04.01.2021).
32. Центр русского языка и культуры откроется в Тбилиси в декабре. 2019. 29 ноября. URL: <https://sputnik-georgia.ru/society/20191129/247146481/Tsent-russkogo-yazyka-i-kultury-otkroetsya-v-Tbilisi-v-dekatre.html> (дата обращения 13.01.2021).
33. Двали Г. Центр русской культуры не пускают в Тбилиси. *Коммерсантъ*. 2019. 1 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4178975> (дата обращения 19.01.2021).
34. Правление Фонда Горчакова подвело итоги конкурса на получение грантов в I полугодии 2020 году. 2019. 17 июля. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/pravlenie-fonda-gorchakova-podvelo-itogi-konkursa-na-poluchenie-grantov-v-i-polugodii-2020-godu/> (дата обращения 17.01.2021).
35. Правление Фонда Горчакова подвело итоги конкурса на получение грантов во II полугодии 2020 года. 2020. 16 января. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/pravlenie-fonda-gorchakova-podvelo-itogi-konkursa-na-poluchenie-grantov-vo-ii-polugodii-2020-goda/> (дата обращения 15.01.2021).
36. Правление Фонда Горчакова подвело итоги конкурса на получение грантов в I полугодии 2021 года. 2020. 24 июля. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/pravlenie-fonda-gorchakova-podvelo-itogi-konkursa-na-poluchenie-grantov-v-i-polugodii-2021-goda/> (дата обращения 18.01.2021).
37. Форум регионов Юга России и Грузии. URL: <https://xn--80afcdalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=F60C1530-03FA-4857-A4E2-68043C3B91FF> (дата обращения 17.01.2021).

REFERENCES:

1. Dvali G. «Georgian Dream» made Soviet. *Kommersant*. 2020. 23 November. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4583261> [Accessed: 29.01.2021] (In Russ.)
2. The Parliament of Georgia adopted a resolution on the integration of the republic into the EU and NATO. 2020. 25 December. URL: <https://>

- tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10357995 [Accessed: 29.01.2021] (In Russ.)
3. Markedonov S. A View from Moscow to the Elections in Georgia: There Will Be Protests, No Revolution. URL: <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20201102/249907893/Vzglyad-iz-Moskvy-na-vybory-v-Gruzii-protivty-budut-revoljutsiya-net.html> [Accessed: 29.01.2021] (In Russ.)
  4. The Parliament of Georgia will vote for the deprivation of powers of more than a third of the deputies. 2020. 2 February. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10599649> [Accessed: 2.02.2021] (In Russ.)
  5. The scandal with the Russian delegation and the storming of parliament. The main thing about the events in Tbilisi. 2019. 20 June. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6574698> [Accessed: 01.02.2021] (In Russ.)
  6. In January-November, the decrease in trade turnover between Georgia and Russia amounted to 10.4%. 2021. 11 January. URL: <https://www.interfax.ru/world/744626> [Accessed: 19.01.2021] (In Russ.)
  7. NATO Forces Visit Georgia. 2020. 7 April. URL: <https://mc.nato.int/media-centre/news/2020/nato-forces-visit-georgia-> [Accessed: 19.01.2021]
  8. Noble Partner 2020 closing ceremony. U.S. Embassy in Georgia. 2020. 18 September. URL: <https://ge.usembassy.gov/noble-partner-2020-closing-ceremony/> [Accessed: 9.01.2021]
  9. Kovalenko M. Protopy me NATO on Black. *Kommersant*. 2020. 3 December. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4595399> [Accessed: 16.01.2021]. (In Russ.)
  10. UK condemns Russia's GRU over Georgia cyber-attacks. UK Foreign and Commonwealth Office. 2020. 20 February. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-condemns-russias-gru-over-georgia-cyber-attacks> [Accessed: 29.01.2021]
  11. The United States Condemns Russian Cyber Attack Against the Country of Georgia (February 20). U.S. Embassy in Georgia. 2020. 20 February. URL: <https://ge.usembassy.gov/the-united-states-condemns-russian-cyber-attack-against-the-country-of-georgia-february-20/> [Accessed: 13.01.2021]
  12. The Netherlands considers Russia's GRU responsible for cyber attacks against Georgia. Ministry of Foreign Affairs of the Netherlands. 2020. 20 February. URL: <https://www.government.nl/ministries/ministry-of-foreign-affairs/documents/diplomatic-statements/2020/02/20/the-netherlands-considers-russia%E2%80%99s-gru-responsible-for-cyber-attacks-against-georgia> [Accessed: 14.01.2021].
  13. Antidze M., Stubbs J. Georgia, backed by U.S. and Britain, blames Russia for 'paralyzing' cyber attack. 2020. 20 February. URL: <https://www.reuters.com/article/us-georgia-cyber-idUSKBN20E1W3> [Accessed: 14.01.2021].
  14. Georgia becomes member of NATO cyber security platform. 2020. 5 Martha. URL: <https://agenda.ge/en/news/2020/686> [Accessed: 14.01.2021]
  15. NATO 2030: United for a New Era. 2020 25 November. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Union.pdf [Accessed: 15.01.2021]
  16. Secretary-designate Blinken Says NATO Door Shall Remain Open to Georgia. 2021. 20 January. URL: <https://civil.ge/archives/391935> [Accessed: 20.01.2021].
  17. Coffey L. Creativity and Bold Leadership Needed for Georgia's NATO Membership. 2019. 12 June. URL: <https://www.heritage.org/defense/report/creativity-and-bold-leadership-needed-georgias-nato-membership> [Accessed: 22.01.2021].
  18. Press Communiqué of the Co-Chairs of the Geneva International Discussion, 2020. 11 December. URL: <https://dppa.un.org/en/>

- [press-communique-of-co-chairs-of-geneva-international-discussion-11-december-2020](#) [Accessed: 21.01.2021]
19. Statement by the Ministry of Foreign Affairs on the 51st Round of the Geneva International Discussions. Ministry of Foreign Affairs of Georgia. URL: [https://mfa.gov.ge/News/%E2%80%8B%8Bsagareo-saqmeta-saministros-ganckhadeba-jenev-\(3\).aspx?CatID=5](https://mfa.gov.ge/News/%E2%80%8B%8Bsagareo-saqmeta-saministros-ganckhadeba-jenev-(3).aspx?CatID=5) [Accessed: 24.01.2021]
  20. On consultations on security and stability in the Transcaucasus. 2020. 11 December. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4483296 [Accessed: 19.01.2021]. (In Russ.)
  21. Georgia supported the US decision to withdraw from the Open Skies Treaty. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8539855> [Accessed: 29.01.2021] (In Russ.)
  22. Georgia refused to lift the ban on Russian observation flights. 2020. 20 May. URL: <https://ria.ru/20200527/1572048258.html> [Accessed: 12.01.2021] (In Russ.)
  23. Speech and answers to media questions by Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov during a joint press conference following talks with Minister of Foreign Affairs of Sweden, OSCE Chairman-in-Office A. Linde, Moscow, February 2, 2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4550431 [Accessed: 2.02.2021] (In Russ.)
  24. Commentary of the Department of Information and Press of the Russian Foreign Ministry on the situation around the «Research Center for Public Health named after R. Lugar in Georgia». URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4138777 [Accessed: 2.02.2021]. (In Russ.)
  25. Russia expects the soonest signing of a memorandum on biological laboratories with Armenia — ambassador. 2020. 11 June. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/politics/20200611/23349166/Rossiya-ozhidaet-skoreyshego-podpisaniya-memoranduma-o-biolaboratoriyakh-s-Armeniyu.html> [Accessed: 21.01.2021]. (In Russ.)
  26. Georgia's Economic Dependence on Russia: Trends and Threats. 2020. 4 May. URL: <https://transparency.ge/en/blog/georgias-economic-dependence-russia-trends-and-threats> [Accessed: 18.01.2021].
  27. Tourist flow from Russia to Georgia in 2020 decreased by seven times. 2021. 11 January. URL: <https://www.interfax.ru/world/744626> [Accessed: 11.01.2021]. (In Russ.)
  28. How much currency did migrants send to Georgia in 2020. 2021. 16 January. URL: <https://sputnik-georgia.ru/economy/20210116/250623536/Skolko-valyuty-migranty-prislali-v-Gruziiyu-v-2020-godu.html> [Accessed: 16.01.2021] (In Russ.)
  29. Krivosheev V., Khalatyan A. Armenia and Azerbaijan have outlined the boundaries of relations. *Kommersant*. 2021. 13 January. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4640957> [Accessed: 14.01.2021] (In Russ.)
  30. In Georgia, students will be taught Russian language and literature for free. 2020. 29 September. URL: <https://sputnik-georgia.ru/society/20200929/249574174/V-Gruzii-studentov-budut-besplatno-obuchat-russkomu-yazyku-i-literature.html> [Accessed: 9.01.2021] (In Russ.)
  31. Center for Georgian language and culture opened at PSU. 2019. 8 September. URL: https://pgu.ru/news/?ELEMENT_ID=325773 [Accessed: 04.01.2021] (In Russ.)
  32. The Center for Russian Language and Culture will open in Tbilisi in December. 2019 29 November. URL: <https://sputnik-georgia.ru/society/20191129/247146481/Tsentru-russkogo-yazyka-i-kultury-otkroetsya-v-Tbilisi-v-dekabr.html> [Accessed: 13.01.2021] (In Russ.)
  33. Dvali G. The center of Russian culture is not allowed in Tbilisi. 2019. 1 December. URL:

- <https://www.kommersant.ru/doc/4178975> [Accessed: 19.01.2021] (In Russ.)
34. The Board of the Gorchakov Foundation has summed up the results of the competition for grants in the first half of 2020. 2019. 17 July. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/pravlenie-fonda-gorchakova-podvelo-itogi-konkursa-na-poluchenie-grantov-v-i-polugodii-2020-godu/> [Accessed: 17.01.2021] (In Russ.)
35. The Board of the Gorchakov Foundation has summed up the results of the competition for grants in the second half of 2020. 2020. 16 January. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/pravlenie-fonda-gorchakova-podvelo-itogi-konkursa-na-poluchenie-grantov-vo-ii-polugodii-2020-goda/> [Accessed: 15.01.2021]. (In Russ.)
36. The Board of the Gorchakov Foundation has summed up the results of the competition for grants in the first half of 2021. 2020. 24 July. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/pravlenie-fonda-gorchakova-podvelo-itogi-konkursa-na-poluchenie-grantov-v-i-polugodii-2021-goda/> [Accessed: 18.01.2021]. (In Russ.)
37. Forum of the Regions of the South of Russia and Georgia. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--plai/public/application/item?id=F60C1530-03FA-4857-A4E2-68043C3B91FF> [Accessed: 17.01.2021] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Г. Карпович, доктор юридических наук, доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
iskran@yahoo.com

Олег И. Шакиров, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
shakirov.oleg@gmail.com

Oleg G. Karpovich, Doctor of Law, Doctor of Political Sciences, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
iskran@yahoo.com

Oleg I. Shakirov, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
shakirov.oleg@gmail.com

Причины конфронтации между Россией и Украиной

Борис А. Шмелев

Институт экономики РАН, Москва, Россия,

boris_shmelev@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются исторические предпосылки формирования идеологии украинского национализма, анализируются его основные положения, и ее влияние на внешнюю и внутреннюю политику независимого украинского государства. Украинская национальная идея сформировалась в конце XIX – первой половине XX века. В ее основе лежали три основополагающих положения: российское государство — это враг украинской независимости и поэтому в интересах Украины его ослабление, а еще лучше распад; русское население на Украине — это очень серьезное препятствие на пути становления независимого украинского государства, и поэтому оно должно быть ассимилировано; независимость украинского государства может быть гарантирована только благодаря тесному сотрудничеству с европейскими странами, которые помогут ей в отстаивании своей независимости в противостоянии с «азиатской» Россией, так как Украина является европейской страной, частью Европы. На основе этих идейных положений предполагалось сформировать украинскую идентичность. В статье подчеркивается, что национальная украинская идея в таком виде содержит в себе очень большой заряд конфликтности с Россией, неизбежно ведет к столкновению их геополитических интересов.

Провозглашение в 1991 году независимости Украины означало появление второго русского государства, население которого нужно было преобразовать в украинскую нацию. Правящая политическая элита страны при поддержке украинской интеллигенции в качестве идейной основы строительства украинского национального государства и украинской нации взяла на вооружение основные постулаты украинской национальной идеи, которая оформилась в первой половине XX века и положила их в основу своей внешней и внутренней политики. Все украинские Президенты, хотя и с разной степенью решительности и последовательности, их реализовывали.

Политика, проводимая Киевом, по укреплению независимости страны, подразумевала и подразумевает независимость от России, которая рассматривается как главная угроза национальной безопасности молодого украинского государства. В статье указывается, что президентские выборы 2019 года и поражение П. Порошенко показали, что большая часть украинского общества такую идентичность не принимает. Нужна идентичность на иных принципах, которые на Украине пока еще не сложились и осязаемо не просматриваются. Пока что не видно тех политических сил, той политической партии, которая могла бы их сформулировать и положить в основу государственности и нациостроительства. Нынешний Президент В. Зеленский в своей политике руководствуется старыми идеями и представлениями.

После распада Советского Союза и образования Новых независимых государств, Россия не сразу осознала масштаб вызовов и угроз безопасности страны со стороны Украины. Отрезвление произошло под влиянием «оранжевой революции», когда Киев отказался от политики многовекторности и начал проводить ярко выраженную прозападную политику. В это же время Москва начинает осознавать, что она не сможет войти в сообщество демократических государств на своих условиях, и начинает позиционировать себя в качестве самостоятельного Центра силы, противостоящего Западу. Укрепление своих позиций в этом противостоянии она связывает с консолидацией постсоветских государств вокруг себя в рамках интеграционных проектов сначала ЕврАзЭС, а затем ЕАЭС. Их успешную реализацию Москва увязывала с участием в их осуществлении Украины, т.к. полагала, что без нее эти проекты не будут эффективны. Однако Киев не захотел поддерживать эти планы, ориентируясь «на вхождение в Европу». По мнению автора, с этого момента внешнеполитические стратегии обоих государств стали принципиальным образом различаться и обе страны из стратегических партнеров превратились в геополитических соперников.

Запад поддерживал Киев в проведении им прозападного внешнеполитического курса, расценивая его как элемент сдерживания великодержавных амбиций России. Москва и Запад старались перетянуть Киев на свою сторону. Государственный переворот, осуществленный националистическими силами в Киеве в феврале 2014 года, казалось, означал победу Запада в этом своеобразном перетягивании каната. В ответ Москва присоединила Крым и поддержала борьбу самопровозглашенных ДНР и ЛНР против киевской власти. В результате Украина встала на путь жесткой конфронтации с Россией, видя в ней агрессора и врага.

Автор статьи приходит к выводу, что преодоление конфронтации между ними потребует немало времени и сил и на обозримую историческую перспективу отношения между ними будут строиться на основе принципов игры с «нулевой суммой». В этих условиях говорить о партнерстве и сотрудничестве не приходится, так как речь идет о взаимоотношениях двух враждебных государств. Максимум, на что можно рассчитывать — это на поддержание «холодного мира» между ними. Но и такого состояния можно будет достигнуть только при условии нормализации отношений между Россией и Западом, устранения новой «холодной войны».

Ключевые слова: национализм, национальная идея, национальная идентичность, геополитика, конфронтация, государственность, сдерживание, цивилизация

Для цитирования: Шмелев Б. А. Причины конфронтации между Россией и Украиной. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):33-53. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-33-53>

Статья поступила: 04.02.2021

Принята в печать: 28.02.2021

Опубликована: 27.03.2021

The Reasons of the Confrontation Between Russia and the Ukraine

Boris A. Shmelev

*Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
boris_shmelev@mail.ru*

Abstract: the article examines the historical prerequisites for the formation of the ideology of Ukrainian nationalism, analyzes its main provisions, and its impact on the foreign and domestic policy of the independent Ukrainian state. The Ukrainian national idea was formed in the late 19th first half of the 20th century. It was based on three fundamental provisions: the Russian state is the enemy of Ukrainian independence and therefore in the interests of Ukraine its weakening, and even better disintegration; the Russian population in Ukraine is a very serious obstacle to the formation of an independent Ukrainian state, and therefore it should be assimilated; the independence of the Ukrainian state can be guaranteed only by close cooperation with European countries, which will help it in defending its independence in the confrontation with “Asian” Russia, as Ukraine is a European country, part of Europe. On the basis of these ideological provisions it was supposed to form a Ukrainian identity. As the article emphasizes, the national Ukrainian idea in this form contains a very large charge of conflict with Russia, inevitably leads to a clash of their geopolitical interests.

The proclamation of Ukraine’s independence in 1991 meant the emergence of a second Russian state, whose population had to be transformed into a Ukrainian nation. The ruling political elite of the country with the support of the Ukrainian intelligentsia as the ideological basis for the construction of the Ukrainian nation state and the Ukrainian nation adopted the basic tenets of the Ukrainian national idea, which was formed in the first half of the 20th century and put them at the basis of its foreign and domestic policy.

All Ukrainian Presidents, though with varying degrees of determination and consistency, implemented them. Kiev’s policy of strengthening the country’s independence implied independence from Russia, which is seen as the main threat to the national security of the young Ukrainian state. The article states that the presidential elections of 2019 and the defeat of P. Poroshenko showed that the majority of Ukrainian society does not accept such an identity. They need an identity on other principles, which in Ukraine have not yet developed and are not visible. So far, there are no political forces, political party, that could formulate them and put them in the basis of statehood and nation-building. The current President V. Zelensky in his policy is guided by old ideas and visions. After the collapse of the Soviet Union and the formation of the New Independent States, Russia did not immediately realize the scale of the challenges and threats to the country’s security from Ukraine. Sobering occurred under the influence of the “Orange Revolution”, when Kiev abandoned the policy of multivectors and began to pursue a pronounced pro-Western policy. At the same time, Moscow begins to realize that it will not be able to enter the community of democratic states on its own terms, and begins to position itself as an independent center of power, opposing the West. Strengthening its positions in this confrontation, it connects with the consolidation of the post-Soviet states around itself within the framework of integration projects, first EvrAzES, and then the EAEU. Moscow linked their successful implementation with Ukraine’s

participation in their implementation, because it believed that without it these projects would not be effective. However, Kiev did not want to support these plans, focusing “on entering Europe”. According to the author, from that moment the foreign policy strategies of both countries began to differ in principle and the two countries from strategic partners turned into geopolitical rivals. The West supported Kiev in its pro-Western foreign policy, considering it as an element of deterrence of Russia’s great-power ambitions. Both Moscow and the West tried to drag Kiev to their side. The coup d’etat carried out by nationalist forces in Kiev in February 2014 seemed to mean the West’s victory in this peculiar tug-of-war. In response, Moscow annexed Crimea and supported the struggle of the self-proclaimed DPR and LPR against the Kiev government. As a result, Ukraine has embarked on a tough confrontation with Russia, seeing it as an aggressor and an enemy. The author of the article comes to the conclusion, that overcoming the confrontation between them will take a lot of time and effort and for the foreseeable historical perspective the relations between them will be based on the principles of the zero-sum game. In these circumstances, there is no need to talk about partnership and cooperation, as it is a question of relations between two hostile States. The most that can be expected is to maintain a “cold peace” between them. But such a state can be achieved only if relations between Russia and the West are normalized, and a new Cold War is eliminated.

Keywords: nationalism, national idea, national identity, geopolitics, confrontation, statehood, deterrence, civilization

For citation: Shmelev B.A. The reasons of the confrontation between Russia and the Ukraine. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):33-53. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-33-53>

Received: 04.02.2021

Revised: 28.02.2021

Published: 27.03.2021

ВВЕДЕНИЕ

Украинский кризис взорвал всю систему европейской безопасности, привел к возникновению новой холодной войны в отношениях между Россией и коллективным Западом, нанес серьезный удар по международным позициям и имиджу России, способствовал усилению дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, надолго дестабилизировал российско-украинские отношения. Его последствия для России трудно предвидеть в полном объеме.

В украинском кризисе можно выделить три взаимосвязанных и взаимообусловленных составляющих: кризис отношений

России и Запада, кризис российско-украинских отношений, внутриукраинский кризис. Каждый из них имеет свою причину возникновения, свою логику эволюции, но их характерная черта проявляется в том, что они не могут быть урегулированы сами по себе, изолировано друг от друга. Поэтому подход к урегулированию украинского кризиса может быть только комплексным, всеобъемлющим, включающим в себя одновременное решение всех его составляющих. Без урегулирования украинского кризиса упрочение европейской безопасности, укрепление международного положения России труднодостижимо.

Позиционирование Украиной себя как европейского государства и обусловленное этим стремление войти в евроатлантическую систему безопасности и европейскую систему экономической интеграции, т.е. стать членом НАТО и ЕС, и тем самым упрочить свою независимость, понимаемую как независимость от РФ, противоречит интересам России, которая рассматривает себя как великую державу со все более заметной склонностью превратиться в сверхдержаву и мировой Центр силы со своей сферой влияния, в которую, по ее мнению, должна входить и Украина.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ С НЕЙ

Конфронтационный характер современных российско-украинских отношений отражает глубинные противоречия становления российской и украинской государственности. На момент провозглашения независимости Украина не представляла собой украинского национального государства, не сформировалась и украинская политическая нация. Формирование украинской нации началось в конце XIX века, но к концу XX века этот процесс не завершился. Население Украины, одна четвертая часть которого составляли этнические русские, находилось под сильным воздействием русской культуры, его самосознание формировалось под влиянием ее гравитационного притяжения, украинский язык хотя и являлся государственным, но не использовался широко не только на бытовом уровне, но и в государственных учреждениях. Таковым был русский язык.

К моменту распада СССР украинский язык уже сложился и полностью отвечал предъявляемым к нему требованиям и вполне мог служить в качестве одного

из важнейших элементов строительства украинской государственности. И это была реальность. Если многие русские мыслители в России во второй половине XIX, начале XX в. отрицали существование украинского языка [1], то к концу XX столетия не видеть того очевидного факта, что он сформировался, было уже нелепо. Собственно, никто этого и не старался делать. Так что в этом отношении все видные российские общественные деятели и деятели культуры, которые отказывались признавать становление украинского языка, оказались неправы.

Но в чем они оказались правы, и История их выводы подтвердила, так это в том, что формирование украинского языка представляло собой важнейшую составную часть становления «украинофильства», предтечи украинского национализма, в идеологии которого они почувствовали русофобскую и антиимперскую, антигосударственническую сущность. Как писал известный российский общественный деятель, главный редактор «Московских новостей» М. Н. Катков, мы «не перестанем указывать на опасность (формирования и распространения украинского языка — авт.), хотя бы еще только зарождающуюся; мы лучше хотим быть похожими на того моряка, который заметив черное пятнышко, принимает меры против бури, нежели того, который начинает убирать парус, когда уже налетел шквал» [1]. В статье, опубликованной в «Московских ведомостях» 19 сентября 1867 года, он высказался еще более определенно по этому вопросу. Он писал, что «украинофильская идея бесконечно хуже, нежели польская. Ибо клонит к тому, чтобы расколоть в самой сердцевине народ русский. Она не имеет серьезного значения, потому что не перешла в дело; но если бы по какому-нибудь недоразумению могла она осуществиться, то это было бы самым проклятым на русской почве делом. Оно не могло бы найти

себе оправдания ни в каком соображении. Оно не может льстить даже какому-нибудь фантастическому идеалу» [1].

Мысль о том, что формирование украинского языка как искусственного и его противопоставление русскому языку и возникновение на этой основе идеологии украинства будет иметь тяжелые последствия для российской государственности, красной нитью проходила через статьи и выступления русских мыслителей до октябрьского 1917 года периода. Известный русский философ Л. А. Тихомиров в своей статье «Украинцы и малороссы» называл «украинство гнойной болячкой на теле русского народа» [1]. По его определению, «фантазия сочинять «украинскую мову» и национальность — это есть фантазия самоубийства» [1].

В борьбе с нарождавшимся украинским национализмом российские консервативные публицисты и, говоря сегодняшним языком, политологи какой-либо целостной позитивной программы борьбы с ним предложить не смогли. Многие из них делали ставку просто на проведение репрессивной политики. Так один из видных российских публицистов начала XX века Д. В. Скрынченко писал: «Российские украинцы — изменники и предатели наши и жаждут они лишь развала России, чтобы на ее костях создать «самостийну, незалежну Украину». А раз таковы стремления российских украинцев, то надо раз и навсегда задумать и ту культуру «украинську», которая жаждет гибели России. Хотя количество украинцев, домогающихся гибели России ничтожно, однако оно существует, и раз эта кучка поставила вопрос о самом существовании России, то надо беспощадно, отбросив некую сентиментальность, раздавить эту предательскую кучку» [1].

Правда, высказывались и другие подходы к борьбе с украинством. Известный российский публицист-националист А. С. Суво-

рин в качестве ответа на вызовы со стороны украинства призывал прежде всего позаботиться о развитии центра России. По его словам, «Необходимо его культурно крепить и возвысить.... Русский человек должен блистать образованием, а не отставать от окраин; русская промышленность, торговля и земледелие должны стоять как пример для развития окраин, а не завидовать и не зависеть от них.... Прочность России, ее долголетие, и ее крепость зависят от прочности центра, от притягательной, внутренней органической силы его» [1]. Примерно на таких же позициях стоял и российский ученый Н. А. Бердяев [1].

В тоже время либеральное и леворадикальные политические движения в России одобрительно относились к нарождавшемуся украинскому национализму, рассматривая его в качестве своего союзника в борьбе с царизмом и самодержавием.

Провозглашение в 1991 году независимого украинского государства стимулировало процесс нациостроительства. Устремления украинских националистов, ориентированных на создание своего собственного украинского государства, логично вписываются в общий тренд европейского развития. Весь XIX и начало XX века прошли в Европе под знаком борьбы за образование независимых национальных государств. То же самое произошло и на Балканах, на территории бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии. Распад СССР, образование на его месте новых независимых государств, в том числе и Украины, отражали тренд на формирование национальных государств в Европе, но с отставанием от них на 100 лет.

Поэтому провозглашение независимости Украины является выражением этой общей исторической тенденции развития европейских стран. Украинская национальная идея получила свое оформление в первой поло-

вине XX столетия. Центр ее разработки находился в Галиции, во Львове. Именно там формировалась украинская национальная идея. В ее основе лежало положение об исторической необходимости создания независимого украинского государства, о разрыве со всем русским, и в первую очередь с русской культурой и историей, с жесткой и бескомпромиссной борьбой с российским государством, образования украинской нации путем ассимиляции в первую очередь проживавшего на этой территории русского населения и выдавливания представителей других этносов. Это новое украинское государство рассматривалось ими как своеобразный форпост западной цивилизации на Востоке Европы, призванное сдерживать «варварскую азиатскую» Россию. Идеологи другой ветви украинской национальной идеи, которые исходили из того, что это независимое украинское государство должно развиваться на основе использования достижений русской культуры, русского языка и тесного и всестороннего сотрудничества с Россией потерпели в Галиции поражение в идеологической и политической борьбе и многие из них были физически уничтожены в годы Первой мировой войны своими оппонентами.

Среди идеологов фундаменталистского течения украинского национализма своей непримиримостью к России выделялся Евгений Левицкий, который указывал на то, что «весь юг и юго-запад России должны образовать независимую «Украину». «Московитская Россия» должна быть, по его словам, «оттеснена от Черного моря, и между Россией и Балканами в областях Украины должен быть против России продвинут засов» [1].

По словам другого видного идеолога украинского национализма Винниченко, «у украинцев нет никакого ни кровного, ни культурного родства с русскими», ко-

торых он считал «никчемными, неспособными к культуре, не давшими ничего миру, кроме грубой силы» [1].

В более оформленную систему украинскую национальную идею в виде «интегрального национализма» облек один из видных идеологов украинского национализма Дмитрий Иванович Донцов в изданном им в 1926 году труде «Национализм». В нем он изложил свое видение сущности украинской национальной идеи и средств ее осуществления. Он решительно выступал за независимость Украины, за полный разрыв не только с российским государством, но «со всем духовным комплексом Московии» [2]. Он был против того, чтобы Украина на правах федерации или культурной автономии оставалась в составе российского государства, чтобы Россию рассматривать как «общее отечество» [2]. Добиться независимости Украины можно, с его точки зрения, только путем решительной борьбы, с помощью «национальной революции против Московии», а не благодаря «договоренностям или эволюции» [2]. Поэтому он выдвигает идею «агрессивного национализма», который с помощью насилия будет способствовать формированию украинской нации [2], образованию независимого украинского государства, которое должно быть среди тех, кто господствует в мире, а не тех, кто подчиняется сильным [2].

Провозглашение независимого украинского государства фактически означало возникновение второго русского государства и его руководители с первых дней его существования столкнулись с необходимостью решения сложнейшей исторической задачи формирования украинской идентичности, что в свою очередь требовало отказа от русскости, от русской культуры и русской истории. Нужно было построить украинское государство как антитезис России и сформировать украинскую нацию

как антитезис русской нации. А для этого было необходимо реформатировать сознание миллионов людей и заставить их привыкнуть к совершенно иной социальной и культурной реальности, создать новую историю их бытия и привить уважение к новым национальным героям. Это неизбежно вело к противопоставлению Украины России, как о том писали классики украинской национальной идеи.

«КАЧЕЛИ» РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Политическая элита молодого украинского государства, вставшая у кормила государственной власти, не спешила противопоставлять себя России, обрывать разнообразные связи с ней, хотя и объявила, что стратегическая цель ее внешней политики состоит в переходе в зону геополитического и геоэкономического влияния Запада.

Отсутствие демократически воспитанной и профессионально подготовленной элиты оказало негативное воздействие на становление украинской государственности и функционирование политических институтов. Для политической элиты независимой Украины характерной являлась и является узость мышления, грубый прагматизм в политике, часто граничащий с провинциализмом. В конечном счете такой психологической настрой трансформировался в открытый национализм с ярко выраженной антироссийской, а иногда и антирусской направленностью. Национализм стал насаждаться и раздуваться как мощное средство социальной мобилизации населения, с его помощью новая элита пыталась решать многочисленные политические и социально-экономические проблемы.

Отбросив коммунистическую идеологию, развенчав идею строительства коммунистического общества совместно с други-

ми народами бывшего СССР, украинская политическая элита, поддержанная представителями научного мира, творческой интеллигенцией, приступила к формированию украинской национальной идеи, взяв за основу все то, что было наработано в предшествующие десятилетия идеологами украинского национализма. Идеология национализма в этом виде была поддержана значительной частью украинского населения, в первую очередь, в Западной Украине и Центральной Украине, которое после распада Советского Союза было дезорганизовано, потеряло ориентиры и смыслы своего существования. Ориентация на идеологию национализма позволяла им более уверенно чувствовать себя в новой социальной и политической действительности. Нарождавшийся украинский крупный бизнес, тесно связанный с властью, а во многих случаях и приватизировавший эту власть для осуществления своих интересов, также поддерживал идеологию украинского национализма как средство укрепления своих конкурентных позиций в противостоянии с крупным российским бизнесом.

Несмотря на то, что после распада СССР и образования независимых украинского и российского государств, развитие и укрепление стратегического партнерства и дружбы рассматривались Москвой и Киевом в качестве важнейшего внешнеполитического приоритета, двусторонние отношения с самого начала характеризовались напряженностью, заметным отчуждением, растущим недоверием политических и хозяйственных элит друг к другу. Москве и Киеву потребовалось более пяти лет, чтобы в результате трудных переговоров заключить полномасштабный Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве в 1997 году. После его ратификации в 1999 году и подписания трех соглашений по Черноморскому флоту российско-укра-

инские отношения получили солидную договорно-правовую основу. Хотя значительная часть российской и украинской общественности, политических элит двух стран отнеслись к ним критически, их подписание позволило на тот момент избежать «югославского варианта» распада единого государства, снять территориальные претензии друг к другу и тем самым, как казалось тогда, уберечь русский и украинский народ от вражды и ненависти [3].

Реализация заложенных в этих документах принципов взаимоотношений могла бы содействовать росту доверия, укреплению духа добрососедства. Однако этого не произошло. Переломить негативные тенденции в развитии двусторонних отношений не удалось. И это было обусловлено глубинными объективными процессами формирования украинской идентичности, украинской нации. Концепция украинской независимости, опирающаяся на идею исторической самобытности украинского народа и его права на самоопределение и национальное возрождение, рассматривает Россию как главное препятствие на этом пути. Исходя из этого положения, украинская элита и строила свои отношения с РФ. Сразу же после распада СССР и провозглашения независимости Украины украинское руководство осознавало важность сотрудничества с Москвой для обеспечения национальной безопасности страны. Оно понимало, что преодоление социально-экономического кризиса и повышение жизненного уровня населения без тесного сотрудничества с Россией крайне затруднительно. Но в то же время оно исходило из того, что сближение с Москвой будет угрожать суверенитету и независимости страны. Это противоречие определяло характер политики Украины в отношении России. Новая политическая элита не собиралась идти на установление

тесного военно-политического и экономического союза с РФ, не проявляла заинтересованности в налаживании взаимодействия по укреплению безопасности на постсоветском пространстве, хотя в тот период многие внешнеполитические установки обоих государств совпадали. Россия и Украина стремились войти в «семью цивилизованных и демократических народов мира», ориентировались на установление тесного сотрудничества с НАТО и ЕС, готовы были идти на координацию и широкое взаимодействие с ними в решении вопросов европейской и международной безопасности. Вместе с тем заметным было расхождение подходов двух стран в оценке значимости СНГ в системе внешнеполитических приоритетов обоих государств. Если Москва рассматривала его как важнейшее направление своей внешней политики, и полагала, что с его помощью можно будет преобразовать постсоветское пространство в некую целостную политическую и экономическую оформленную структуру, то Киев видел в нем лишь своеобразный механизм для проведения многосторонних консультаций и переговоров с тем, чтобы успешнее решать проблемы безопасности в этом регионе. Украинские руководители категорически выступали против институционализации сотрудничества новых независимых государств и поэтому негативно отнеслись к инициативе России по созданию в мае 1992 года Договора о коллективной безопасности, расценивая эти российские действия как попытку сохранить РФ свой контроль над новыми независимыми государствами.

Основания для такого вывода у украинского правящего класса были. В Москве считали тесные союзнические отношения с Украиной важнейшей предпосылкой сохранения геополитического единства постсоветского пространства и укрепления

на нем влияния России и полагали, что «братская Украина» не имеет никаких оснований для того, чтобы не взаимодействовать с РФ.

В Москве еще не осознали масштабности последствий и необратимости процесса распада СССР и полагали, что новые независимые государства никуда не денутся от России, «приползут к ней» и она сможет контролировать их внешнюю политику. Это было большое заблуждение, расстаться с которым российская элита долго не смогла.

Россия проявила добрую волю в отношении Украины, руководствуясь интересами сохранения геополитического единства постсоветского пространства под своим руководством, которая, с позиции сегодняшнего дня, выглядит неоправданной. РФ не поддержала нарождавшееся в Крыму в 1992–1994 годах движение за воссоединение с Россией и оно постепенно было задавлено Киевом. Это, правда, не помешало Государственной Думе принять в 1993 году постановление о статусе города Севастополя, в котором говорилось о том, что он должен находиться под юрисдикцией России. Отчасти укоренению такого заблуждения среди российского правящего истеблишмента способствовало проведение украинским Президентом Л. Кучмой т. н. многовекторного внешнеполитического курса, ориентированного как на развитие сотрудничества с Россией, так и с НАТО, ЕС и США. В России не видели в этом ущемления российских интересов, т.к. Москва сама ориентировалась на развитие всестороннего сотрудничества с Западом, но хотела бы идти в Европу вместе с Украиной, координируя при этом свои действия.

Политика многовекторности была обусловлена как соображениями внутривнутриполитического характера, так и геополитическим положением Украины, находящейся между «Большой Европой» и Евразией. Она

рассматривалась как действенное средство по обеспечению внутреннего мира в стране и сохранения ее суверенитета. Как отмечал Л. Кучма именно политика многовекторности «давала возможность не только выстоять и укрепиться государству, но и предотвратить его раскол» [3].

Украинская политическая элита исходила из того, что процессы консолидации украинской нации еще далеки от завершения и после достижения Украиной независимости необходимо создать «украинца». Одной из важнейших составляющих украинского самосознания являлось закрепление в политической жизни Украины формулы «Украина — не Россия». В основе проводимой Л. Кучмы политики лежало убеждение, что Украина не является младшей сестрой России, подлинная независимость Украины отвечает интересам России и, как он говорил, «украинство Украины — это очень хорошо для России» [4].

В конце 2001 года украинские власти пересматривают внешнеполитические приоритеты страны и отказываются от политики многовекторности, делая ставку на развитие сотрудничества в первую очередь с Западом. В мае 2002 года секретарь Совета по национальной безопасности и обороне Украины Е. Марчук заявил, что Украина переходит к проведению политики одновекторности, т.е. преимущественной ориентации на Запад, что предполагало вступление в будущем в ЕС и НАТО. Но Запад, критически относившийся к Л. Кучме, эту заявку отклонил, что вынудило Киев вновь переориентироваться на Москву. Летом 2003 года Президент Л. Кучма заявил, что вступление в НАТО больше не является основной целью внешней политики Украины. Стали громче звучать голоса тех, кто выступал за развитие сотрудничества с Россией как одного из важнейших условий успешного проведения экономических ре-

форм. В сентябре 2003 года Украина подписала с Россией и Казахстаном Соглашение о Создании Единого экономического пространства, в котором предусматривалось создание наднациональных органов. Однако позднее Киев от участия в этом проекте отказался.

В тоже время в рамках проведения политики по созданию «украинства» и выведения его из-под влияния русской культуры и русской идентичности, Л.Кучма ограничивал ареал использования русского языка и не выступал против размывания его статуса. Такая политика не способствовала укреплению духа доверия между двумя странами.

При Президентстве Л. Кучмы Украина стремилась ограничить влияние России на постсоветском пространстве. С этой точки зрения Киев особое значение придавал деятельности образованной в 1997 году ГУУАМ, которая объединяла Грузию, Украину, Азербайджан, Узбекистан и Молдову, т.е. все те новые независимые государства, которые были недовольны политикой Москвы на постсоветском пространстве. Активность Украины в ГУАМ зависела от состояния российско-украинских отношений и отношений Украины с Западом. Когда в 2001–2002 годах Запад охладил к Президенту Л. Кучме, Киев резко ограничил инициативность своей политики в ГУАМ.

После «оранжевой революции», в результате которой в 2004 году к власти в Киеве пришла новая элита, «более жесткая и прагматичная, в меньшей степени подверженная стереотипам политических отношений советской эпохи и опирающаяся на западную политическую поддержку и частично экономические ресурсы» [3] новое руководство страны сразу же заявило о проведении более активной политики сближения с Европой, выделив в качестве стратегического приоритета внешней политики Украины

вступление в ЕС и НАТО. Одновременно оно не отказалось от развития сотрудничества с Россией, понимая его значимость для обеспечения украинской национальной безопасности. Как заявил Президент Украины В. Ющенко, во время пребывания в Москве с официальным визитом в январе 2005 года, « Мы всегда стояли и стоим на том, что Россия — наш вечный стратегический партнер. Если ты хочешь стабильного будущего для Украины, ты должен не просто говорить об этом, а стоять на этом» [5].

После смены элит на Украине, в результате «оранжевой революции», которую в Кремле расценили как самое серьезное поражение на внешнеполитической арене, Москва пришла к выводу о том, что двусторонние отношения следует выстраивать на новых принципах и ориентироваться на жесткое отстаивание российских интересов». «Газовый скандал», разразившийся между двумя странами зимой 2005–2006 годов, свидетельствовал о том, что переход к ним действительно начался. Об этом говорили и заявления министров иностранных дел обоих государств. При открытии комитета Ющенко — Путин в ноябре 2006 года министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк заявил о начале нового этапа отношений между двумя странами. По его словам, есть «все основания констатировать, что сегодня мы являемся свидетелями перехода отношений между Украиной и Россией от заделогизированности к здоровому прагматизму» [6]. В свою очередь и министр иностранных дел РФ высказал свою убежденность в том, что «Украина для России является, без преувеличения, главным внешнеполитическим партнером, с которым Россия ведет активный диалог по выстраиванию системы межгосударственных отношений, которая основана на принципах добрососедства, прагматизма, взаимной выгоды» [6].

После «оранжевой революции» украинская внешняя политика стала носить более выраженный прозападный характер, что не могло не вызывать раздражения в Москве. Там были убеждены, что «ни один мегапроект на постсоветском пространстве не может увенчаться успехом без участия Украины» и поэтому ярко выраженную прозападную ориентацию внешней политики Киева рассматривали как серьезный удар по национальным интересам страны [7].

Тем не менее, Россия в тот период времени не возражала против разнопланового сотрудничества Украины с ЕС, против возможного вступления Киева в ЕС, и не видела в этом угрозы своим интересам, тем более, что она и сама стремилась к углубленному взаимодействию на принципах стратегического партнерства с Европейским Союзом.

На политику В. Ющенко, направленную на подписание соглашения об ассоциации с ЕС, Москва никаким особым образом не реагировала. В мае 2009 года Украина присоединилась к инициированному Польшей и Швецией проекту «Восточное партнерство» и никакой реакции на этот шаг Киева со стороны Москвы не последовало. Это, видимо, было вызвано тем, что последствия для России реализации этого проекта были еще не ясны.

Наряду с активизацией политики на европейском направлении, Киев начинает проводить все более наступательную политику на постсоветском пространстве, что вело к росту напряженности в отношениях с Москвой. Он реанимирует ГУАМ и в конце мая 2006 года проводит в Киеве встречу лидеров Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы, в которой в качестве наблюдателей приняли участие президенты Румынии, Литвы, Польши, вице-президент Болгарии, а в качестве гостей — генсек ОБСЕ и Госсекретарь США.

Россия от участия во встрече отказалась. В результате переговоров ГУАМ был преобразован в международную организацию «За демократию и экономическое развитие — ГУАМ». На этой встрече лидеры Украины, Молдовы и Грузии заявили о возможном изменении своего статуса в СНГ и даже о выходе из него. В Киеве быстро осознали, что выход из СНГ нанесет украинскому государству немалый ущерб, и отказались от этой затеи. В Киеве было заявлено о готовности взаимодействовать вместе с Тбилиси для реализации проектов, направленных на распространение демократии на постсоветском пространстве. Фактически, это означало проведение политики по ограничению влияния России на постсоветском пространстве и укрепление позиций Украины как регионального лидера. В Киеве стали настойчиво говорить о своей готовности стать посредником в урегулировании грузино-абхазского и грузино-юго-осетинского конфликтов, о своей готовности направить в Абхазию украинский миротворческий контингент, который должен был бы заменить там российских миротворцев. В противовес российскому «плану Козака» по урегулированию приднестровского конфликта, Президент В. Ющенко предложил свой принципиально отличный план. По существу, Украина в противовес политико-экономическому интеграционному объединению ЕврАзЭС пыталась реализовать свой проект ГУАМ, в котором она бы играла лидирующую роль.

В российско-грузинской войне в августе 2008 года Киев поддержал Тбилиси, осудил действия Москвы. В этих условиях было сложно говорить о каком-либо стратегическом партнерстве двух стран. Они превращались в геополитических конкурентов, что, естественно, накладывало отпечаток на характер их взаимоотношений. Следствием стало ухудшение двусторонних

отношений и падения взаимного доверия, в 2006 и 2009 годов возникают т.н. «газовые кризисы», которые нанесли ощутимый удар как по экономике обоих государств, так и особенно по их международной репутации и престижу.

При Президенте В. Ющенко более энергично, чем при Президенте Л. Кучме проводилась политика украинизации, формирования «украинца», что предполагало отрицание общей с Россией истории, утверждение тезиса о том, что Украина в составе и Российской империи и СССР была колонией России. По существу, вся идеологическая работа и внутренняя политика страны была направлена на утверждение в сознании украинцев понимания того, что строительство независимого украинского государства означает, прежде всего, утверждение независимости от России. Вся внутриукраинская пропаганда была сориентирована на противопоставление Украины и России, на доказательство того, что Украина — это не Россия. Если в России сплывание всех народов, проживающих на ее территории в единую политическую нацию, опирается в первую очередь на пропаганду героического прошлого всех россиян, больших и малых побед, которыми россияне должны и могут гордиться, то на Украине в качестве основы для самоидентификации украинцев при Президенте В. Ющенко стал активно использоваться тезис о вечном страдании украинцев, об их нелегкой доле в отсутствии своего национального государства. И только благодаря его строительству судьба украинцев, якобы, больше не будет такой горестной, а напротив счастливой и благополучной. В этих целях широко использовались трагические события 1932–1933 годов, т. н. «голодомор», когда в результате преступной политики руководства СССР, правящей Коммунистической партии от голода умерло

несколько миллионов украинских крестьян. То, что наряду с украинцами от такой людоедской политики также погибли миллионы крестьян в России и Казахстане, особо во внимание не принималось. В Киеве упор делался не на общей беде, а на национальной трагедии. Общее ценностное поле совместной истории с Россией уже не признавалось. Конечно, как справедливо отмечал А.С. Ципко «Сам факт националистических спекуляций на негативном историческом опыте не дает оснований для отрицания права бывших советских республик на свою особую национальную трактовку преступлений сталинской эпохи» [8]. Но это стремление политического класса Украины освободиться от пут общей истории, общей русской судьбы несло в себе значительный антирусский и антироссийский заряд и было направлено на утверждение в сознании украинцев понимания непреходящей ценности украинской самостийности.

Спекуляции на теме «голодомора», не могли не вызвать жесткой реакции в Москве, где все заявления и действия киевских властей по этому поводу были расценены как провокация украинских националистов против России, как свидетельство нарастающей русофобии. Таким образом, История стала мощным средством борьбы двух государств друг с другом.

Рост напряженности в российско-украинских отношениях был также связан и с разворотом во внешней политике России. Российский Президент В.В. Путин впервые указал на ответственность России за поддержание мира и стабильности во всем мире на совещании российских послов в Министерстве иностранных дел РФ летом 2006 года и предложил трансформировать ее возросший экономический потенциал в политическое влияние в мире.

Столкнувшись с кризисными явлениями в отношениях с Западом, и в том числе

и с ЕС, Россия начинает все более активно поворачиваться в сторону сотрудничества с Новыми Независимыми Государствами, рассчитывая таким образом укрепить свои позиции в Европе, расширить свой потенциал влияния на проходящие на европейском континенте процессы. Осенью 2011 года В.В. Путин предложил создать Евразийский Экономический Союз, который будет представлять собой Центр силы во главе с Россией, обладающий интегрированной экономикой, единой системой обороны и безопасности, общим гуманитарным пространством. Планировалось создание наднациональных органов управления. Эффективность деятельности ЕАЭС, по мнению Москвы, во многом будет зависеть от участия в нем Украины. Поэтому Россия предлагала Украине различные варианты тесного экономического сотрудничества, стремясь удержать ее от перехода в зону геостратегического притяжения ЕС и другой ареал культурно-цивилизационного влияния. Прежде всего речь шла о присоединении к проекту создания Единого экономического пространства, которое представляло бы собой зону свободной торговли. Украинское правительство колебалось, но под давлением России приняло решение приостановить подписание соглашения об ассоциации с ЕС, намеченное на 29 ноября 2013 года на саммите «Восточное партнерство» в Вильнюсе. В качестве причины отказа подписать соглашение об ассоциации с ЕС в Вильнюсе, Киев указывал на нерешенность вопроса о компенсации экономических потерь, которые Украина могла бы понести в случае создания с ЕС Зоны Свободной торговли. При этом Президент В. Янукович неоднократно подчеркивал, что Украина не отказывается от курса на евроинтеграцию, от подписания соглашения об ассоциации с ЕС, но Киеву просто необходимо

еще раз внимательно рассмотреть последствия этого шага для экономики Украины. Это заявление вызвало шок как в ЕС, так и в Украине, привело к глубокому политическому кризису в стране, в результате которого в стране был произведен государственный переворот, В. Янукович бежал из страны, а к власти пришли радикально настроенные украинские националисты.

Россия расценила приход к власти в Киеве украинских националистов как угрозу своей национальной безопасности, а действия Запада, поддержавшего и одобрявшего государственный переворот как силовой передел сфер влияния. Ее реакция была очень жесткой и решительной, чего западные страны явно не ожидали. Россия провела в марте 2014 года референдум в Крыму, и на основе его результатов было принято решение о включении полуострова в состав России, или, по официальной версии, о его воссоединении с Россией. В начавшемся в апреле того же года внутриукраинском гражданском конфликте в Донбассе, когда часть проживавшего там населения отказалась признать легитимность новой власти в Киеве и с оружием в руках выступила против нее, провозгласив образование независимых Донецкой и Луганской Республик, Москва поддержала восставших дончан, считая их действия оправданными. Все это привело к глубокому кризису российско-украинских отношений, которые перешли в состояние «холодной войны».

Запад, а в целом и мировое сообщество, резко осудило действия Москвы в отношении Украины. США и ЕС, объявили о введении санкций против России, о свертывании с ней политических и экономических связей, проведении политики сдерживания России. Москва в свою очередь объявила о введении контр-санкций. Началась «вторая холодная» война между Российской Федерацией и Западом.

При Президенте П. Порошенко украинская внутренняя политика была решительно переориентирована на проведение еще более жестких действий по украинизации, формированию «украинца» и «украинства», на выведение страны из «смертельно опасной зоны тяготения к Российской империи» и обострение отношений с РФ [9]. Одновременно интенсифицируется проведение внешнеполитического курса, направленного на вступление Украины в ЕС и НАТО [10]. На волне охватившего страну националистического угара и при поддержке националистически настроенного украинского парламента П.Порошенко и его команда начинает последовательно реализовывать основные положения концепции строительства «незалежного» украинского государства, которая была разработана идеологами украинского национализма еще в начале XX века. Собственно говоря, это делали и его предшественники на посту Президента Украины. Но при П. Порошенко это стало делаться еще более напористо и демонстративно. Особое внимание уделяется укреплению позиций украинского языка и ограничению использования русского языка в государственных учреждениях, образовании, средствах массовой информации. По словам известного украинского политолога М. Погребинского, «все понимают, что вопрос о русском языке – это, прежде всего, проблема цивилизационного выбора. И все понимают, раз удастся вытеснить русский язык из Украины, геополитическая задача отрыва Украины от России будет решена» [11].

Создание самостоятельной поместной украинской православной церкви рассматривалось в Киеве еще как один из важнейших приоритетов внутренней политики, о чем П. Порошенко заявил в апреле 2018 г. По его словам, получение автокефалии украинской церкви представляет

собой «вопрос национальной безопасности и нашей обороны в гибридной войне, потому что Кремль рассматривает РПЦ как один из ключевых инструментов влияния на Украину» [12]. Оформляя разрыв с Русской православной церковью, украинская правящая элита намеревалась, по словам П. Порошенко, «разрубить последний узел, которым империя отчаянно пытается нас привязать к себе. Мы полны решимости положить конец противоестественному и неканоническому пребыванию значительной части нашего православного сообщества в зависимости от русской церкви. Церкви, которая освящает гибридную войну Путина против Украины, которая день и ночь молится за русскую власть и за войско тоже русское» [13].

Одной из важнейших причин напряженности в российско-украинских отношениях является начавшаяся весной 2014 года гражданская война в Донбассе. Киев настойчиво стремится восстановить свой контроль над территориями самопровозглашенных Донецкой и Луганской Республик. В свою очередь Донецк и Луганск активно сопротивляются всем попыткам киевской власти лишить их независимости. Россия в этом противостоянии встала на сторону донецких ополченцев, оказывая им всестороннюю морально-политическую и материальную поддержку, без которой они бы не выстояли в борьбе с украинской армией. При этом Москва подчеркивает, что она не является стороной гражданского конфликта в Донбассе. В феврале 2015 года в Минске были достигнуты т.н. Минские договоренности, позднее одобренные специальной резолюцией Совета Безопасности ООН. Документ был подписан руководителями Германии, Франции, Украины и России и Контактной группой по урегулированию ситуации на Украине, состоявшей из представителей Украины, России,

ОБСЕ и непризнанных Донецкой и Луганской народных республик.

Однако за время Президентства П. Порошенко ни один из пунктов договоренностей не был выполнен. Уже вскоре после их подписания стало очевидным, что Киев не хочет, не может и не будет выполнять взятые на себя в Минске обязательства. Позиции обеих сторон взаимоисключающие и маловероятно, что между ними может быть достигнут какой-либо компромисс. Киев от стремления установить свой контроль над регионом не откажется, т.к. любое правительство обязано обеспечить сохранение территориальной целостности государства. На Украине не существует влиятельных политических партий, которые бы занимали отличную от официальной политики позицию и которые бы добивались изменения подходов Киева к решению этих проблем.

В свою очередь крайне маловероятно, чтобы Россия отказалась от поддержки ДНР и ЛНР. Более того, вполне возможно, что Москва пересмотрит значимость минских договоренностей для урегулирования кризиса в Донбассе и встанет на путь проведения активной политики по интеграции непризнанных республик в состав России.

Поражение П. Порошенко на президентских выборах 2019 г. и победа В. Зеленского убедительно показали, что подавляющее большинство украинских граждан равнодушно отнеслись к так называемым ценностям Майдана 2013г., «ценностям достоинства». Не оценили они все его усилия по укреплению независимого, в первую очередь от России, украинского государства, по смене геополитической ориентации страны, получению автокефалии. Русское и русскоговорящее население страны отвергли насильственную украинизацию, вытеснение русского языка и культуры, в своем большинстве не одобрили свер-

тывание связей с Россией. Подавляющая часть населения Украины не поддержала деятельность представителей радикального украинского национализма, т.н. «бандеровцев». Как выяснилось, украинское национальное государство не представляет собой первостепенной ценности не только для русскоговорящей Украины, но даже и для значительной части этнических украинцев, за исключением тех, кто проживает в Западной Украине. Все это свидетельствует о том, что украинская нация еще не сформировалась окончательно, украинский социум не зрелый, и потребуются еще немало времени и усилий для формирования политической нации в стране как основы устойчивой государственности [14]. Стала очевидной необходимость поиска иной идентичности по сравнению с той, которую утверждал П. Порошенко в качестве основы строительства украинской государственности и нациостроительства.

Новый Президент Украины В. Зеленский, победивший во втором туре президентских выборов, которые состоялись 21 апреля 2019 года П. Порошенко, никаких принципиальных изменений в свою внешнюю и внутреннюю политику не внес и продолжает проводить ту же линию, которой придерживался его предшественник.

Политика В. Зеленского убедительно демонстрирует, что не имеется каких-либо предпосылок для нормализации двусторонних российско-украинских отношений. Объективные процессы развития двух стран разводят их все дальше друг от друга и их противостояние становилось все более системным и многоплановым.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС В КООРДИНАТАХ ГЕОПОЛИТИКИ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Одним из важнейших факторов, обуславливающих это противостояние, является

углубляющееся несовпадение их геополитических интересов. Их внешнеполитические курсы сориентированы на разные направления. Украина движется в Европу, в ЕС и НАТО, а Россия все больше замыкается в себе.

На Западе с одобрением был воспринят приход к власти в Киеве в феврале 2014 года националистических сил, их ориентация на вступление в НАТО и ЕС. После распада Советского Союза, в первую очередь США, а также европейские государства прилагали все силы для того, чтобы не допустить реинтеграции постсоветского пространства под эгидой России. Для достижения этой стратегической цели Запад многое сделал, чтобы не возник военно-политический и экономический союз России и Украины. Геополитическое противостояние России и Запада, нарастало в течение XXI века и достигло пика на Украине. Поэтому Запад рассматривал события февраля 2014 года в Киеве как свою геополитическую победу, которая ставила точку в затянувшемся на два десятилетия соперничестве с Россией за влияние на Украине. Присоединение Крыма к РФ умаляло значение этой победы, так как усиливало геополитические позиции России в Причерноморье, на Балканах и на Кавказе.

Присоединение Крыма к России и ее действия в Донбассе вызвали жесткий и сплоченный ответ коллективного Запада, поддержанный большинством стран мира. Страны НАТО во главе с США перешли от проведения политики сотрудничества с Россией к политике ее сдерживания. Ими было заявлено, что без возвращения Крыма Украине и отказа от поддержки сепаратистов в Донбассе, выполнения условий минских договоренностей 2015 года, нормализация отношений с РФ невозможна.

Украинский кризис привел к свертыванию сотрудничества по многим направ-

лениям практически со всеми партнерами России на Западе, а также между РФ и ЕС и НАТО. Против Москвы были введены санкции, на что она ответила контрсанкциями. В условиях взаимного отказа и Москвы и Запада от интеграции России в евроатлантическое сообщество государств и неготовности ведущих западных политиков рассматривать евразийское пространство как преимущественно сферу интересов России, очевидной становится ее изоляция в сложившейся системе европейской безопасности и нарастающая конфронтация с Западом. Новая гонка вооружений стала реальным фактом. Сегодня можно уверенно говорить о том, что в обозримой перспективе возврата к существовавшему до украинского кризиса варианту стратегического партнерства между РФ и Западом, РФ и ЕС не произойдет. Пока не просматриваются пути и возможности для нормализации отношений.

Обострение отношений между Россией и Западом как следствие реакции Москвы на политику строительства украинского государства имело в своей основе не только столкновение их геополитических интересов, но и было обусловлено столкновением двух цивилизаций на территории Украины: западнохристианской и православнохристианской, в лице русской субцивилизации. Поэтому от результатов исхода украинского кризиса будет зависеть не только будущее украинского и российского государств, но и в первую очередь русской субцивилизации. Как показывает исторический опыт, каждая цивилизация стремится, с одной стороны, «к сохранению и преумножению своих материальных и культурных ценностей, к самосохранению общности как единого целого», а с другой «к максимально возможному расширению», которое «осуществляется посредством экспансии, направленной на захват территории, контроля

и влияния над материальными и людскими ресурсами соседей, на распространение воле своих культурных ценностей» [15].

Жизнеспособность любой цивилизации определяется ее способностью к экспансии — экономической, культурной, геополитической. Потеря этой способности означает начало ее угасания. С этой точки зрения, возможное вступление Украины в ЕС и НАТО, подстраивание к их политическим, военным, хозяйственным стандартам означает переход в другой цивилизационный ареал, что ослабляет позиции России как стержневого государства православнохристианской цивилизации. По определению С. Хантингтона, в настоящее время «глобальная политика — это политика цивилизаций. Соперничество сверхдержав сменилось столкновением цивилизаций» [16]. Поэтому столкновение Запада и России в этих условиях объективно было неизбежно. Это не означает, что они должны все время враждовать, они могут быть и партнерами и сотрудничать в решении многих вопросов международной безопасности. Но в тоже время они будут оставаться соперниками, зорко наблюдающими за действиями противной стороны и готовыми дать отпор в случае ущемления их цивилизационных и геополитических интересов. Исходя из этого постулата, американский политолог Дж. Миршеймер еще в 90-е годы прошлого века указывал на то, что переход Украины в другой цивилизационный ареал «может связать (между Россией и Украиной – авт.) соперничество по вопросам безопасности». Конечно, отмечал он, «Россия и Украина могут преодолеть эту динамику и сосуществовать в гармонии, но это будет весьма необычное развитие ситуации» [16]. Последующее развитие российско-украинских отношений подтвердило правоту его вывода. Сегодня Украина, по существу, стремясь

«стать Европой», войти в НАТО и ЕС должна пересмотреть свою цивилизационную идентичность. Необходимые предпосылки для этого в стране имеются. Политическая и экономическая элита активно поддерживает курс на вхождение в Европу. Большинство населения (53–55%) одобряют и поддерживают курс на вхождение в Европу, на вступление в Европейский Союз и НАТО, 20–25% молча соглашаются с ним. Запад в принципе готов принять Украину, но не торопится институализировать ее переход, не спешит предоставлять ей членство в ЕС и НАТО. Это, видимо, связано с тем, что процесс цивилизационной переориентации занимает немало времени и является крайне болезненным как для украинского общества, так и европейских стран по своим политическим, социальным и культурным последствиям. По словам С.Хантингтона, «на данный момент этот процесс нигде не увенчался успехом» [16]. Другой причиной является нежелание Запада идти на дальнейшее углубление конфронтации с Россией, которая рассматривает эту переориентацию как угрозу своей национальной безопасности. На Западе немало имеется политиков и политологов, которые понимают обоснованность этих опасений Москвы. Как отмечал покойный ныне Зб. Бжезинский, «мы должны убедить Россию в том, что Украина не станет членом НАТО. ... Для России это очень важно с психологической и стратегической точек зрения» [17]. Он был сторонником внеблокового курса Украины, который был закреплен в Конституции Украины во время Президентства В. Януковича, как основы нормализации отношений между двумя странами. Он рекомендовал Москве строить отношения с Киевом по образцу российско-финских отношений, когда Финляндия, не являясь членом НАТО, принимает самое активное участие в делах Европы и в тоже время имеет разнообразное

сотрудничество с Россией. По его словам, «Финская модель может стать идеальным примером для Украины, Евросоюза и России» [17]. Зб. Бжезинскому нельзя отказать в здравомыслии и реалистичности оценок возможных путей для урегулирования кризиса российско-украинских отношений. Но, к сожалению, Киев к ним не прислушался и не прислушивается.

Там, где соприкасаются разные цивилизации, образуется т.н. линия разлома, вдоль которой возникают кризисы и конфликты в межгосударственных отношениях. Одновременно линия разлома проходит и через саму Украину, т.к. население Западной Украины является приверженцами униатской церкви и в течение многих столетий входило в ареал западнохристианской цивилизации, в то время как остальная Украина исповедует православие и относится к православной цивилизации. Линия разлома между ними сейчас проходит через Донбасс. Поэтому гражданская война в Донбассе, если ее рассматривать через призму

межцивилизационных отношений, является выражением межцивилизационного столкновения, отказа жить по лекалам другой цивилизации, принять чуждый ей цивилизационный код. С этих позиций, политику России по поддержке самопровозглашенных ДНР и ЛНР следует расценивать не как вмешательство во внутренние дела другого государства, в чем ее обвиняет Запад, а как защиту своего цивилизационного ареала, в котором она является стержневым государством. Православная цивилизация и ее русская субцивилизация переживают спад, вступили в фазу упадка, и поэтому России необходимо обеспечить условия для ее существования, в том числе и через поддержку жителей Донбасса в их борьбе за сохранение своей идентичности. В соответствии с правилами развития цивилизаций», если ты ослабляешь свое цивилизационное воздействие на других – усиливается давление соседних цивилизаций на тебя...» [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Украинский вопрос в русской патриотической мысли. Составление, предисловие, послесловие и примечания: д-р ист. наук, проф. Минаков А.Ю. Москва: Книжный мир; 2016. 800 с.
2. Донцов Д. Идеологія: Націоналізм. Незримі скрижалі Кобзаря. Маса і провід. Дух отар і дух провідництва. Харків: Фолио; 2017. 571 с.
3. Жильцов С.С. Украина: Перегрузка... Москва: Восток-Запад; 2009. 463 с.
4. Выступление Президента Украины Леонида Кучмы на презентации книги «Украина — не Россия» в Москве. URL: Supol.narod.ru/archive/books/cuchma.htm (дата обращения: 07.06.2020)
5. Визит Ющенко в Москву. URL: https://www.gazeta.ru/2005/01/24/box_4414.shtml (дата обращения: 02.04.2021)
6. Глава МИД Украины: Отношения с Россией переходят от идеологии к здоровому прагматизму. URL: <https://www.newsru.com/world/08Nov2006/ukrussia.html> (дата обращения: 02.02.2021)
7. Тренин Д. Post-imperium: евразийская история. Центр Карнеги. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); 2012. 326 с.
8. Ципко А.С. Русскому безумию конца и края нет. *Мир перемен*. 2018; 2:103-118.
9. Порошенко рассказал о своей миссии. 20 мая 2018 года. URL: <https://ria>

- [ru/20180520/1520962240.html](https://ria.ru/20180520/1520962240.html) (дата обращения: 25.05.2020)
10. Соловьев Э.Г. Украинский кризис: новый виток обострения. *Россия и новые государства Евразии*. 2018;4(41):16-29.
  11. Павленко Ю.Г. Российское государство перед «украинским вызовом». *Мир перемен*. 2019;2:89-98.
  12. Глава государства: В гибридной войне Кремль рассматривает РПЦ как один из ключевых инструментов влияния на Украину. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/glava-derzhavi-u-gibridnij-vijni-kreml-rozglydaye-rpc-yak-o-47050> (дата обращения: 18.05.2020)
  13. Порошенко хочет избавиться от влияния церкви, которая «освящает гибридную войну Путина». URL: <https://glavred.info/ukraine/10005536-poroshenko-hochet-izbavitsya-ot-vliyaniya-cerkvi-kotoraya-osvyashchaet-gibridnuyu-voynu-putina.html> (дата обращения: 02.02.2021).
  14. Ципко А.С. «Уроки поражения насильственной украинизации бывшей УССР». *Мир перемен*. 2019;2:78-88.
  15. Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. Москва: Известия; 2002. 368 с.
  16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ; 2003. 603 с.
  17. Бжезинский Зб. Украинский шанс России. Москва: Алгоритм; 2015. 240 с.

REFERENCES:

1. The Ukrainian question in Russian patriotic thought. Compilation, foreword, afterword and notes: Prof. Minakov A. Moscow: World of Books; 2016. 800 p. (In Russ.)
2. Dontsov D.I. Ideology: Nationalism. The invisible Kobzar. The mass and seer. The spirit of Otari. Harkiv: Follio; 2017. 571 p. (In Russ.)
3. Zhiltsov S.S. The Ukrain: reboot.... Moscow: East-West; 2009. 464 p. (In Russ.)
4. Speech by the President of Ukraine Leonid Kuchma at the presentation of the book "Ukraine is not Russia" in Moscow URL: [Supol.narod.ru/archive/books/cuchma.htm](http://supol.narod.ru/archive/books/cuchma.htm) [Accessed: 07.06.2020] (In Russ.)
5. Yushchenko's visit to Moscow. URL: https://www.gazeta.ru/2005/01/24/box_4414.shtml [Accessed: 02.02.2021] (In Russ.)
6. Ukrainian Foreign Minister: Relations with Russia are moving from ideology to healthy pragmatism. URL: <https://www.newsru.com/world/08Nov2006/ukrussia.html> [Accessed: 02.02.2021] (In Russ.)
7. Trenin D. Post-imperium: Eurasian history. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2012. 326 p. (In Russ.)
8. Tsipko A. There is no end and no end to the Russian madness. Moscow: World of Change. 2018;2:103-118. (In Russ.)
9. Poroshenko spoke about his mission. May 20. 2018. URL: <https://ria.ru/20180520/1520962240.html> [Accessed: 25.05.2020] (In Russ.)
10. Soloviev E.G. Ukrainian crisis: a new round of exacerbation. *Russia and the new states of Eurasia*. 2018;4(41):16-29. (In Russ.)
11. Pavlenko Yu.G. The Russian state is facing the "Ukrainian challenge". *A World of change*. 2019;2:89-98 (In Russ.)
12. Head of State: In a hybrid war, the Kremlin views the Russian Orthodox Church as one of the key instruments of influence on Ukraine. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/glava-derzhavi-u-gibridnij-vijni-kreml-rozglydaye-rpc-yak-o-47050> [Accessed: 18.05.2020] (In Russ.)

13. Poroshenko wants to get rid of the influence of the church, which “sanctifies Putin’s hybrid war.” URL: <https://glavred.info/ukraine/10005536-poroshenko-hochet-iz-bavitsya-ot-vliyaniya-cerkvi-kotoraya-osvy-ashchaet-gibridnyu-voynu-putina.html> [Accessed: 02.02.2021] (In Russ.)
14. Tsipko A. Lessons from the defeat of the violent Ukrainization of the former Ukrainian SSR”. *A World of Change*. 2019;2:78-88. (In Russ.)
15. Kiselyov S.G. Basic Instincts of Civilization and geopolitical challenges of Russia. Moscow: Izvestia Publishing House; 2002. 368 p. (In Russ.)
16. Huntington S. The Clash of civilizations and the remaking of World Order. Moscow: ACT; 2003. 603 p. (In Russ.)
17. Brzezinski Zb. Strategic vision: America and the crisis of global power. Moscow: Algoritm; 2015. 240 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борис А. Шмелев, Доктор исторических наук, Института экономики РАН, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д.32;
boris_shmelev@mail.ru

Boris A. Shmelev, Doctor of Historical Sciences, The Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32, Nahimov Avenue, Moscow, 117218, Russia;
boris_shmelev@mail.ru

Эволюция Арктической политики США

Алексей В. Борисов¹, Ирина В. Ровинская²

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

¹aborisof@gmail.com, ²irinarovinskaya97@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается развитие арктической политики США, нашедшее отражение в документах стратегического планирования. Автор рассматривает эволюцию доктринальных установок от сосредоточенных на вопросах экологии и постулирующих необходимость регионального сотрудничества до акцентирующих вопросы логистики, безопасности и военной инфраструктуры. Эволюция стратегических установок рассматривается в контексте деятельности в арктическом регионе таких акторов, как Россия, Канада, Китай и ряда международных организаций. Отмечаются противоречия, существующие и перспективные направления сотрудничества. Автор показывает неизменность ключевых стратегических установок США, направленных на закрепление за США статуса арктической державы и обеспечение продвижения и защиты интересов государства в регионе.

Ключевые слова: США, Арктика, арктическая политика, Арктический совет, безопасность, Северный морской путь, Северо-Западный проход, сотрудничество, стратегия, экология

Для цитирования: Борисов А. В., Ровинская И. В. Эволюция Арктической политики США. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):54-64. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-54-64>

Статья поступила: 26.12.2020

Принята в печать: 27.01.2021

Опубликована: 27.03.2021

Evolution of the US Arctic Policy

Alexey V. Borisov¹, Irina V. Rovinskaya²

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

aborisof@gmail.com¹, irinarovinskaya97@gmail.com²

Abstract: The article examines the development of the US Arctic policy which is reflected in the US strategic documents. The author examines the evolution of doctrinal purposes from those focusing on environmental issues and regional cooperation to those focusing on logistics, security and military infrastructure. The evolution of the US strategic documents is considered in the

context of the activities of such actors as Russia, Canada, China and a number of international organizations in the Arctic region. Contradictions and existing and prospective areas of cooperation are noted. The author shows the immutability of the US key strategic guidelines of the United States aimed at securing the status of an Arctic power for the United States and ensuring the promotion and protection of the US interests in the region.

Keywords: USA, Arctic, Arctic policy, Arctic Council, security, Northern sea route, Northwest passage, cooperation, strategy, ecology

For citation: Borisov A.V., Rovinskaya I.V. Evolution of the US Arctic policy. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):54-64. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-54-64>

Received: 26.12.2020

Revised: 27.01.2021

Published: 27.03.2021

Вышедшая в июне 2019 г. Арктическая стратегия Соединенных Штатов продолжает традицию, оформленную в предыдущих документах стратегического планирования. Обращение к традиции не подразумевает неизменность устремлений и методов защиты и реализации интересов. Но понимание того, чего добиваются США в регионе и каким образом они собираются продвигать и защищать свои интересы, невозможно вне внимательного рассмотрения эволюции Арктической политики США.

Первое обращение к Арктике, как региону, представляющему интерес для страны, произошло при администрации президента Ричарда Никсона. В 1971 г. издается Меморандум по национальной безопасности 144, в котором выражалась позиция Соединенных Штатов по Арктическому региону. Согласно Меморандуму, развитие Арктической политики США должно основываться на трех ключевых моментах:

- минимизации неблагоприятных рисков для окружающей среды;
- содействие международному сотрудничеству в Арктике;
- обеспечение защиты интересов безопасности США в регионе [1].

В 1984 году Конгресс Соединенных Штатов принял «Закон о политике в Арктике 1984», который предусматривал национальную оборону региона, активизацию коммерческого рыболовства и финансирование экологических и климатических исследований в регионе [2]. Соединенные Штаты не проявляли большого интереса к развитию региона до тех пор, пока в 1991 г. не подписали с другими семью странами региона Соглашение о Стратегии охраны окружающей среды Арктики. Основной целью Соглашения являлась оценка воздействия деятельности человека на окружающую среду в Арктике, проведение исследований веществ, загрязняющих регион, анализ их воздействия на экологию и координация действий по защите Арктики, предполагающая экологическое сотрудничество и обмен данными [3].

Первым стратегическим документом, отразившим политику США в Арктическом регионе, была Президентская директива NSC-26, опубликованная в 1994 году администрацией Билла Клинтона. Она касалась и Арктики, и Антарктики и оформила основные направления политики США в регионах. Согласно документу, окончание

Холодной войны стало толчком для формулирования Правительством США своей политики в Арктике. Среди первоначальных целей в Арктическом регионе было определено [4]:

- удовлетворение потребностей национальной безопасности и обороны после окончания Холодной войны;
- защита окружающей среды в Арктике и сохранение её биологических ресурсов;
- обеспечение разумного природопользования и последовательного экономического развития региона;
- укрепление институтов сотрудничества между семью арктическими государствами;
- вовлечение коренных народов Арктики в процесс принятия затрагивающих их решений;
- усиление научного мониторинга и исследования экологических проблем локального, регионального и глобального масштабов [4].

В Директиве раскрывались лишь три цели из шести: политика обороны и безопасности, вопросы сотрудничества в Арктике и экология [4], что подчеркивало их важность для политики США того времени. Ключевое значение имеет готовность США к сотрудничеству с другими арктическими странами в целях совместного использования в качестве судоходного коридора и улучшения экологии.

Ключевым моментом представляется выраженное Соединенными Штатами намерение сотрудничать с арктическими странами с целью потенциального расширения использования Северного Ледовитого океана в качестве судоходного коридора и улучшения экологии региона. Россия являлась единственной страной, отдельно упомянутой в документе, что было связано с удручающей ситуацией по загрязнению океана, в том числе радиоактивными отхо-

дами. Директива NSC-26 не рассматривала в прямой постановке вопросы ни экономического, ни энергетического развития региона, просто поверхностно определила цели государства в Арктике.

Несмотря на подписание США в 1996 г. Оттавской декларации, учредившей Арктический Совет [10] (5), следующий стратегический документ об арктической политике США был опубликован лишь в 2009 г. Примечательно, что первое же положение Декларации гласит, что Арктический Совет и его члены не должны заниматься вопросами военной безопасности [5]. Тем не менее, следующий документ стратегического планирования по арктическому вопросу — Директива NSPD-66/HSPD-25, опубликованная в 9 января 2009 г. при Президенте Джордже Буше-мл. — в корне противоречит этому положению. Издание документа, очевидно, стало реакцией США на организованную Россией полярную экспедицию «Арктика-2007», проводившуюся с целью уточнения границ континентального шельфа и установки флага Российской Федерации на дне Северного Ледовитого океана [6]. В Документе указано на то, что США являются арктическим государством, имеющим определенные цели в регионе. В сравнении с директивой 1994 года этот документ учитывал произошедшие изменения, среди которых: изменение политики национальной безопасности и обороны США; очевидность изменений климата из-за повышенной активности действий человека в Арктическом регионе; создание в 1996 г. Арктического Совета и его функционирование для решения региональных вопросов; осознание экологической хрупкости региона и одновременно масштабов энергетических ресурсов, скрывающихся подо льдами региона [7]. При том, что в Директиве 2009 года цели повторяются, отражая как экономические, так и энергетические аспекты

американской политики. В качестве ключевых направлений арктической политики США в данном документе указаны [7]:

- создание в регионе системы Противоракетной обороны (ПРО), развертывание морских и воздушных систем для стратегических морских перевозок, стратегического сдерживания, морского присутствия и обеспечение безопасности на море, свободу судоходства и полетов;
- обеспечение свободы судоходства, а именно доступность и беспрепятственность транзитного прохода через проливы Северо-западного прохода и проливы Северного морского пути;
- желание США присоединиться к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., что, согласно Директиве, позволит определить районы морского дна, где государство имеет суверенные права на добычу природных ресурсов, и послужит защите и продвижению интересов США в Арктике;
- урегулирование вопросов о границах в Арктике с Россией и Канадой [7].

В директиве NSPD-66/HSPD-25 ясно написано, что США считают излишним создание в Арктике правового инструмента аналогичного Договору об Антарктике 1959 г., который бы закреплял за Арктикой статус демилитаризованной территории, свободной от ядерного оружия и используемой в исключительно мирных целях [8]. Становится очевидным, что для администрации Дж. Буша-мл. военно-стратегическое превосходство США в Арктике стало приоритетным направлением.

Несмотря на то, что в ходе первого президентского срока Б. Обамы Арктическая политика США целиком и полностью опиралась на Директиву NSPD-66/HSPD-25, сокращение площади арктического морского льда, характерно проявившееся на рубеже веков, побудило к ведению более ре-

шительной политики в регионе. В 2010 г. Центр стратегических и международных исследований США опубликовал аналитический доклад «Стратегические интересы США в Арктике», который сделал акцент на развитии региона, продвигая и объясняя свои доводы в пользу более сильной политической позиции в регионе. В докладе содержится указание, что США является арктической страной, которая пытается добиться большего влияния в регионе, преследуя цели развития промышленности и энергетики [9].

Помимо прочего, в качестве приоритета в NSPD-66 указана необходимость скорейшей ратификации Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которая позволила бы определить порядок действий США в случае, если США захотят предъявить требования на тот или иной район Арктики. Подобное положение представлялось разработчикам директивы тем более актуальной, так как морской лед продолжал таять. Предполагая, что разрушение льда откроет новые пути развития для коммерческого судоходства. Ожидается также, что приток населения в Арктический регион поспособствует развитию морского туризма, что приведет к увеличению спроса на крупные пассажирские перевозки, а это, в свою очередь, раскрывает пробелы в охвате поисково-спасательных функций ВМС США и Американской береговой охраны. Стратегический документ предполагает, что для обеспечения безопасности региона и из-за невоенного характера Арктического совета есть необходимость заключения отдельных военных соглашений с другими арктическими странами.

После переизбрания Барака Обамы в 2013 г. была подготовлена новая Арктическая концепция, и называлась она уже не Президентской директивой, а «Национальной стратегией США в арктическом

регионе», что может рассматриваться как усиление американского внимания к региону. При этом Администрация Барака Обамы расставила перед собой уже другие акценты, уделяя больше внимание экологии, нежели экономической выгоде США от развития потенциала региона, что кардинально меняло сложившуюся традиционную риторику американской политики в Арктике. По сравнению с предыдущими публикациями новая стратегия сосредотачивается уже не на шести, а на трех основных целях:

1. обеспечение интересов безопасности США в регионе в соответствии с международным правом;
2. обеспечение ответственного управления Арктической областью — защита окружающей среды и ее ресурсов;
3. развитие международного сотрудничества в Арктике на двухстороннем и многостороннем уровнях, особенно в рамках Арктического совета, продолжая при этом работу по ратификации страной Конвенции ООН по морскому праву 1982 г [10].

При этом в стратегии выделены следующие принципы, на которые США будут опираться в ходе реализации вышеперечисленных целей:

1. гарантия мира и стабильности;
2. использование наилучшей имеющейся информации в принятии решений;
3. внедрение инновационных технологий, взаимодействуя с партнерами из других стран и частным сектором с целью эффективного развития Арктических пространств;
4. взаимодействие с населением штата Аляска с целью защиты коренных народов севера и их полного информирования о политике США в регионе [10].

Политика США в области защиты коренных народов, экологии и окружающей

среды плавно перетекает из стратегии в стратегию, несильно меняясь в формулировках и смысле. Из принципиально нового в стратегии появился раздел, связанный с энергетической безопасностью США в Арктике, где речь идет о сокращении зависимости США от импорта иностранной нефти и разработке собственных арктических нефтяных и газовых месторождений в регионе. Тема развития американского энергетического сектора расширяется далее и на международное сотрудничество, объявляя о готовности Америки к сотрудничеству с другими странами и промышленными предприятиями для дальнейшего изучения и освоения региональной ресурсной базы, поиска и разработки новых месторождений полезных ископаемых, внедрения новых технологий добычи и обмена опытом в целях обеспечения эффективного и экологически безопасного извлечения и транспортировки углеводородного сырья.

Администрация Барака Обамы не ограничилась изложением «Национальной стратегии США в арктическом регионе», была развернута крупная компания по ограничению геологоразведки и добычи запасов нефти и газа на Аляске, а конкретнее тех мест, где добыча могла быть чревата экологическими проблемами, связанными с разливами нефти. Так в 2016 г. под запрет на бурение попали участки около побережья Аляски в Чукотском море и все море Бофорта [11].

Поскольку Документ Обамы 2013 г. в недостаточной степени осветил вопросы безопасности США в регионе Стратегический документ был обновлен в декабре 2016 г. Так был представлен новый доклад Министерства обороны США «Стратегия по защите интересов национальной безопасности Соединённых Штатов в Арктике» [4]. В документе остаются неизменными две цели:

- обеспечение безопасности и содействие

оборонному сотрудничеству в регионе;

- осуществление подготовки к реагированию на широкий спектр вызовов и непредвиденных обстоятельств, действуя совместно с союзниками, когда это возможно, и самостоятельно, если это необходимо, в целях поддержания стабильности в регионе [4].

Арктическая стратегия 2016 г. также обновляет пути и средства, которые Министерство обороны намерено использовать для достижения своих целей в регионе, среди которых:

- повышение способности Вооруженных сил США защищать Родину и суверенитет;
- укрепление альянсов и партнерств;
- сохранение свободы морей в Арктике;
- привлечение государственных, частных и международных партнеров для повышения осведомленности о предметной области в Арктике;
- развитие арктической инфраструктуры и потенциала Министерства обороны в соответствии с меняющимися условиями и потребностями;
- поддержка международных институтов, способствующих региональному сотрудничеству и верховенству права [4].

В стратегии также неоднократно подчеркивается, что в интересах национальной безопасности Соединенных Штатов Министерство обороны должно укреплять партнерские отношения с арктическими союзниками и партнерами. Министерство обороны также заинтересовано в создании и развитии военной инфраструктуры в Арктическом регионе, чтобы избежать конфликтов, что одновременно повысит способность функционирования военных сил США и их союзников в суровых условиях Арктики. Согласно Документу, регион в целом остаётся зоной сотрудничества, но существуют и противоречия в позициях

некоторых стран. Наиболее существенные противоречия с точки зрения Соединенных Штатов связаны с вопросами регулирования судоходства в арктических водах, находящихся под юрисдикцией Правительств России и Канады. Канада заявляет, что все воды в пределах канадских арктических островов являются историческими внутренними водами, требуя разрешения Канады на проход через них, включая воды Северо-Западного прохода, который Соединенные Штаты рассматривают как международный пролив [12]. Россия делает аналогичное заявление о трех проливах вдоль Северного морского пути (СМП). Документ предполагает, что другие арктические державы поддержат позиции США по этому вопросу. Иными словами, Арктическая Стратегия Обамы 2016 г. кардинально отличается от стратегии 2013 г. и носит откровенно милитаристский характер, побуждая Арктические и неарктические государства к военному сотрудничеству с США в Арктике.

Публикация в 2018 г. Китаем Белой книги, где подробно излагаются цели Китайского правительства в Арктическом регионе, рост активности КНР и других внерегиональных акторов в Арктике, побудили Министерство Обороны США издать в июне 2019г. обновленную стратегию американской арктической политики [13]. Целями стратегии вновь выделяются: защита территорий и глобальных интересов США; восстановление конкурентных преимуществ объединенных сил (НАТО) перед Китаем и РФ; отразить американское видение и оценку тенденций, имеющих место в регионе. Новая стратегия США в Арктическом регионе, как представляется, будет определять политику страны в регионе на ближайшее время. Потеря влияния и доступа к ресурсам региона можно определить как основную угрозу, отраженную в документе. Взаимоотношения Арктических государств в Арктике авторы стратегии

определяют как «стратегическое соперничество». Основными «соперниками» США в регионе в документе определены Российская Федерация и Китай, заменившей в этой категории Канаду, которая упоминалась в предыдущих редакциях Стратегии. США, как следует из текста документа, не признают никаких притязаний на Арктику со стороны внерегиональных держав. В Стратегии отражены следующие тенденции развития Арктического региона [13]:

Изменения окружающей среды. Это, в первую очередь, связано с глобальным потеплением и, как следствие, сокращением площади ледового покрова и открытием новых морских транспортных маршрутов. В Стратегии делается акцент, что при сохранении текущих темпов потепления возможно практически полное освобождение морского пространства Арктики ото льда в летние месяцы к 2040 г., что обеспечит беспрепятственное пользование морскими транспортными магистралями [13].

Многостороннее сотрудничество в решении общих задач. Документ отражает неоспоримую приверженность арктических государств принципу многостороннего сотрудничества и уважению национальных интересов. Для арктических государств является общим стремление сохранить мир и стабильность в регионе, что, в свою очередь, позволит соответствующим государствам в полной мере реализовать преимущества от добычи природных ресурсов Арктики [13].

Правовой статус морских транспортных артерий. Речь идет в первую очередь о правовом статусе Северного морского пути (СМП) и Северо-Западного прохода (СЗП). Стратегия отражает недовольство Соединенных Штатов позицией Российской Федерации, которая требует от иностранных судов получения разрешения на проход по СМП, а также обязательного сопрово-

ждения их российскими ледокольными судами. Помимо этого, США обвиняет Россию в неоднократном применении угрозы силой к судам, не соблюдающим указанные правила. Касательно статуса СЗП, США по аналогичным соображениям не соглашались с позицией Канады о принадлежности прохода к внутренним водам Канады [13].

Усиление военного присутствия. Документ содержит перечисление существующих на сегодня объектов военной инфраструктуры Российской Федерации в Арктике, включая военные базы вдоль арктического побережья РФ [15] (13). Подчеркивается, что в отличие от России, Китай имеет ограниченные возможности для военного присутствия в Арктике, которые сводятся к нахождению ледокольного флота государства в северных водах, а также гражданских исследований, которые, как считают в США, способны укрепить военное присутствие Китая в регионе в будущем. Отмечается, что Китай стремится расширить свое присутствие в Арктике через экономические механизмы сотрудничества, в частности через инвестирование в экономику арктических государств, например России (Ямал СПГ) [14; 145].

У США есть три широких взаимосвязанных комплекса интересов национальной безопасности, связанных с Арктическим регионом [13]. Они включают следующее:

США — это арктическая нация с суверенной территорией и морскими притязаниями в регионе, в чьих интересах — защита суверенитета США, в том числе, посредством раннего предупреждения и использования систем противоракетной обороны; защита критической инфраструктуры США и достижение безопасности США в регионе.

Арктика объединяет субъекты, в общих интересах которых достижение безопасности и стабильности в регионе, что, в свою очередь, зависит от готовности арктиче-

ских стран конструктивно решать общие проблемы. Региональное сотрудничество, построенное на основе «международно-признанных правил» таких, как национальный суверенитет, отвечает интересам США и способствует созданию безопасной и стабильной Арктики. Это подкрепляется сетью альянсов и партнерств под руководством США и поддержанием активности в регионе в соответствии с международными нормами.

Арктика является потенциальной зоной глобальной конкуренции и агрессии между двумя ключевыми регионами — Индо-Тихоокеанским регионом и Европой и США. В интересах США: поддержание гибкости для глобального проецирования военной мощи, в том числе, путем обеспечения свободы навигации и перелетов; и ограничение способности Китая и России использовать регион в качестве коридора для конкуренции, которая продвигает их стратегические цели посредством злонамеренного или принудительного поведения.

Одним из важнейших приоритетов США в Арктике, согласно стратегии, является использование морских транспортных маршрутов, а именно Северного морского пути и Северо-Западного прохода [15] (13). С этой целью США последовательно возражают против реализации Российской Федерацией и Канадой своих прав в соответствующих морских артериях. Учитывая тот факт, что в соответствии с новой Стратегией США в Арктике сотрудничество США с другими государствами будет происходить преимущественно в рамках НАТО, возникают обоснованные предположения о намерении США отстаивать свои интересы в регионе не столько через международно-правовые механизмы, сколько путем угрозы использования военной силы, в связи с чем Стратегия предполагает построение арктической системы по обнаружению угроз.

«Арктическая стратегия» министерства обороны США 2019 г. определила три стратегических пути в поддержку желаемого состояния Арктики [13]:

- повышение осведомленности об Арктике;
- расширение арктических операций;
- укрепление «основанного на правилах порядка» в Арктике [16]. Стоит отметить, что об «основанном на правилах порядке» США заявляют не впервые, но подразумевается под этим явно не международно-правовой порядок, как это формулировалось в предыдущих изданиях.

Таким образом, Арктическая стратегия Администрации Дональда Трампа продолжает традицию, оформленную в предыдущих документах стратегического планирования США по Арктике, и направлена на обеспечение доминирования США в регионе. Она отражает существующие в США стремления не допустить упрочения позиций Китая, своего главного на сегодняшний день конкурента, в регионе, который в 2018 г. опубликовал Белую Книгу, отражающую стремления КНР в Арктике и, являясь наблюдателем в Арктическом совете, извлекает из этого максимальную пользу. Другим приоритетом, является интернационализация Арктических морских артерий в регионе — Северного морского пути и Северо-Западного прохода, которые сегодня считаются внутренними морскими артериями России и Канады. Этот пункт стоит на повестке дня США уже довольно давно, но сейчас в эпоху таяния ледников Арктики это имеет принципиальное значение, и США пытаются заручиться поддержкой других Арктических держав для достижения поставленной цели. Третьим приоритетным пунктом Арктической политики США является активизация в регионе НАТО. Учитывая, что в основной

восьмерке Арктического совета Россия является единственной страной, не являющейся ни членом НАТО, ни партнером расширенных возможностей НАТО (Финляндия и Швеция). Таким образом, в дальнейшем для проведения и успешной реализации российской политики в документах

стратегического планирования деятельности РФ в Арктике необходимо учитывать, что вышеизложенные цели и стремления Соединенных Штатов в регионе во многом противоречат интересам Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. National Security Decision Memorandum 144. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdm-nixon/nsdm-144.pdf> (дата обращения: 07.10.2020)
2. Changes in the Arctic: Background and Issues for Congress. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R41153.pdf> (дата обращения: 10.10.2020)
3. Arctic Environmental Protection Strategy 1991. URL: https://web.archive.org/web/20110720000343/http://arctic-council.org/filearchive/artic_environment.pdf (дата обращения: 10.10.2020)
4. Presidential Decision Directive NSC-26. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/pdd/pdd-26.pdf> (дата обращения: 07.10.2020)
5. Declaration on the Establishment of the Arctic Council. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/85/EDOCS-1752-v2-ACMMA00_Ottawa_1996_Founding_Declaration.PDF?sequence=5&isAllowed=y (дата обращения: 10.10.2020)
6. Борьба за Арктику: лед тронулся. 2007. 14 августа. URL: <https://ria.ru/20070814/71407128.html> (дата обращения: 10.10.2020)
7. National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive NSPD-66/HSPD-25. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm> (дата обращения: 07.10.2020)
8. Договор об Антарктике 1959 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901494> (дата обращения: 09.10.2020)
9. US. Strategic Interests in the Arctic. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/100426-Conley_USStrategicInterests_Web.pdf (дата обращения: 10.10.2020)
10. National Strategy for the Arctic Region. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2013_Arctic_Strategy.pdf (дата обращения: 07.10.2020)
11. Обама запретил бурить нефтяные скважины в Арктике. 2016. 20 декабря. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-38387323> (дата обращения: 09.10.2020)
12. Северный морской путь: национальная или международная транспортная артерия? 2018. 13 сентября. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/severnnyy-morskoy-put-natsionalnaya-ili-mezhdunarodnaya-transportnaya-arteriya/> (дата обращения: 10.10.2020)
13. Report to Congress Department of Defense Arctic Strategy. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 10.10.2020)
14. Ямал СПГ в рамках проектного финансирования получил от китайских банков 1-й транш — 0,45 млрд долл. США. 2016. 29 июня. URL: <https://neftegaz.ru/news/finance/219034-yamal-spg-v-ramkakh-proektnogo-finansirovaniya-poluchil-ot-kitayskikh-bankov-1-y-transh-0-45-mlrd-do/> (дата обращения: 11.10.2020)
15. «Ямал СПГ» откажется от €300 млн. финансирования Китая в пользу кредитов. 2017. 5 июня. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей В. Борисов, Кандидат философских наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;

aborisof@gmail.com

Ирина В. Ровинская, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;

irinarovinskaya97@gmail.com

Alexey V. Borisov, PhD in Philosophical Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia; aborisof@gmail.com

Irina V. Rovinskaya, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;

irinarovinskaya97@gmail.com

Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии

Евгений В. Крыжко¹, Петр И. Пашковский²

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь, Россия,*

¹jeyson1030@gmail.com, ²petr.pash@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии в постбиполярный период. Охарактеризованы императивы и константы, а также трансформация центрально-азиатской политики Вашингтона. Показано, что пять центрально-азиатских государств в течение последних тридцати лет находятся в фокусе американской внешней политики. Большое значение при формировании внешнеполитического курса США в Центральной Азии играло наличие в регионе значительных запасов энергетических и минеральных ресурсов. Поэтому на первый план выходило соперничество за каспийские энергоресурсы и маршруты их транспортировки. Помимо диверсификации транспортно-логистических потоков и поддержки американских компаний, энергетическая политика США в Центральной Азии была нацелена на предотвращение восстановления экономического и политического влияния России, а также на противодействие проникновению Китая, заинтересованного в экономическом сотрудничестве со странами региона. В рассматриваемый период наблюдалась следующая трансформация механизмов и средств политики Вашингтона на центрально-азиатском направлении: политика «экспорта демократии»; попытки «вращения» проамериканской элиты; стремления разделить государства на отдельные группы с перманентным «назначением» лидеров; вовлечение в единую военную систему по борьбе с терроризмом; воздействие на сознание населения в целях дестабилизации геополитических соперников; выстраивание сотрудничества на прагматичной основе вследствие внутренних трудностей и внешних ограничений. Государства Центральной Азии симпатизировали американскому курсу по причине заинтересованности в технологиях и инвестициях. При этом они всячески дистанцировались от импульсов «демократизации» со стороны Вашингтона. Постоянным региональным союзником США выступил Казахстан, к которому стремился подключиться Узбекистан. Второй эшелон во взаимоотношениях с американской стороной заняли Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан. Особенностью позиций центрально-азиатских стран является получение максимальной выгоды от сотрудничества с Вашингтоном при выстраивании добрососедских отношений с Россией и Китаем, что входит в диссонанс с региональными императивами США. В перспективе американская стратегия в Центральной Азии предположительно будет исходить из целесообразности привлечения региональных союзников и стимулирования противоречий для сдерживания геополитических соперников в регионе.

Ключевые слова: Большая Центральная Азия, США, Россия, Китай, геополитика, энергетические ресурсы, «цветные революции», «экспорт демократии», «мягкая сила»

Для цитирования: Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):65-81. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81>

Статья поступила: 31.01.2021

Принята в печать: 17.02.2021

Опубликована: 27.03.2021

Features of the US Foreign Policy Towards the Central Asian States

Evgeniy V. Kryzhko¹, Petr I. Pashkovsky²

Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,

¹jeyson1030@gmail.com, ²petr.pash@yandex.ru

Abstract: The article examines the features of the US foreign policy towards the Central Asian states in the post-bipolar period. The imperatives and constants, as well as the transformation of Washington's Central Asian policy, have been characterized. It is shown that five Central Asian states have been in the focus of American foreign policy over the past thirty years. In the process of shaping the US foreign policy in Central Asia, the presence of significant reserves of energy and mineral resources in the region was of great importance. Therefore, rivalry for Caspian energy resources and their transportation routes came to the fore. In addition to diversifying transport and logistics flows and supporting American companies, the US energy policy in Central Asia was aimed at preventing the restoration of Russia's economic and political influence, as well as countering the penetration of China, which is interested in economic cooperation with the countries of the region. During the period under review, the following transformation of mechanisms and means of Washington's policy in the Central Asian direction was observed: the policy of "exporting democracy"; attempts to "nurture" the pro-American elite; striving to divide states into separate groups with permanent "appointment" of leaders; involvement in a unified military system to combat terrorism; impact on the consciousness of the population in order to destabilize geopolitical rivals; building cooperation on a pragmatic basis due to internal difficulties and external constraints. Central Asian states sympathized with the American course because of their interest in technology and investment. At the same time, these states in every possible way distanced themselves from the impulses of "democratization" from Washington. Kazakhstan was a permanent regional ally of the United States, to which Uzbekistan was striving to join. The second echelon in relations with the American side was occupied by Kyrgyzstan, Tajikistan and Turkmenistan. A feature of the positions of the Central Asian countries is the maximum benefit from cooperation with Washington while building good-neighborly relations with Russia and China, which is in dissonance with the regional imperatives of the United States. In the future,

the American strategy in Central Asia will presumably proceed from the expediency of attracting regional allies and stimulating contradictions in order to contain geopolitical rivals in the region.

Keywords: Greater Central Asia, US, Russia, China, geopolitics, energy resources, “color revolutions”, “export of democracy”, “soft power”

For citation: Kryzhko E. V., Pashkovsky P. I. Features of the US Foreign Policy towards the Central Asian States. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):65-81. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81>

Received: 31.01.2021

Revised: 17.02.2021

Published: 27.03.2021

ВВЕДЕНИЕ

Разрушение СССР обусловило возникновение региона современной Центральной Азии, в рамках которого традиционно рассматриваются территории пяти постсоветских государств: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана [1, 2, 3]. Особое значение региона объясняется его геополитическим положением как «сердцевины» Евразии, расположенной на стыке разных цивилизаций, где сосредоточены значительные запасы полезных ископаемых (в частности, углеводородных ресурсов) и пути их транспортировки [4, 5, 6, 7, 8]. Исторически являясь зоной особых интересов России, центрально-азиатский регион стал местом конкуренции глобальных и региональных акторов, находясь в фокусе внешней политики США, реализующих на региональном уровне свои цели в процессе формирования посбиполярной системы международных отношений.

Учитывая высокую степень изученности различных аспектов американского влияния в Центральной Азии [9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18], тем не менее, недостаточно исследованными представляются вопросы, связанные с выявлением императивов и констант внешней политики Вашингтона в отношении государств региона,

понимание которых позволяет раскрыть глубинную сущность её трансформации и с большей достоверностью моделировать вариации будущего развития. Обзорной характеристике особенностей внешнеполитического курса США на центрально-азиатском направлении посвящена настоящая статья.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С момента возникновения независимых государств Центральной Азии США налаживали политические, экономические и военные связи со странами региона. Расширилась деятельность различного рода фондов и неправительственных организаций, а центрально-азиатские республики вовлекались в различные проекты. В доктринальной плоскости процесс формирования американской политики в отношении стран региона в начале 1990-х гг. проявился в законе, принятом Конгрессом США в 1992 г., — «Акте о поддержке свободы» [19]. В нем были закреплены указанные интересы Вашингтона в отношении государств бывшего СССР, и конкретно центрально-азиатского региона.

Обосновывая императивы американских внешнеполитических подходов

на постсоветском пространстве, в том числе в отношении государств Центральной Азии, американский государственный деятель и исследователь Г. Киссинджер в 1994 году отмечал: «Россия вынуждена блюсти свои особые интересы, связанные с ее безопасностью в государствах, которые она называет «ближним зарубежьем», — в республиках бывшего Советского Союза — в отличие от земель за пределами прежней империи. Но дело мира во всем мире требует, чтобы эти интересы были удовлетворены при отсутствии военного давления или одностороннего военного вмешательства. Ключевой вопрос — считать ли взаимоотношения России с новыми республиками международной проблемой, подчиняющейся общепринятым правилам внешнеполитической деятельности? Или это производное от российской практики одностороннего принятия решений, на которые Америка постарается повлиять, если вообще этого захочет, апеллируя к доброй воле российского руководства? В определённых районах — например, в республиках Средней Азии, которым угрожает исламский фундаментализм, — национальные интересы Соединённых Штатов, возможно, параллельны российским, по крайней мере, в той части, в которой речь идет о сопротивлении иранскому фундаментализму. Сотрудничество в этом плане будет вполне возможно в той мере, в какой оно не будет представлять собой сценария возврата к традиционному российскому империализму» [2].

В период 1991–1996 годов формируются цели американского курса в Центральной Азии, определяются механизмы политики США, а также набор средств их реализации применительно к отдельным государствам и региону в целом. В целях защиты интересов Вашингтона и обеспечения свободного доступа к энергетическим ресурсам реги-

она, основными задачами политики США выступали: сохранение независимости и экономической жизнеспособности новых независимых государств; сдерживание влияния России; партнерство по разработке энергетических ресурсов; разрешение этнических конфликтов; противодействие распространению исламского радикализма; стимулирование западного и южного направлений транспортировки энергоресурсов региона [4, 11, 12].

В середине 1990-х годов Вашингтон разделил страны Центральной Азии на две группы. В первую вошли Казахстан и Кыргызстан, которые рассматривались в качестве «буфера», препятствующего распространению влияния России в регионе, с одной стороны, и создававшего «стену» в формировании российско-китайских транспортно-логистических путей, — с другой. Ко второй группе относили Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, которые создавали «барьер», защищавший казахстанскую и кыргызстанскую территории от воздействия со стороны Афганистана и Ирана [1]. Такая конфигурация, в понимании США, должна была обеспечить буферную зону между региональными игроками, препятствуя образованию геополитических союзов.

Наиболее показательно американская активность проявлялась в сфере энергетики. В 1990-х годах был согласован ряд проектов по транспортировке углеводородного сырья Каспийского региона в западном и южном направлениях. Идея создания энергетического коридора «Восток — Запад» встала на повестку дня в 1993 года, что было связано с интеграцией азербайджанского энергетического сырья на международные рынки при активной поддержке США. В 1997 году начал функционировать нефтепровод Баку — Новороссийск, а в 1999 году первая нефть пошла по тру-

бопроводному маршруту Баку — Супса. В 1998 г. был согласован проект по транспортировке углеводородов из Азербайджана и стран Центральной Азии на Запад (нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан). В связи с нехваткой азербайджанской нефти, делался акцент на нефть из Центральной Азии, прежде всего с территории Казахстана¹.

Первые попытки реализовать южный энергетический вектор были осуществлены в 1995 г. Американская нефтяная компания «Unocal» разработала проект транспортировки нефти из казахстанских и, в перспективе, западносибирских месторождений через территорию Афганистана к потребителям в Пакистане и Индии, а также к морским пакистанским терминалам, что позволяло обеспечить выход на международные энергетические рынки. Исходя из оценок «Unocal» и присоединившейся к проекту саудовской компании «Delta», стоимость проекта составит 2,7 млрд долл. Однако риски реализации данной энергетической артерии, связанные с нестабильностью в Афганистане, платежеспособностью Пакистана и сдержанной позицией Индии, привели к заморозке этой идеи на неопределенный срок [6].

Американский эксперт и государственный деятель З.Бжезинский, размышляя в 1997 году о будущем государств региона, обосновал идеи, ставшие в дальнейшем императивами и константами евразийской и, в частности центрально-азиатской, политики Вашингтона. «В конечном счете, — писал он, — будущее Средней Азии, похоже, будет сформировано еще более сложным комплексом обстоятельств, при этом судь-

бу ее государств будет определять запутанное взаимодействие российских, турецких, иранских и китайских интересов, равно как и степень, до которой Соединенные Штаты ставят свои отношения с Россией в зависимость от российского уважения независимости новых государств. Реальность этого взаимодействия исключает империю или монополию как существенную цель для любой заинтересованной геостратегической фигуры. Скорее принципиальный выбор — между хрупким региональным равновесием (которое позволило бы постепенно вовлечь данный регион в нарождающуюся глобальную экономику в то время, как государства региона постепенно консолидировались бы и, возможно, обрели все более выраженные исламские черты) и этническим конфликтом, политическим расколом и, возможно, даже открытым столкновением вдоль южных границ России. Достижение и укрепление этого регионального равновесия должно стать существенной задачей всеобъемлющей геостратегии США в отношении Евразии» [1].

В политике США в отношении государств Центральной Азии с 1997 года прослеживается трансформация подходов по выстраиванию диалога с отдельными странами региона. Эти изменения были связаны с усилениями региональных позиций России, КНР и Ирана, а также с приходом к власти в Афганистане движения «Талибан»². Это движение проводило активные боевые действия с афганскими таджиками и узбеками, поддерживаемыми Тегераном, Москвой и Пекином, что могло послужить фактором сближения центрально-азиатских государств с американскими геополитическими соперниками.

¹ Volkan Ş. Ediger, Duygu Durmaz. The New Geopolitical game in the Caspian Region: Azerbaijan-Turkey Energy Relations. 2016. 23 September. URL: <http://turkishpolicy.com/article/819/the-new-geopolitical-game-in-the-caspian-region-azerbaijan-turkey-energy-relations> (Accessed: 15.12.2020).

² Движение «Талибан» — террористическая организация, запрещенная на территории РФ.

В своих внешнеполитических приоритетах во второй половине 1990-х годах Вашингтон концентрируется на создании «регионального буфера» из пяти центрально-азиатских республик и, одновременно, источника энергоресурсов для реализации транспортного коридора «Восток — Запад» и сдерживания Китая и России. Американская сторона активно наращивает свое присутствие в странах региона, используя методы «мягкой силы», а также проводит политику «заигрывания» с правительствами государств в вопросе «назначения» регионального лидера. Данная тенденция была закреплена в принятом Конгрессом США «Акте стратегии Шелкового пути» в 1999 г. [20]. При этом парламентские и президентские выборы в государствах Центральной Азии в течение 1999–2000 годов укрепили властные позиции «старой» политической элиты, которая на практике продемонстрировала отказ от исключительно проамериканской ориентации, что обусловило необходимость обновления региональной стратегии для США.

События 11 сентября 2001 г. и последующая антитеррористическая кампания США и стран союзников в Афганистане трансформировали американское присутствие в Центральной Азии. Военная кампания против движения «Талибан» позволила Вашингтону набрать «геополитические бонусы» в отношении ослабления региональных позиций России и КНР. Региональными точками опоры для США стали Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан [11]. Лидером для Вашингтона в обозначенной тройке являлся Ташкент, что было закреплено в «Декларации о рамках стратегического партнерства и сотрудничества» [21], которая была подписана в марте 2002 г. в ходе визита президента И. Каримова в Вашингтон [22]. Узбекистан рассматривал союз с США как источник крупных инвестиций

и возможность получить международную протекцию в решении пограничных проблем. Также он, в отличие от Кыргызстана и Таджикистана, не имел обязательств по линии Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации. Расширение военного, экономического и политического присутствия США в регионе было обусловлено потерей стратегической инициативы РФ и КНР в Центральной Азии в 2001–2002 годах [11].

Укрепление американских позиций в Центральной Азии виделось администрацией Дж. Буша-младшего путем трансформации политических элит стран региона. Согласно резолюции Маккейна — Либбермана, принятой Конгрессом США в январе 2003 г., на осуществление демократических преобразований и поддержку общественных организаций в государствах региона предусматривалось расширение финансирования [23]. Для осуществления поставленной цели были применены механизмы «цветных революций», но данная тактика не принесла ожидаемых результатов. Это было обусловлено минимизацией угрозы со стороны Афганистана, слабостью политической оппозиции и пришедших к власти после «революции» сил (не приведших к эффективному управлению страной — Е. К., П. П.), недоверием со стороны «старой» политической элиты к политике США в регионе и, как следствие, переориентацией центрально-азиатских государств на Россию и КНР [22]. Такие последствия не устраивали Вашингтон, что привело к коррекции американских подходов в отношении стран Центральной Азии.

Таким образом, основные интересы Соединенных Штатов в регионе в этот период можно представить следующими положениями: установление и расширение присутствия в регионе является элементом общей стратегии США по упрочению своего

глобального лидерства; США заинтересованы в обеспечении доступа к природным ресурсам Каспийского региона в рамках осуществления своей энергетической политики, направленной на уменьшение зависимости от поставок энергоносителей из арабских стран; посредством распространения своего влияния на регион США стремились не допустить ситуации, когда одна или группа держав (особенно таких, как РФ и КНР) будут доминировать в регионе, ослабляя и/или исключая там американское присутствие.

В конце 2005 года Соединенные Штаты изменили подходы к Центральной Азии. Руководитель Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж.Хопкинса Ф.Старр разработал новый проект «Большая Центральная Азия», который был направлен на объединение в единую систему Центральной и Южной Азии [18]. Начиная с 2006 года, точками для опоры американской региональной политики избрали Казахстан, Кыргызтан, Таджикистан, а также включили в эту связку Афганистан как неотъемлемую часть, что было закреплено в «Акте стратегии Шелкового пути» [24], принятом Конгрессом США в 2006 году. В стратегии Вашингтона акценты сместились на более активную поддержку развития энергетического и торгового коридора «Восток — Запад» и укрепление безопасности. Это должно было нивелировать укрепляющиеся связи стран Центральной Азии с геополитическими конкурентами в лице России и Китая.

В рамках обновлённых подходов госдепартамент США изменил принципы регулирования контроля и дал новое название проекту — «Большая Южная Азия» [16]. Такая переориентация была связана с несоответственностью составных частей нового региона: Южная Азия в экономическом и демографическом отношении больше

Центральной Азии, что привело бы к «поглощению» ею северной составляющей проекта. Основой проекта «Большая Южная Азия» являлось создание транспортных и энергетических коридоров, проходящих через Афганистан. По этим коридорам государства Центральной Азии могли экспортировать свои энергоресурсы, сырье и товары в Индию, Пакистан и другие страны. Строительство трансафганского газопровода полностью укладывалось в рамки данного проекта.

Согласно замыслу США, Таджикистан мог сыграть существенную роль в реализации проекта «Большой Южной Азии», представляя собой основной коридор для вовлечения стран региона в поддержку реконструкции Афганистана. В рамках этого проекта Вашингтон популяризировал идею энергетической интеграции Таджикистана с союзными США Афганистаном и Пакистаном, а также с Индией, с которой у них наметилось сближение позиций. В соответствии с указанными интересами главный вектор американской политики в регионе был направлен на сокращение экономического и политического присутствия России и создание условий, обеспечивавших Вашингтону возможность оказывать экономическое и политическое воздействие на Китай и Иран с территории Центральной Азии.

США в период администрации президента Дж. Буша-младшего неоднократно применяли механизмы «экспорта демократии» и «цветных революций», направленные на установление в странах проамериканских политических сил. «В Закавказье и Центральной Азии, — говорил Дж. Буш-младший — люди лелеют надежду на перемены, и перемены наступят. По всему Большому Ближнему Востоку мы наблюдаем за становлением нового поколения людей, сердца которых горят

свободой, и они обретут свободу. <...> Мы стали свидетелями розовой, оранжевой, пурпурной, тюльпанной и кедровой революций, и это только начало»³. В рамках реализации изложенных инициатив в 2008 г. в США был создан Гражданский корпус реагирования, призванный решать проблему заполнения политического вакуума после внеочередной смены государственного руководства, оказывая помощь гражданам стран, находящихся в политическом кризисе [17]. Фактически данная организация направляла в различные государства мира советников по «построению демократии» и формированию лояльной Вашингтону политической элиты, разрабатывая сценарии её прихода к власти.

При администрации президента Б.Обамы внимание к центрально-азиатскому региону возросло. При этом был смещен акцент с политики «демократизации» государств под единый стандарт на решения проблем безопасности. Политика Вашингтона в Центральной Азии трансформировалась в выстраивание отношений исключительно по прагматическому принципу, в то же время декларативно оставались установки глобального характера, однако финансирование на поддержку демократических свобод в рассматриваемых государствах, начиная с 2009 г., сокращается [14]. В этом контексте американцы реализовывали стратегию точечного взаимодействия по наиболее приоритетным для себя вопросам. Их условно можно разделить на следующие группы: решение проблемы присутствия в Центральной Азии в условиях вывода основного контингента войск с территории Афганистана; сдерживание Ирана; противодействие формированию энергетического союза Китая с пятью республи-

ками вместе с дальнейшим ослаблением и изоляцией России; создание маршрутов транспортировки углеводородов на Запад в обход РФ.

Политика США в Центральной Азии демонстрирует двойственность, заключающуюся, с одной стороны, в сотрудничестве со всеми странами региона, с другой стороны, в отсутствии у Вашингтона единого подхода к пятерке государств, механизмов взаимодействия с политическими элитами по формированию некой «общей суммы». Поэтому поддержка суверенного развития стран региона входит в диссонанс с ускоренным «взрачиванием» проамерикански настроенных сил «единого демократического стандарта» [14]. Американская политика, основанная на двусторонних соглашениях с центрально-азиатскими государствами, не принесла ожидаемых дивидендов: не удалось купировать китайские энергетические проекты и нивелировать российские позиции в регионе. Исключением является интенсивное развитие военного партнерства.

Продолжительное время государства Центральной Азии взаимодействовали со странами НАТО в вопросе милитаризации региона в контексте афганской кампании. Вместе с тем, администрация Б.Обамы в своей стратегии «Нового Шелкового пути» [25, 26] выдвигала в качестве императива совместное восстановление афганской экономики при активном содействии соседних государств. Госсекретарь США Х.Клинтон подчеркивала, что «в краткосрочной перспективе нам необходимо работать вместе, чтобы поддержать афганский народ в решении экономических проблем и проблем безопасности, возникающих в связи с переходом от военной

³ Буш создает отряд «Америка». 2005. 19 мая. URL: <https://m.polit.ru/article/2005/05/19/teamamerica/> (дата обращения: 15.12.2020).

миссии. <...> Соединенные Штаты будут продолжать переводить наши усилия в области развития краткосрочных стабилизационных проектов, в основном в рамках военной стратегии, на более долгосрочное устойчивое развитие, направленное на стимулирование роста, создание рабочих мест, активизацию частного сектора и интеграцию Афганистана в страны Юга и экономику Центральной Азии» [26]. При этом центрально-азиатские страны в вопросе восстановления афганской экономики ориентировались на ресурсы более сильных игроков, таких как США, ЕС, Россия, Китай, и проявляли пассивность в самостоятельном участии в предложенном проекте. Это было обусловлено слабостью и зависимостью собственных экономик, а также желанием пролонгировать дополнительные выгоды, полученные в ходе военной кампании коалиции в Афганистане. Политические элиты центрально-азиатских стран с недоверием отнеслись к инициативе США и Германии по созданию «Нового Шелкового пути» или «Сердца Азии» в плане результативности такого проекта, который должен принести снижение уровня угроз с афганской территории [7].

Индикатором старта реализации программы «Сердца Азии» стало потепление в отношениях между Вашингтоном и Ташкентом вследствие поддержки Москвой гидроэнергетических проектов Кыргызстана, что привело к заключению 18 августа 2009 г. соглашения о военно-техническом сотрудничестве между Узбекистаном и США. Совместная афганско-узбекистанская граница стала основным фактором в установлении тесного сотрудничества между странами в условиях укрепления американских позиций в Центральной Азии при уменьшении военного присутствия Вашингтона в Афганистане. В период 2012–2015 годах в Узбекистан было осуществлено 6 визитов

на высшем уровне представителей американской администрации из военных и политических кругов, направленных на формирование «теплых» отношений между государствами [22].

Второй, но не менее важной, точкой опоры американской политики в Центральной Азии выступал Казахстан, с которым, начиная с 2003 г., на основе пятилетних планов ведется военное сотрудничество, предусматривающее совместные меры по противодействию терроризму и наркоторговле, поставки военной техники и оборудования, подготовку военных кадров и проведение совместных учений [13]. Казахстан выступает активным сторонником Стамбульского процесса (создание в ноябре 2011 года «зоны политического доверия» центрально-азиатских стран и Афганистана при участии Турции), а казахстанские правящие круги проводят политику укрепления границ и обеспечения безопасности страны [7].

Американский исследователь Р. Каплан, анализируя в 2012 году геополитическую ситуацию в центрально-азиатском регионе в ракурсе интересов Вашингтона, акцентировал: «Казахстан и есть тот самый маккиндеровский «Хартленд»! Государство изобилует стратегическими ресурсами и занимает центральное положение в Евразии. <...> Маккиндер верил, что «Хартленд» будет контролировать некая сверхдержава. Но в наше время «Хартленд» находится в руках его коренных жителей, а великие державы — Россия и Китай — ведут борьбу за пользование его ресурсами. Россия может влиять на Казахстан и даже оказывать определенное давление. Еще одним сдерживающим фактором для России в Центральной Азии является Китай, чье влияние в регионе растет и с которым у России протяженная граница на Дальнем Востоке. А достаточно хорошие отношения между Российской Федерацией и Китаем будут

способствовать укреплению Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), региональной международной организации, членом которой является Казахстан. Эта организация призвана объединить евразийские страны, в основном с авторитарным строем, чтобы снизить влияние США. Платой же за российско-китайскую вражду может стать усиление влияния США и Европы в Евразии» [3].

В результате вышеперечисленных факторов, основными «точками опоры» действий США в регионе становятся Казахстан и Узбекистан, которые остаются главными партнёрами в военном и экономическом сотрудничестве, позволяя американцам проводить политику «сдержек и противовесов» относительно борьбы этих государств за региональное лидерство.

В реализации подходов по нивелированию регионального влияния геополитических соперников успеха Вашингтона не отличались высокой результативностью. Так, Россия в период американской администрации Б. Обамы укрепила свои позиции в Кыргызстане и Таджикистане, а также смогла сохранить партнерские отношения с Казахстаном по ключевым региональным проектам. Однако в диалоге Москвы с Ташкентом наблюдалось «похолодание» вследствие поддержки Кремлем региональных проектов Бишкека [7].

КНР постепенно превращается в одного из основных экономических и энергетических партнеров государств Центральной Азии вследствие потребностей «китайской фабрики» в энергоресурсах. Начиная с 2006 г., ведется строительство газотранспортной сети «Центральная Азия — Китай», в которой задействованы все пять республик. Общая пропускная способность данной артерии к 2015 году достигла 55 млрд м³ [5, с. 327]. Инвестиции Пекина в инфраструктуру и проекты по добыче ре-

сурсов превратили его в весомого игрока в Центральной Азии и обеспечили формирование «западного буфера» безопасности для самого Китая.

Под воздействием КНР и РФ американская администрация пересматривает направленность реализации энергетического коридора «Восток — Запад». Первоначально данная стратегия базировалась на создании транспортных путей с привлечением Азербайджана, Грузии и выходом к Турции. Однако данное направление теряет сторонников в Вашингтоне в силу ряда причин: обеспечение гарантиями стабильности территорий строительства трубопроводов; конкуренция Баку с Ашхабадом в вопросе импорта газа; переориентация Туркменистана на поставки голубого топлива в КНР и совместную разработку новых месторождений. Альтернативой проекту «Восток — Запад» выступает «Новый Шелковый путь», который ориентируется исключительно на развитие логистической инфраструктуры в южном направлении, рассчитывая на потребителей первого звена в лице Пакистана и Индии, и возможности выхода на мировые рынки по морским путям [26]. При этом вопрос о стабилизации внутренней обстановки в Афганистане для безопасной реализации договоренностей оставался открытым.

Для решения вопросов экономической интеграции внутри Центральной Азии с перспективой развития в южном направлении американской стороной в 2015 г. была инициирована модель сотрудничества «C5+1» (страны Центральной Азии + США — Е.К.,П.П.), основной задачей которой выступало «выдавливание» России из интеграционных процессов с государствами региона, а также урегулирование вопросов региональной безопасности, западных инвестиций и экологических проблем [9]. Однако региональное взаимодействие с Пеки-

ном и Тегераном Вашингтон рассматривал в позитивном контексте. При этом «Иран рассматривался администрацией в качестве “ворот” для стран региона, как в Азию, так и в Европу, что могло облегчить диверсификацию их коммерческих связей с внешним миром» [15].

Соединенные Штаты в период президентства Д. Трампа продолжали отстаивать свои геополитические интересы в Центральной Азии, активно действуя в условиях конкуренции со стороны КНР и РФ. Центрально-азиатский вектор в это время не входил в сферу основных приоритетов внешней политики Вашингтона. Поэтому первоначально американское видение своего регионального присутствия базировалось на фактическом продлении курса предыдущей администрации. Данный вектор был закреплен в принятой в 2017 году обновленной Стратегии национальной безопасности США [27], в которой акцентировались стремления Вашингтона: содействовать экономической интеграции Центральной и Южной Азии; поддерживать независимый курс центрально-азиатских государств от внешних сил и движение в направлении демократических реформ; продолжать антитеррористические операции с привлечением государств региона.

Постепенно внешнеполитический курс США трансформировался в вектор противодействия Китаю как экономическому сопернику, который в перспективе нескольких десятилетий может сместить центр силы с Запада на Восток. Пекин во втором десятилетии XXI в. активно наращивает свое присутствие в Центральной Азии не только в экономической, но и в военной и политической сферах, что побуждает Вашингтон вести более активную региональную политику. Кроме того, интерес США к региону обусловлен афганской проблемой, которая актуальна в связи с намерениями американ-

ской администрации нарастить воинский контингент в Афганистане и, традиционно, предотвратить укрепление российских позиций в центрально-азиатской части постсоветского пространства, а также добиться сдерживания устремлений Ирана в северном направлении. При этом с экономической точки зрения Вашингтон готов проводить инвестиционную политику в отношении государств Центральной Азии, но она нацелена на таких ближайших «союзников», как Казахстан и Узбекистан, что подтверждает ограниченность финансовых возможностей администрации Д. Трампа.

Сотрудничество в военной сфере в этот период становится основополагающей в контексте выстраивания отношений со странами Центральной Азии. Государствами «первого эшелона» американская сторона определила Казахстан и Узбекистан. Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан занимают второстепенные позиции ввиду их ориентации на других региональных игроков. В этом отношении Вашингтон оказывал Астане (Нур-Султану) и Ташкенту военно-техническую помощь, осуществлял контакты по обучению кадрового состава стандартам НАТО. Также был подписан ряд договоров, регламентирующих транзит грузов для снабжения американского контингента в Афганистане. Выстраивание взаимодействия США с Казахстаном и Узбекистаном базировалось на основе пятилетних планов сотрудничества и индивидуальных программ. В Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане американцы реализовывали программы по контролю биологических рисков, сформировав систему научных учреждений. Бишкек и Душанбе регулярно принимают участие в многочисленных учениях по программе Североатлантического альянса «Партнёрство ради мира» [13].

Политические элиты центрально-азиатских республик положительно восприняли изменения в региональной политике США. Данное обстоятельство объясняется их заинтересованностью в новых многомиллиардных инвестиционных проектах. Основной площадкой по развитию экономического сотрудничества выступает формат «С5+1», который осуществляется ежегодно, начиная с 2015 года. Также не исключается метод отдельных соглашений с наиболее «близкими» к американской администрации странами — Казахстаном и Узбекистаном, объем инвестиций в экономику которых составил 7 и 4,8 млрд долл. соответственно [9]. По объему финансовых вложений в казахстанские предприятия Вашингтон занимает второе место, а молодая элита страны, получившая образование на Западе, проецирует проамериканскую ориентацию [10]. Указанный формат также включает инвестирование в проекты в Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане, однако широкое американское экономическое проникновение в эти государства купируется со стороны Китая и России.

Начиная с 2018 года, американская политика в Центральной Азии базируется на принципе «business comes first», что было зафиксировано по результатам встречи Д. Трампа с президентом Казахстана Н. Назарбаевым и президентом Узбекистана Ш. Мирзиёевым, т. е. программа по транслированию «демократических ценностей» сменилась экономическим прагматизмом [9].

США в вопросах «инъекции демократических ценностей» государствам Центральной Азии, учитывая ранее совершенные «ошибки» администраций Дж. Буша-младшего и Б. Обамы, впоследствии занимают более взвешенную позицию, заключающуюся в соразмерном влиянии на отдельные страны региона. С одной стороны, аме-

риканская администрация приветствует смену политических лидеров в Казахстане и Узбекистане, сдержано выражает надежды на дальнейшую демократизацию в обмен на инвестиции, а с другой, — активно критикует «уровень демократии» в Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане, применяя механизмы «мягкой силы» в формировании проамериканской элиты, стремясь в перспективе закрепить соответствующий вектор внешнеполитической ориентации центрально-азиатских государств [10]. В то же время по линии неправительственных организаций, финансируемых Вашингтоном, ведется работа среди населения стран Центральной Азии по дискредитации региональных позиций России и Китая, а также связанных с ними местных политических элит.

Указанные особенности политики администрации Д. Трампа были конкретизированы в «Стратегии США для Центральной Азии на 2019–2025 годы: продвижение суверенитета и экономического процветания» от 2020 года. Данный документ окончательно закрепил восприятие Вашингтоном центрально-азиатских стран как отдельной от Южной Азии и Большого Ближнего Востока региональной общности. Подчеркивалась позитивная роль платформы «С5+1» в решении вопросов различного уровня. В этом контексте отмечалась значимость экономического взаимодействия, поскольку «усилия государств Центральной Азии по увеличению иностранных инвестиций и привлечению бизнеса Соединенных Штатов повышают готовность лидеров пяти государств проводить реформы в области верховенства закона и соблюдать международные нормы. <...> США необходимо сделать акцент на сотрудничестве в тех областях, где у них есть сравнительные преимущества» [28]. В «Стратегии» упоминается необходимость американ-

ского содействия тому, «чтобы страны региона были все более связаны с Европой через Кавказ, с Афганистаном и Южной Азией, а также с мировыми рынками». Это свидетельствует об отказе развивать исключительно южное транспортно-логистическое направление и задействовании «старых» проектов по поставкам энергоресурсов партнерам на Запад в обход России.

Стратегия определяет американские позиции в Центральной Азии как одну из основ «национальной безопасности и защиты нашей родины, граждан и интересов за рубежом», акцентируя, что «тесные отношения и сотрудничество со всеми пятью странами будут уравновешивать влияние соседей по региону. <...> расширение возможностей для бизнеса в США повысит экономическое процветание, а также поддержит занятость и промышленность в Соединенных Штатах» [28]. Обновленная региональная политика Вашингтона характеризуется прагматическими подходами в отношении центрально-азиатских государств и концентрацией на точечных проектах, что во многом обусловлено ограниченностью американских ресурсов и необходимостью учитывать позиции России и Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, что внешнеполитические подходы США в отношении государств Центральной Азии в постбиполярный период, характеризовались, с одной стороны, ситуативной трансформацией, а, с другой — наличием императивов и констант,

являвшихся составляющими традиционной американской геостратегии в Евразии. Так, в краткосрочной перспективе прослеживались стремления Вашингтона сохранить и укрепить существующий геополитический плюрализм в масштабах континента, что обуславливает действия по нивелированию появлений государств или их коалиций, способных бросить вызов американскому лидерству. В среднесрочной перспективе указанная ситуация должна была смениться акцентами на появлении региональных партнеров, способствующих объединению ещё большего числа государств в реализации интересов США. Долгосрочная перспектива предполагала формирование т.н. «мирового центра совместной политической ответственности», ведомого Вашингтоном, планирующим сохранить глобальное лидерство.

В современных условиях ограниченности экономических возможностей и нарастающих социально-политических коллизий внутри Соединенных Штатов реалистичным представляется сценарий, в соответствии с которым внешнеполитический курс новой администрации в отношении государств центрально-азиатского региона будет продолжать исходить из целесообразности частичной передачи «глобальных обязательств» региональным союзникам. Подобное не исключает реализации стратегии «удаленного сдерживания» России и Китая посредством задействования стран-партнеров США в контексте стимулирования региональных противоречий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. Москва: Международные отношения; 2005. 256 с.
2. Киссинджер Г. Дипломатия. Москва: Ладомир; 1997. 848 с.
3. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих

- конфликтах и битве против неизбежного. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус; 2016. 384 с.
4. Cohen A. The New “Great Game”: Oil Politics in the Caucasus and Central Asia. *The Heritage Foundation Backgrounder*. 1996;1065:1-13.
  5. Жильцов С. С. Инфраструктурные проекты в Каспийском регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):324-335. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-324-335>
  6. Крыжко Е. В., Пашковский П. И. К вопросу об энергетическом измерении международной конкуренции в Центральной Азии. *Международные отношения*. 2017;2:118-127. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2017.2.22126>
  7. Олкотт М. Б. Государства Центральной Азии идут своим путем. *Pro et Contra*. 2013;1-2(58):70-78.
  8. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). Киев: Интерсервис; 2012. 189 с.
  9. Гарбузарова Е. Г. Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии. *Вестник Томского государственного университета*. 2020;455:97-103.
  10. Ионова Е. П. Политика администрации Д. Трампа в Центральной Азии. *Россия и новые государства Евразии*. 2020;III(XLVIII):53-65.
  11. Крыжко Е. В. Проблема военно-политического присутствия США в Центральной Азии (2001-2002 гг.). *Научный вестник Крыма*. 2017;1:1-6.
  12. Пашковский П. И. Параметры интеграционной политики России в отношении государств Центральной Азии (1992–2009 гг.). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;2(26):88-93.
  13. Пономарев В. А. Об основных направлениях политики США в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):445-459. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-445-459>
  14. Приймачук Д. В. Центральная Азия и Соединенные Штаты Америки: проблемы и перспективы. *Международные отношения*. 2017;1:90-101. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2017.1.20600>
  15. Шенин С. Ю. Основные этапы политики США в Центральной Азии в период администрации Б. Обамы. Современные евразийские исследования. 2017;2:6-13.
  16. Язмуратов А. Большая Южная Азия: новый подход США к Центральной и Южной Азии — эволюция и причины появления. *Центральная Азия и Кавказ*. 2006;4(46):93-107.
  17. Mereand R. Civilian Response Corps. National Security Watch. 2008. 3 October. URL: <https://www.ausa.org/sites/default/files/NSW-08-4-Civilian-Response-Corps.pdf> (дата обращения: 15.12.2020).
  18. Starr S. F. A «Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors Silk Road Paper. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS; 2005. 36 p.
  19. The Freedom Support Act. 1992. 24 October. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2532> (дата обращения: 15.12.2020).
  20. Silk Road Strategy Act of 1999. 1999. 3 August. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/106/hr1152/text> (Accessed: 15.12.2020).
  21. Declaration on the Strategic Partnership and Cooperation Framework Between the United States of America and the Republic of Uzbekistan. 2002. 8 July. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/or/2002/11711.htm> (дата обращения: 15.12.2020).
  22. Крыжко Е. В. Основные приоритеты внешней политики Узбекистана. В: Сукиасян А. А. Наука третьего тысячелетия: сборник статей

- Международной научно-практической конференции. Уфа; 2016;3:11-16.
23. S. J. Res. 3 (108th): A joint resolution expressing the sense of Congress with respect to human rights in Central Asia. 2003. 9 April. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/108/sjres3/text/rs> (Accessed: 15.12.2020).
24. Silk Road Strategy Act of 2006. 2006. 4 May. URL: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-bill/2749/text> (дата обращения: 15.12.2020).
25. Joint Statement of the Co-Chairs of the Ministerial Meeting on the New Silk Road. 2011. 22 September. URL: <https://www.mynewsdesk.com/us/u-s-state-department/pressreleases/joint-statement-of-the-co-chairs-of-the-ministerial-meeting-on-the-new-silk-road-685683> (дата обращения: 15.12.2020).
26. Clinton H.R. Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting. 2011. 22 September. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/09/173807.htm> (дата обращения: 15.12.2020).
27. National Security Strategy of the United States of America. The White House. 2017. December. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=806478> (дата обращения: 15.12.2020).
28. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. February 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> (дата обращения: 15.12.2020).

REFERENCES:

1. Bzhezinskij Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publishing House; 2005. 256 p. (In Russ.)
2. Kissinger G. Diplomacy. Moscow: Ladomir Publishing House; 1997. 848 p. (In Russ.)
3. Kaplan R. The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus Publishing House; 2016. 384 p. (In Russ.)
4. Cohen A. The New “Great Game”: Oil Politics in the Caucasus and Central Asia. *The Heritage Foundation Background*. 1996;1065:1-13.
5. Zhiltsov S.S. The Infrastructure Projects in the Caspian Region. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):324-335. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-324-335> (In Russ.)
6. Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I. On the Issue of the Energy Dimension of International Competition in Central Asia. *International Relationships*. 2017;2:118-127. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2017.2.22126> (In Russ.)
7. Olcott M.B. The Central Asian states are following their own path. *Pro et Contra*. 2013;1-2(58):70-78. (In Russ.)
8. Pashkovsky P.I. Integration Policy of Russia in the Post-Soviet Space (1991–2011). Kiev: Interservice; 2012. 189 p. (In Russ.)
9. Garbuzarova E. G. The D. Trump’s Foreign Policy Priorities in Central Asia. *Tomsk State University Journal*. 2020;455:97-103. (In Russ.)
10. Ionova E.P. The D. Trump Administration’s Policy in Central Asia. *Russia and New States of Eurasia*. 2020;III(XLVIII):53-65. (In Russ.)
11. Kryzhko E.V. The Problem of the US Military-Political Presence in Central Asia (2001–2002). *Scientific Bulletin of Crimea*. 2017;1:1-6. (In Russ.)
12. Pashkovsky P.I. Parameters of Russia’s Integration Policy Towards the Central Asian States (1992–2009). *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;2(26):88-93. (In Russ.)

13. Ponomarev V. A. U.S. Main Policies in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):445-459. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-445-459> (In Russ.)
14. Prijmachuk D. V. Central Asia and the United States of America: Problems and Prospects. *International Relations*. 2017;1:90-101. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2017.1.20600> (In Russ.)
15. Shenin S. Yu. The main stages of US policy in Central Asia during the Obama administration. *Contemporary Eurasian Studies*. 2017;2:6-13. (In Russ.)
16. Yazmuradov A. Greater South Asia: A New US Approach to Central and South Asia — Evolution and Reasons. *Central Asia and The Caucasus*. 2006;4(46):93-107. (In Russ.)
17. Mereand R. Civilian Response Corps. National Security Watch. 2008. 3 October. URL: <https://www.ousa.org/sites/default/files/NSW-08-4-Civilian-Response-Corps.pdf> [Accessed: 15.12.2020].
18. Starr S. F. A «Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors Silk Road Paper. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS; 2005. 36 p.
19. The Freedom Support Act. 1992. 24 October. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2532> [Accessed: 15.12.2020].
20. Silk Road Strategy Act of 1999. 1999. 3 August. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/106/hr1152/text> [Accessed: 15.12.2020].
21. Declaration on the Strategic Partnership and Cooperation Framework Between the United States of America and the Republic of Uzbekistan. 2002. 8 July. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/or/2002/11711.htm> [Accessed: 15.12.2020].
22. Kryzhko E. V. The main priorities of Uzbekistan's foreign policy. In: Sukiasyan A. A. Science of the Third Millennium: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference. Ufa; 2016;3:11-16. (In Russ.)
23. S.J.Res. 3 (108th): A joint resolution expressing the sense of Congress with respect to human rights in Central Asia. 2003. 9 April. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/108/sjres3/text/rs> [Accessed: 15.12.2020].
24. Silk Road Strategy Act of 2006. 2006. 4 May. URL: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-bill/2749/text> [Accessed: 15.12.2020].
25. Joint Statement of the Co-Chairs of the Ministerial Meeting on the New Silk Road. 2011. 22 September. URL: <https://www.mynewsdesk.com/us/u-s-state-department/pressreleases/joint-statement-of-the-co-chairs-of-the-ministerial-meeting-on-the-new-silk-road-685683> [Accessed: 15.12.2020].
26. Clinton H. R. Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting. 2011. 22 September. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/09/173807.htm> [Accessed: 15.12.2020].
27. National Security Strategy of the United States of America. The White House. 2017. December. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=806478> [Accessed: 15.12.2020].
28. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. February 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> [Accessed: 15.12.2020].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Евгений В. Крыжко, кандидат исторических наук, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия; 295005, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д.4; jeyson1030@gmail.com

Петр И. Пашковский, кандидат политических наук, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия; 295005, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д.4; petr.pash@yandex.ru

Evgeniy V. Kryzhko, PhD of Historical Sciences, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, 295007, Republic of Crimea; jeyson1030@gmail.com

Petr I. Pashkovsky, PhD of Political Science, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, 295007, Republic of Crimea; petr.pash@yandex.ru

Об основных направлениях политики США в Закавказье

Владимир А. Пономарев

Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

vaponomarev@mid.ru

Аннотация: В статье рассматривается внешняя политика США в Закавказье на современном этапе. Выделяются ее основные направления и особенности. Приводится краткая хронология развития отношений в экономической и военной областях, реализации американцами политики «продвижения демократии» в регионе. Анализируется состояние двусторонних отношений США с закавказскими странами в настоящее время. Акцент делается на шагах администрации Д. Трампа в регионе, а также на перспективах закавказской внешнеполитической повестки новой администрации Дж. Байдена.

Ключевые слова: политика США, Закавказье, Азербайджан, Армения, Грузия, военное сотрудничество, экономические отношения, продвижение демократии, Агентство США по международному развитию, НПО, Д. Трамп, Дж. Байден

Для цитирования: Пономарев В. А. Об основных направлениях политики США в Закавказье. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):82-98. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-82-98>

Статья поступила: 18.01.2021

Принята в печать: 11.02.2021

Опубликована: 27.03.2021

U.S. Policy in the South Caucasus

Vladimir A. Ponomarev

Russian Foreign Ministry, Moscow, Moscow, Russia,

vaponomarev@mid.ru

Abstract: The article examines the U.S. foreign policy in the South Caucasus at the present stage. Its main directions and features are highlighted. The article lays down the chronology of bilateral relations in the economic and military fields, as well as the U.S. policy of “democracy promotion” in the region. The current state of relations between the United States and the states of the South Caucasus is analyzed. The focus is on the policy of the Donald Trump administration in the region, as well as on the prospects of its implementation under the new Joe Biden administration.

Keywords: US policy, South Caucasus, Azerbaijan, Armenia, Georgia, military cooperation, economic relations, democracy promotion, USAID, NGOs, Donald Trump, Joe Biden

For citation: Ponomarev V. A. U.S. Policy in the South Caucasus. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):82-98. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-82-98>

Received: 18.01.2021

Revised: 11.02.2021

Published: 27.03.2021

ВВЕДЕНИЕ

В течение почти 30 лет с момента обретения Азербайджаном, Арменией и Грузией независимости Соединённые Штаты уделяют пристальное внимание Закавказскому региону. Об этом свидетельствуют как периодически обновляемые стратегии национальной безопасности, так и регулярные контакты представителей военно-политического истеблишмента США с представителями руководства закавказских республик и по линии бизнес-кругов.

Повышенный интерес американцев к Закавказью обусловлен, прежде всего, его нефтегазовым потенциалом, а также геостратегическим положением вблизи важных для Вашингтона России, Ирана, Юго-Западной Азии, а также Черного и Каспийского морей. Развивая сотрудничество в экономической и военной областях со странами Закавказья, американцы решают задачи обеспечения энергобезопасности, поддержки операции в Афганистане, борьбы с терроризмом.

Неотъемлемой частью американского внешнеполитического курса на данном направлении является «продвижение демократии» и защита прав человека. В этих целях используются политико-дипломатические, военные, экономические и гуманитарные рычаги, задействуется весь имеющийся инструментарий «мягкой» и «умной» силы, привлекаются государственные и негосударственные акторы.

Оказывая помощь в реформировании по западным стандартам политических, экономических, оборонных и образовательных систем республик, декларируя благие и человеколюбивые лозунги о пользе демократии, на деле США преследуют собственные национальные интересы, не гнушаются вмешательством во внутренние дела независимых стран и давлением на их руководство.

Главной геополитической задачей Вашингтона является ослабление влияния в регионе России и Ирана. Ведется последовательная работа с тем, чтобы подорвать интеграционные процессы в рамках СНГ и ОДКБ, предпринимаются попытки по вовлечению закавказских республик в евроатлантические структуры и другие ориентированные на США механизмы безопасности.

Приходящие на смену друг другу демократические или республиканские администрации во многом по инерции продолжают интрузивную политику предшественников в регионе. Приоритет отдается либо экономическому взаимодействию, как это было на начальном этапе, либо военному сотрудничеству — при Д. Трампе, либо демократизаторским программам, как ожидается, будет при Дж. Байдене.

Можно прогнозировать, что новое демократическое руководство США продолжит

курс администрации Б. Обамы по «продвижению демократии» в закавказском регионе посредством наращивания поддержки, прежде всего финансовой, оппозиционным, феминистским и религиозным группам, а также расширения присутствия отделений АМР и различных американских НПО.

Пытаясь перехватить инициативу у Москвы, администрация Дж. Байдена может объявить приоритетным направлением своей внешней политики в Закавказье урегулирование конфликтов, прежде всего нагорно-карабахского. Следует ожидать, что Вашингтон продолжит курс на дальнейшее вовлечение стран региона в западные структуры, прежде всего в НАТО. Вместе с тем, в отличие от Д. Трампа, который лоббировал интересы нефтяников, при новом президенте США, позиционирующем себя как сторонника «зеленой» энергетики, ожидается некоторое снижение интереса американцев к расширению энергетического сотрудничества с закавказским регионом.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ США СО СТРАНАМИ ЗАКАВКАЗЬЯ

Распад СССР и образование на постсоветском пространстве новых независимых государств поставил военно-политическое руководство США перед необходимостью выработки новых приоритетов в данном регионе. И если в Центральной Азии администрация Дж. Буша-старшего сразу взялась за уничтожение ОМУ, то с внешнеполитическим курсом в государствах Закавказья определиться удалось только при администрации Б. Клинтона. Его основными направлениями, как и в ЦА, стало урегулирование локальных военных конфликтов, вовлечение в евроатлантические структуры и прочие ориентированные на Вашингтон механизмы безопасности,

проведение демократических политических и экономических реформ. Акцент был сделан на налаживании сотрудничества в нефтегазовой сфере с Азербайджаном и Грузией.

Главными задачами в этой области в Белом доме видели обеспечение доступа к каспийской нефти, создание выгодных маршрутов транспортировки каспийских энергоносителей в обход России и зон безопасности в районах их прохождения, обеспечение участия американских компаний в нефтегазовых секторах данных стран, а также создание для них максимальных экономических преференций.

Повышенный интерес Вашингтона к Азербайджанской Республике (АР), кроме геополитических соображений (расположена между Россией и Ираном), во многом обусловлен экономическими факторами и, прежде всего, стремлением обеспечить доступ к энергоресурсам Каспия и Центральной Азии. Под лозунгом «диверсификации» маршрутов транспортировки энергоносителей американцы ведут активную работу по формированию энергетического коридора Восток— Запад в обход России из Центральной Азии и Каспийского бассейна через Азербайджан, Грузию и Турцию в Западную Европу. Вашингтон оказывает активную государственную поддержку американским нефтяным компаниям для обеспечения гарантий их инвестиций в азербайджанский энергетический сектор, страхования проектов разработки каспийских нефтегазовых месторождений и транспортировки энергоносителей [1].

По словам бывшего посла США в АР Р. Секуты, «начиная с 90-х годов, американский бизнес принимал активное участие в добыче энергоресурсов на Каспии, финансируя и оказывая политическую поддержку различным проектам, пре-

доставляя современные технологии и накопленный опыт» [2]. США не только приняли активное участие в освоении и добыче углеводородных ресурсов Каспийского моря, но и в прокладке трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан и газопровода Баку — Тбилиси — Эрзурум в целях транспортировки азербайджанских углеводородов на мировой рынок.

Наиболее важным для обеих сторон стало подписание 20 сентября 1994 года Азербайджаном с 13 крупными компаниями, специализирующимися на добыче нефти, представляющими 8 государств мира, «Контракта века» о совместной разработке трёх нефтяных месторождений — «Азери», «Чыраг», «Гюнешли» в азербайджанском секторе Каспийского моря. Пяти американским компаниям — «Шеврон», «Макдермотт», «Юнокал», «Амоко», «Эксон Мобил» — было выделено 47% доли инвестиций, что составило приблизительно 5 млрд долл. [3]. С этого периода компании из США и других стран осуществили инвестиции в экономический сектор АР более чем на 260 млрд долл. [4].

При администрации Д. Трампа успешное сотрудничество между США и Азербайджаном продолжилось. Во многом этому способствовало то, что американский лидер сам был успешным бизнесменом, поэтому с его приходом наращиванию экономического сотрудничества с другими странами был дан «зеленый свет». Американское руководство и сам президент не раз подчеркивали, значимость добычи нефтегазовых ресурсов в Азербайджане и их роль в мировой безопасности [5].

В 2017 году был продлен «Контракт века» за счет подписания нового соглашения о совместной разработке трех нефтяных месторождений — «Азери», «Чираг» и «Гюнешли» в азербайджанском секторе

Каспийского моря до 2050 года [6]. В администрации подчеркивали лидерство Баку в укреплении европейской энергетической безопасности за счет запущенной в 2018 году азербайджанской инициативы «Южного газового коридора» для поставок газа в Европу [7].

В настоящее время США находятся на втором месте после Великобритании по инвестициям в экономику АР. Их общий объем составил 14 млрд долл., из которых 12,8 млрд пришлось на нефтегазовое направление. Продолжается развитие отношений на других экономических направлениях — в горнодобывающей, нефтехимической, строительной, транспортной, торговой, логистической, телекоммуникационной, сельскохозяйственной, промышленной и туристической отраслях, в области цифровой экономики и сфере услуг. На сегодняшний день в Азербайджане действуют около 260 американских компаний [8].

Хотя Грузия не располагает скольконибудь значительными запасами нефти или газа, Тбилиси рассматривается Вашингтоном, прежде всего, в качестве страны, располагающей альтернативной инфраструктурой для транспортировки энергоносителей в обход России.

В 1990-е и начале 2000-х гг. американо-грузинского экономического сотрудничества практически не было. После обретения независимости Тбилиси во всех сферах экономики страны наблюдались кризисные явления. Участие американцев во внешнеторговом обороте Грузии в этот период составляло не более 8%.

Изменения на данном направлении произошли только после 2003 года, когда в результате «революции роз» в стране к власти пришло ориентированное на Запад руководство во главе с М. Саакашвили, которое смогло обеспечить значительное увеличение

иностранной помощи, в том числе американской, в грузинскую экономику.

Политическое сближение двух стран позволило США снизить главенствующую роль России в Каспийском районе. В первую очередь, американцам удалось добиться этого за счет строительства через грузинскую территорию в 2005 году нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан без участия России для обеспечения поставок энергоресурсов в американских интересах [9].

Тем не менее, добиться эффективного взаимодействия в экономической сфере пока не получилось. Из-за плохого инвестиционного климата и высокого уровня коррупции в стране американский бизнес мало интересуется грузинская экономика.

Несмотря на подписание в 2009 году Хартии стратегического партнерства, которая предусматривала, в том числе, расширение партнерских связей и сотрудничества в сфере экономики, американская поддержка концентрируется, в первую очередь, на финансировании энергетического сектора. Ежегодно осуществляются значительные поставки в республику продовольственных и потребительских товаров для формирования в грузинском обществе лояльного настроя в отношении Запада [10].

Выход на «новый уровень партнерства» и наращивание экономического взаимодействия были обозначены сторонами во время встречи в Вашингтоне Д. Трампа с премьер-министром Грузии Г. Квирикашвили [11] 8 мая 2017 года и в ходе визита 17 ноября 2020 года госсекретаря США М. Помпео в Тбилиси [12]. По итогам этих контактов по линии американского Агентства по международному развитию Грузии было выделено более 64 млн долл. в качестве помощи «на развитие

экономики и поддержку евроатлантического стремления» [13].

Американо-армянские экономические отношения регулируются соглашениями о торговых сношениях от 2 апреля 1992 года, о поощрении инвестиций от 2 апреля 1992 года, о взаимном поощрении и защите инвестиций от 23 сентября 1992 года, о сотрудничестве в сферах торговли и инвестиций от 7 мая 2015 года [14]. Вопросы сотрудничества в области энергетики, торговли и инвестиций обсуждаются в ходе ежегодных заседаний двусторонней рабочей группы по экономическим вопросам (U.S. — Armenia Joint Economic Task Force), а также в рамках совместного армяно-американского совета по торговле и инвестициям (начиная с 2015 года состоялось три встречи совета) [15].

Согласно официальной информации, США получают из Республики Армения (РА) алкогольную продукцию, фруктовые консервы, ковры, бриллианты и другие драгоценные и полудрагоценные камни, металлы, алюминий. Армения импортирует из Соединенных Штатов автомобили, оргтехнику, медицинское оборудование, медикаменты, сотовые телефоны, одежду, мясо [14].

Углублению экономических отношений между двумя странами способствовала отмененная американцами в 2004 году поправка Джексона-Веника, а также предоставляемая с 2006 по 2011 гг. финансовая помощь на осуществление различных социальных и аграрных программ по линии американского фонда «Вызов Тысячелетия» (Millennium Challenge Account). Всего Армении было выделено более 235 млн долл. Благодаря содействию США армяне приняли участие в кредитных и грантовых программах Всемирного банка и Международного валютного фонда, получив от них в качестве помощи около 1 млрд долл.

При администрации Д. Трампа американские вливания в РА, в том числе на развитие экономики, значительно снизились. Так, если в 2017 году армянам выделялось около 26,5 млн долл., то в 2020 году всего лишь 6,75 млн долл., из которых на экономическое развитие предусматривалось только 800 тыс. долл. Во многом это связывают с недовольством американцами проводимой Ереваном внешней политикой и его неготовностью дистанцироваться от России.

При Дж. Байдене прогнозируется снижение интереса американцев к расширению энергетического сотрудничества с закавказским регионом, поскольку новая команда, в отличие от Д. Трампа, который лоббировал интересы нефтяников, позиционирует себя сторонниками «зеленой» энергетики. Однако, разумеется, идти в ущерб национальным интересам американцы не будут, поэтому действующие форматы сотрудничества сохраняются. В частности, в целях укрепления энергетической безопасности США продолжат оказывать политическую поддержку энергетической диверсификации и интеграции Закавказья в мировые рынки энергоносителей, а также содействовать выходу трубопроводов из Каспийского региона на европейские рынки в обход России [16].

Вашингтон продолжит оказывать помощь Грузии, Азербайджану и Армении в целях обеспечения экономического развития, модернизации экономик, проведения реформ, борьбы с коррупцией и создания условий для роста экономической и инвестиционной привлекательности региона.

СОТРУДНИЧЕСТВО США И ЗАКАВКАЗСКИХ СТРАН В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ

Перспективной задачей политики США в Закавказье остается военно-политиче-

ская интеграция трех закавказских республик в НАТО и последующее вытеснение России из региона. Основным инструментом вовлечения закавказских республик в западное «сообщество», по мнению Вашингтона, должен стать именно трансатлантический альянс.

В Белом доме уже продолжительное время фиксируют и соответствующим образом подпитывают заинтересованность Тбилиси в скорейшем вступлении в НАТО. В целом положительные сигналы, но с оговорками, американцы констатируют и от Баку. Неудобной для Вашингтона продолжает оставаться позиция Еревана, который предполагает пока только контакты и сотрудничество с блоком по интересующим армян направлениям.

При участии Пентагона в странах закавказского региона осуществляется реформирование национальных вооруженных сил, систем военного образования и подготовки кадров с целью их приближения к стандартам НАТО. Совместно с американцами регулярно проводятся конференции руководителей военных разведок и начальников Генштабов стран Закавказья, учебно-тренировочные мероприятия по отработке координации взаимодействия вооруженных сил закавказских государств при планировании и проведении антитеррористических и антинаркотических кампаний.

США высоко оценивают вклад закавказских республик в длившуюся с 2001 по 2014 годы контртеррористическую операцию в Афганистане «Несокрушимая свобода», а также пришедшую ей на смену в 2015 году миссию «Решительная поддержка». Все три страны Закавказья на начальном этапе боевых действий направили свои военные контингенты в ИРА в составе Международных сил содействия безопасности. В настоящее время армянский,

азербайджанский и самый большой по численности грузинский контингенты принимают участие в миссии НАТО по обучению и оказанию помощи правительственным силам Афганистана [17, 18, 19].

Американо-грузинское военное сотрудничество началось в конце 1990-х гг. В 2009 году была заключена Хартия стратегического партнерства, в которой, в том числе, предусмотрено наращивание взаимодействия в сферах безопасности и обороны. Углубление такого партнерства было зафиксировано в 2016 году в соответствующем меморандуме. С весны 2018 года стартовала программа по обучению американцами девяти батальонов Сил обороны Грузии. В 2019 году было подписано трехлетнее соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности, направленное на реформирование и улучшение боеспособности грузинской армии [20].

Параллельно между Вашингтоном и Тбилиси идет развитие военно-технического сотрудничества, которое при администрации Д. Трампа стало наращиваться. В 2018 году американцы продали грузинам переносные противотанковые ракетные комплексы «Джавелин», пулеметы M-240 и переносные зенитно-ракетные комплексы «Стингер» [21].

Значительное внимание уделяется подготовке грузинских военнослужащих по натовским стандартам, которое осуществляется в рамках американской «Программы подготовки иностранных военных специалистов». За последние десять лет около 200 граждан Грузии прошли обучение в ведущих военных учебных заведениях Пентагона [22].

В целях «повышения совместимости стандартов оборонных сил Грузии и НАТО, а также подготовки грузинских военных для участия в международных миротворческих операциях» с 2011 года в Грузии

с участием США и стран НАТО проводятся учения «Проворный дух» (Agile Spirit). Ежегодно в них принимают участие не менее 400 американских военнослужащих [23].

В 2020 году США выделили Грузии в качестве финансовой помощи 132 млн долл., из них 42 млн долл. — на военное направление. При этом рост ассигнований на военные расходы по сравнению с 2019 годом составил 5 млн долл. [24].

Американцы дозированно, но последовательно наращивают сотрудничество в военной области с Азербайджанской Республикой, наблюдая при этом видимость паритета взаимодействия на данном направлении с соседней Арменией.

Несмотря на 907-ю поправку «Закона в поддержку свободы» [25], запрещающую Вашингтону оказывать военную помощь Баку как одной из конфликтующих сторон нагорно-карабахского конфликта, американцы находят пути, чтобы ее обойти. В частности, США поставляют АР гражданскую технику двойного назначения, которая впоследствии передельвается азербайджанцами под военные задачи. Речь идет о катерах для береговой охраны, а также гражданских многоцелевых вертолетах Bell-412.

Американцы также участвуют в создании военной инфраструктуры в Азербайджане. Под эгидой Государственного департамента и Пентагона выделяются значительные ассигнования АР в рамках образовательных программ «Иностранное военное финансирование» и «Международное военное образование и подготовка» [26]. Азербайджанские военнослужащие также проходят подготовку в военных учебных заведениях США.

Наряду с участием воинского контингента из АР в составе МССБ в Афганистане, через территорию республики налажен интенсивный транзит грузов для амери-

канских военных. Кроме того, США действуют в Азербайджане в мероприятиях, связанных с вывозом имущества американского контингента МССБ из ИРА.

В период президентства Д. Трампа акцент в сотрудничестве с Баку на военном направлении был сделан на укреплении южной границы АР с Ираном. Это было связано с повышением значимости задачи противодействия Ирану во внешнеполитической повестке Вашингтона. Данная стратегия, в том числе, предусматривала создание современной инфраструктуры, установку систем контроля и слежения, транспортное обеспечение азербайджанских пограничников. Финансирование происходило в рамках программы Пентагона «Укрепление возможностей партнеров» и составило в 2018 и 2019 фин. гг. более 100 млн долл. [27].

В сравнении с Азербайджаном и Грузией американо-армянское военное сотрудничество находится на низком уровне. В первую очередь, это связано с позицией Еревана, который, являясь членом ОДКБ, отдает себе отчет в том, что Россия является его главным военно-стратегическим союзником и, по сути, гарантом существования страны [28].

Тем не менее, Белый дом продолжает попытки углубить взаимодействие в военной области, главным образом, в целях ослабления российского, в том числе военного, влияния в Армении, а также армяно-иранских отношений.

Сотрудничество Еревана и Вашингтона на военном направлении ограничено поддержкой американцами проводимых в стране оборонных реформ в целях повышения боеспособности армии, в первую очередь для участия в миротворческих операциях, обучением военно-медицинских специалистов, саперов, переподготовкой кадров, стажировкой армян в воен-

ных ВУЗах США, организацией тренингов, курсов по подготовке сержантов. Это позволяет армянским контингентам участвовать в коалиционных операциях по поддержанию мира в Афганистане и других странах [29]. Военнослужащие миротворческих подразделений РА под наблюдением американских инструкторов принимают участие в учениях. В ходе них военным прививаются культура и стандарты НАТО.

Несмотря на периодически звучащие от США предложения о покупке американской военной техники (последнее от помощника по нацбезопасности США Дж. Болтона, сделанное в ходе визита в Ереван в октябре 2018 года), ВТС двух стран не развивается. Вооружение РА на 90% состоит из оружия российского производства.

Администрация Д. Трампа активно предпринимала попытки углубить военно-стратегический диалог с Арменией. Данная тема неоднократно затрагивалась в ходе двусторонних встреч [30]. Высокопоставленные представители обеих стран отмечали прочные отношения, активное развитие военного сотрудничества, наличие перспектив для дальнейшего укрепления двусторонних связей и партнерства. Однако в практическом плане дальше слов продвинуться не удалось. Цифры выделяемой американской помощи наглядно демонстрируют, что среди стран Закавказья сотрудничество с Арменией в военной области не является приоритетом для США. Так, в 2018 и 2019 финансовых гг. Еревану на военные нужды было выделено всего 7 млн долл., что более чем в 14 раз меньше, чем Баку [31].

Со времен начала в 1991 году Карабахского конфликта официальный Вашингтон поддерживал усилия по его урегулированию. В 1992 году США стали сопредседателями Минской группы ОБСЕ

по поиску путей мирного урегулирования конфликта. В августе 1993 г. была создана должность специального представителя Государственного секретаря по Нагорному Карабаху и конфликтам в Евразии, которую занял Дж. Коллинз, во внешнеполитическом ведомстве было сформировано соответствующее подразделение [32, 33]. В разные периоды времени Белый дом предлагал различные пути разрешения карабахской проблемы, однако реальных решений благодаря американским инициативам найти так и не удалось. Как отмечает директор Центра исследований Каспийского региона Гарвардского университета Б. Шаффер, Вашингтон не был достаточно настойчив в урегулировании карабахского вопроса. Это было связано, в первую очередь, с тем, что ситуация в регионе не мешала американцам успешно реализовывать энергетические проекты [34].

Администрация Д. Трампа также не удалось предложить жизнеспособные варианты урегулирования обострившегося в 2020 году конфликта. Их инициатива о размещении в Нагорном Карабахе контингента «скандинавских миротворцев», по сути военнослужащих НАТО, не нашла отклика ни у противоборствующих Азербайджана и Армении, ни у посредников, стремящихся прекратить кровопролитие. Во многом бездействие Белого дома было связано с финальной стадией президентской гонки в США. Наряду с этим, нельзя не иметь в виду достаточно сильное влияние армянского, азербайджанского и турецкого лобби в политической жизни Соединенных Штатов. Принятие администрацией позиции либо одних, либо других повлекло бы дополнительные политические издержки для Республиканской партии и действовавшей администрации.

Ожидается, что новое демократическое руководство США сохранит курс на даль-

нейшее вовлечение стран региона в деятельность западных организаций, прежде всего в НАТО. Из уст официальных лиц из Вашингтона в который раз будут звучать заявления о возможном вступлении в перспективе Грузии и других закавказских государств в Североатлантический альянс. Речь также может пойти о создании дополнительной американской и натовской военной инфраструктуры на территории Грузии.

В целях «подгонки» вооруженных сил республик под натовские стандарты при поддержке США продолжится их реформирование, а также подготовка к участию в миротворческих и антитеррористических кампаниях. Американцы будут приветствовать нахождение закавказских воинских контингентов в Афганистане.

По мнению представителей Демпартии США, урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве должно быть приоритетным направлением американской внешней политики в Закавказье. В этой связи демократы еще на этапе президентской кампании Дж. Байдена заявляли, что в случае его избрания Вашингтон в целях увеличения влияния в регионе постарается перехватить у Москвы «ведущую роль» в нагорно-карабахском урегулировании.

ПОЛИТИКА США ПО «ПРОДВИЖЕНИЮ ДЕМОКРАТИИ» В ЗАКАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

В конце 1990-х гг. «продвижение демократии» стало одной из центральных составляющих американской внешней политики в Закавказье. Это связано с тем, что, по мнению американских политстратегов, поддержка демократии не только способствует продвижению фундаментальных американских ценностей, но и помогает создать более безопасную, стабильную и про-

цветающую глобальную арену, на которой Соединенные Штаты могут продвигать свои национальные интересы [35].

Поэтапное распространение демократии «по-американски» в другие страны началось при администрации Б. Клинтона, было продолжено и глобализировано при Дж. Буше-младшем и «поставлено на поток» при Б. Обаме. Данные внешнеполитические подходы были закреплены в обновляемых стратегиях национальной безопасности США, а также ряде законов, например, в «Законе о стратегии Шелкового пути» 1999 года [36].

Именно благодаря содействию проведению демократических реформ и развитию гражданского общества, наряду с активизацией сотрудничества в экономической и военной сферах, американцы смогли расширить свое влияние в регионе. Роль Закавказья во внешнеполитической доктрине США возросла.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в регионе значительно расширилось представительство различных американских неправительственных организаций и фондов, наиболее активную деятельность из которых вели Фонд Сороса, Фонд партнерства, Национальный демократический институт, Международный республиканский университет, «Фридом Хауз» и другие. Вместе с американским бизнесом и военными инструкторами из США решалась задача усиления американского присутствия и оказания воздействия на общественное мнение закавказских республик.

В этот период также наблюдалось существенное увеличение финансирования действующих в Закавказье американских и местных неправительственных акторов, прозападных структур гражданского общества, рост числа демократизаторских программ, а также количества различных образовательных и культурных обменов.

Деятельность НПО на государственном уровне курируют Госдепартамент и Агентство по международному развитию, на местах — американские дипмиссии и представительства АМР. Они распределяют финансовые потоки, реализуют информационные проекты, организуют обучение местных чиновников, участвуют в проведении различных реформ и т. п. Их активность зависит от приоритетности страны для внешнеполитических интересов США и степени лояльности местных властей.

В частности, наибольших успехов в области демократизации стран Закавказья американцы добились в Грузии. В результате «цветной революции» 2003 года к власти в республике пришли проамериканские оппозиционные силы во главе с М. Саакашвили. Тбилиси был объявлен важным партнером Вашингтона и «лучшей демократией региона».

АМР начал свою деятельность в Грузии практически сразу же после обретения ею независимости. За весь период деятельности агентства грузинам была предоставлена помощь на сумму более 1,8 млрд долл. Правительство США ежегодно выделяет около 40 млн долл. на 50 широкомасштабных программ, действующих в республике, и нацеленных на поддержку демократической, рыночной и западной ориентации Грузии [37].

Несмотря на успешное развитие двусторонних экономических отношений, прежде всего в энергетической сфере, демократизаторское направление в АР не получило желаемого в Вашингтоне развития. Азербайджанское общество отказывалось принимать навязываемые западные ценности. На государственном уровне также не наблюдалось сильной поддержки демократических преобразований по американским лекалам, поскольку пришедший на смену И. Алиеву сын Г. Алиев был

вынужден ужесточить режим правления в стране в целях консолидации власти.

В США, хотя периодически и критиковали АР за нарушения в правочеловеческой области, тем не менее, отдавали себе отчет в том, что «перегиб» в этой области может ударить по бизнес-отношениям и сократить в Азербайджане число сторонников сближения с Вашингтоном.

В этих условиях профильные американские структуры и НПО в АР вынуждены действовать аккуратно и дозированно, чтобы не вызвать противодействие со стороны официальных властей. Американцы неоднократно наблюдали жесткие шаги азербайджанской государственной машины, когда осуществлялись аресты оппозиционных активистов, преследовались религиозные деятели, закрывались НПО, например, как это было в 2013 году с «Университетом свободной мысли».

В настоящее время деятельность американцев в Азербайджане направлена на расширение участия гражданского общества в политических процессах и местном самоуправлении с акцентом на повышение роли женщин. Поддержка оказывается различным организациям гражданского общества, журналистам и независимым СМИ. Всего на «нужды демократии» и социально-экономические преобразования в республике по линии АМР за весь период его деятельности в стране было выделено более 350 млн долл.

Эксперты близкого к Демократической партии США «Фонда Карнеги» констатируют, что, несмотря на то что гражданское общество Армении достаточно активно, демократические преобразования в республике практически прекратились [38]. Однако, согласно докладу о переходных демократиях другой авторитетной американской НПО «Фридом Хаус», близкой к Республиканской

партии США, Армения зафиксировала самый высокий двухлетний показатель улучшения демократии из всех постсоветских республик [39].

В последние несколько лет основные усилия США в РА были направлены на создание эффективной и прозрачной системы управления, борьбу с коррупцией и защиту прав человека. В 2015–2020 гг. посольство США в Ереване совместно с «Фондом территориального развития Армении» претворяло в жизнь программу «Деятельность по реформированию местного самоуправления», основной задачей которой была децентрализация власти. В 2019 году на деньги американцев для помощи молодежи в принятии активного участия в местном самоуправлении в РА открыта «Школа местной демократии». Посол США в Армении Л. Трейси в ноябре 2020 года провела встречу с лидером оппозиционной фракции «Просвещенная Армения» Э. Марукяном, на которой подчеркнула, что Соединенные Штаты поддерживают демократические институты и процессы в стране [40]. В текущем году Госдепартамент выделил более 640 тыс. долл. на развитие «культуры демократии» в республике, поддержку усилий гражданского общества.

При администрации Д. Трампа акценты в сотрудничестве с постсоветскими странами были смещены в сторону военного и экономического сотрудничества, «продвижение демократии» отошло на второй план. Финансирование демократизаторских программ было обусловлено гарантиями достижения успеха в каждой конкретной стране. В этой связи поддержка американских и проамериканских местных НПО была значительно ограничена.

Тем не менее, финансовая помощь была продолжена по линии негосударственных фондов. Основное бремя по субсидиро-

ванию политики «продвижения демократии» взял на себя Дж. Сорос, который был категорически не согласен с подходом Д. Трампа и его команды.

Ожидается, что Дж. Байден и его окружение продолжат курс администрации Б. Обамы на постсоветском пространстве с акцентом на борьбу за «демократические ценности» и политику «продвижения демократии». Не исключается рост критики из Белого дома стран Закавказья за правочеловеческие проблемы. В целях «продвижения демократии» будет задействован весь инструментарий «мягкой силы», расширено американское присутствие в закавказском регионе. Речь идет не только об увеличении количества «специалистов по демократии» в американских дипломатических представительствах, но, прежде всего, расширении состава отделений АМР и различных НПО. Предполагается также наращивание поддержки, в том числе финансовой, оппозиционным, феминистским и религиозным группам в целях усиления прозападных сил в странах Закавказья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Расширение влияния в Закавказье остается важным направлением политики США независимо от принадлежности пра-

вящей администрации к Республиканской или Демократической партиям. При Дж. Байдене, который во время президентства Б. Обамы, являясь вице-президентом США, отвечал за постсоветское пространство, данный курс будет продолжен.

Анализ политики США в Закавказье показывает, что Белый дом будет продолжать добиваться дистанцирования республик от Москвы и Тегерана в целях ослабления своих стратегических соперников. Подспудно будут решаться задачи по возвращению в закавказских республиках антироссийских и антииранских элит и формированию прозападных настроений в обществе. Для Вашингтона также будет важно добиться сохранения доступа к каспийским месторождениям природных ресурсов в качестве альтернативного источника энергии и прокладки трубопроводов в обход России. Будет продолжена работа по наращиванию военной инфраструктуры в важных стратегических районах, переводу вооруженных сил стран на натовские стандарты и их вовлечению в западные альянсы в целях расширения зоны влияния НАТО. Также следует ожидать более активное участие Вашингтона в урегулировании замороженных конфликтов в целях сближения с государствами региона и давления на Россию [41].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жильцов С. С., Зонн И. С. США в погоне за Каспием. Москва: Международные отношения; 2009. 193 с.
2. Роберт Секута о сотрудничестве Азербайджана и США. 2017. 14 сентября. — URL: <https://haqqin.az/news/110574> (дата обращения: 06.01.2021).
3. Гасанов А. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Баку: Нешр; 2013. 1008 с.
4. Степушова Л. Принцип Азербайджана: и Восток, и Запад. 2020. 11 июня. URL: <https://www.pravda.ru/world/1504880-Azerbaijan/> (дата обращения: 06.01.2021).
5. Трамп: прочное партнерство США и Азербайджана построено на общих интересах. 2019. 24 мая. URL: <https://az.sputniknews.ru/politics/20190524/420516680/Trump-prochnoe-partnerstvo-SShA-i-Azerbaydzhana>

- [postroeno-na-obschikh-interesakh.html](#). (дата обращения: 07.01.2021).
6. Азербайджан продлил «Контракт века» еще на 25 лет. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41264960> 2017. 14 сентября. (дата обращения: 07.01.2021).
  7. Угроза из Баку: насколько опасен новый газопровод для «Газпрома». 2018. 29 мая. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/05/2018/5b0d2a389a79472bcb56ab94> (дата обращения: 07.01.2021).
  8. Джанашвили Э. Свыше 90% инвестиций США в Азербайджан приходится на нефтегазовую отрасль. 2020. 22 мая. URL: <https://www.trend.az/business/energy/3244044.html> (дата обращения: 07.01.2021).
  9. Данилин И.В., Павлинова Н.В. Современные реалии и перспективы трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2006;1:90.
  10. Премьер Грузии в США: встреча с Трампом и новый уровень партнерства. 2017. 11 мая. URL: <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20170511/235948518/Premier-Gruzii-v-SShA-vstrecha-s-Trampom-i-novyj-uroven-partnerstva.html> (дата обращения: 07.01.2021).
  11. Хачидзе Н. Визит дяди: госсекретарь США вспомнил про грузинских «партнеров». 2020. 19 ноября. URL: <https://iz.ru/1089279/nino-khachidze/vizit-diadi-gossekreter-ssha-vspomnil-pro-gruzinskikh-partnerov> (дата обращения: 07.01.2021).
  12. Трамп: прочное партнерство США и Азербайджана построено на общих интересах. 2019. 24 мая. URL: <https://az.sputniknews.ru/politics/20190524/420516680/Tramp-prochnoe-partnerstvo-SShA-i-Azerbaydzhana-postroeno-na-obschikh-interesakh.html> (дата обращения: 07.01.2021).
  13. США выделяют Грузии более \$64 млн на помощь экономике. 2020. 24 апреля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8332393> (дата обращения: 07.01.2021).
  14. Двусторонние отношения Соединенные Штаты Америки. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/us> (дата обращения: 08.01.2021).
  15. Состоялось онлайн-заседание совместного армяно-американского совета по торговле и инвестициям. 2020. 16 сентября. URL: <https://armeniatoday.news/ru/экономика/169231/> (дата обращения: 09.01.2021).
  16. Гегелашвили Н.А. Политика администраций Б. Обамы и Д. Трампа на Южном Кавказе: сравнительный анализ. Barack Obama's and Donald Trump's Intended Policies toward the South Caucasus: a Comparative Analysis. 2019. 30 мая. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760005280-5-1/> (дата обращения: 09.01.2021).
  17. Армения продолжит участие в миссии НАТО "Решительная поддержка". 2018. 20 декабря. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5934903> (дата обращения: 09.01.2021).
  18. Грузинские миротворцы отправились в Афганистан. 2021. 7 января. URL: <https://www.trend.az/scaucasus/georgia/3360649.html> (дата обращения: 09.01.2021).
  19. Азербайджан увеличил свой контингент в Афганистане по просьбе США. 2018. 10 января. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/314902/> (дата обращения: 09.01.2021).
  20. Грузия и США подписали трехлетнее соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности. 2019. 22 ноября. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7181409> (дата обращения: 09.01.2021).
  21. США предоставят Грузии противозвушные системы Stinger. 2018. 21 июня. URL: <https://sputnik-georgia.ru/politics/20180621/240958695/SShA-predostavjat-Gruzii-protivovozdushnye-sistemy-Stinger.html> (дата обращения: 09.01.2021).

22. Дождев В. Сотрудничество Грузии и США в сфере подготовки военных кадров. *Зарубежное военное обозрение*. 2019;5:34-37
23. Международные учения Agile Spirit 2019 закончились в Грузии. 2019. 10 августа. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/338930/> (дата обращения: 09.01.2021).
24. Финансовая помощь США Грузии достигла рекордного уровня. 2019. 25 декабря. URL: <https://www.golosameriki.com/a/georgia-aid-us-defence-budget/5219693.html> (дата обращения: 09.01.2021).
25. Саркисян С. «Акт о поддержке свободы», 907-я резолюция. 2017. 25 апреля. URL: http://www.noravank.am/ru/articles/detail.php?ELEMENT_ID=15666 (дата обращения: 10.01.2021).
26. США развивают военные отношения со странами Каспия. 2019. 6 марта. URL: <http://casp-geo.ru/ssha/> (дата обращения: 10.01.2021).
27. Военная помощь США Азербайджану и армяно-американская повестка. 2019. 22 июля. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/213706610> (дата обращения: 10.01.2021).
28. Худянян А. Армении без России не будет. 2020. 7 апреля. URL: <https://www.politnavigator.net/armenii-bez-rossii-ne-budet-arutyun-khudanyan.html> (дата обращения: 10.01.2021).
29. Пентагон: армяно-американское военное сотрудничество активно развивается. 2020. 31 января. URL: <https://www.aravot.ru.am/2020/01/31/320855/> (дата обращения: 10.01.2021).
30. Российско-армянское информационное агентство США обсуждают с Арменией военно-техническое сотрудничество. 2019. 7 мая. URL: <https://rusarminfo.ru/2019/05/07/ssha-obsuzhdayut-s-armeniej-voenno-texnicheskoe-sotrudnichestvo/> (дата обращения: 10.01.2021).
31. Галстян А. Усилится ли военное сотрудничество США и Армении? 2013. 13 февраля. URL: <https://yerkramas.org/article/51916/usilitsya-li-voennoe-sotrudnichestvo-ssha-i-armenii> (дата обращения: 11.01.2021).
32. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/22657> (дата обращения: 11.01.2021).
33. Абаринов В. Специалист по России. Воспоминания американского дипломата. 2002. 19 июня. URL: <https://www.svoboda.org/a/24197127.html> (дата обращения: 11.01.2021).
34. Шаффер Б. США и карабахский конфликт. 2004. 29 сентября. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth/newsid_3548000/3548360.stm (дата обращения: 11.01.2021).
35. Democracy // U.S. Department of State Archive. URL: <https://2001-2009.state.gov/g/drl/democracy/index.htm> (дата обращения: 11.01.2021).
36. Silk Road Strategy Act of 1999. URL: <https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/1152> (дата обращения: 11.01.2021).
37. Europe and EuroAsia. URL: <https://www.usaid.gov/where-we-work/europe-and-eurasia> (дата обращения: 12.01.2021).
38. Политика США на Южном Кавказе: Армения, Грузия и Азербайджан. URL: https://carnegie.ru/2018/02/13/ru-pub-75514#_edn27 (дата обращения: 12.01.2021).
39. Mejlumyan A. Nations In Transit 2020 Armenia. URL: <https://freedomhouse.org/country/armenia/nations-transit/2020> (дата обращения: 12.01.2021).
40. Посол США в Армении встретилась с оппозиционером и поддержала демократию. 2020. 18 ноября. URL: <https://lenta.ru/news/2020/11/18/usausa/> (дата обращения: 17.01.2021).
41. У демократов США собственные планы на Карабах — Байден грозит вмешательством. 2020. 29 октября. URL: <https://news-front.info/2020/10/29/u-demokratov->

[ssha-sobstvennyye-plany-na-karabah-bajden-](#)

[grozitsya-vmeshatelstvom/](#) (дата обращения: 13.01.2021).

REFERENCES:

- Zhiltsov S.S., Zonn I.S. USA in pursuit of the Caspian Sea. Moscow: International relations; 2009.193 p. (In Russ.).
- Robert Sekuta on cooperation between Azerbaijan and the United States. 2017. 14 September. URL: <https://haqqin.az/news/110574> [Accessed: 06.01.2021] (In Russ.).
- Hasanov A. Modern international relations and foreign policy of Azerbaijan. Baku: Neshr; 2013.1008 p. (In Russ.).
- Stepushova L. The principle of Azerbaijan: both East and West. 2020.11 June. URL: <https://www.pravda.ru/world/1504880-Azerbaijan/> [Accessed: 06.01.2021] (In Russ.).
- Trump: A strong partnership between the United States and Azerbaijan is built on common interests. 2019. 24 May. URL: <https://az.sputniknews.ru/politics/20190524/420516680/Tramp-prochnoe-partnerstvo-SShA-i-Azerbay-dzhana-postroeno-na-obschikh-interesakh.html> [Accessed: 07.01.2021] (In Russ.).
- Azerbaijan has extended the “Contract of the Century” for another 25 years. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41264960>. 2017. 14 September [Accessed: 07.01.2021] (In Russ.).
- Threat from Baku: how dangerous the new gas pipeline is for Gazprom. 2018.29 May. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/05/2018/5b0d2a389a79472bcb56ab94> [Accessed: 07.01.2021] (In Russ.).
- Janashvili E. Over 90% of US investments in Azerbaijan are in the oil and gas industry. 2020.22 May. URL: <https://www.trend.az/business/energy/3244044.html> [Accessed: 07.01.2021] (In Russ.).
- Danilin I.V., Pavlinova N.V. Modern realities and prospects of the Baku-Tbilisi-Ceyhan pipeline. *Mineral resources of Russia. Economics and Management*. 2006;1:90. (In Russ.).
- Georgian Prime Minister in the United States: Meeting with Trump and a New Level of Partnership. 2017.11 May. URL: <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20170511/235948518/Premer-Gruzii-v-SShA-vstrecha-s-Trampom-i-novyj-uroven-partnerstva.html> [Accessed: 07.01.2021] (In Russ.).
- Khachidze N. Uncle’s visit: the US Secretary of State remembered about the Georgian “partners”. 2020.19 November. URL: <https://iz.ru/1089279/nino-khachidze/vizit-diadi-gossekretar-ssha-vspomnil-pro-gruzinskikh-partnerov> [Accessed: 07.01.2021] (In Russ.).
- Trump: A strong partnership between the United States and Azerbaijan is built on common interests. 2019. 24 May. URL: <https://az.sputniknews.ru/politics/20190524/420516680/Tramp-prochnoe-partnerstvo-SShA-i-Azerbay-dzhana-postroeno-na-obschikh-interesakh.html> [Accessed: 07.01.2021] (In Russ.).
- The United States will allocate more than \$ 64 million to Georgia to help the economy. 2020. 24 April. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8332393> [Accessed: 07.01.2021] (In Russ.).
- Bilateral relations United States of America. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/us> [Accessed: 08.01.2021] (In Russ.).
- An online meeting of the joint Armenian-American Trade and Investment Council was held. 2020. 16 September. URL: <https://armeniato-day.news/ru/economics/169231/> [Accessed: 09.01.2021] (In Russ.).
- Gegelashvili N.A. Barack Obama’s and Donald Trump’s Intended Policies toward the South Caucasus: a Comparative Analysis. 2019. 30 мая. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760005280-5-1/> [Accessed: 09.01.2021] (In Russ.).

17. Armenia will continue to participate in the Resolute Support NATO mission. 2018. 20 December. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5934903> [Accessed: 09.01.2021] (In Russ.).
18. Georgian peacekeepers went to Afghanistan. 2021. 7 January. URL: <https://www.trend.az/scaucasus/georgia/3360649.html> [Accessed: 09.01.2021] (In Russ.).
19. Azerbaijan has increased its contingent in Afghanistan at the request of the United States. 2018. 10 January. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/314902/> [Accessed: 09.01.2021] (In Russ.).
20. Georgia and the United States signed a three-year security cooperation agreement. 2019. 22 November. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7181409> [Accessed: 09.01.2021] (In Russ.).
21. The USA will provide Georgia with Stinger anti-aircraft systems. 2018.21 June. URL: <https://sputnik-georgia.ru/politics/20180621/240958695/SShA-predostavjat-Gruzii-protivovozdushnye-sistemy-Stinger.html> [Accessed: 09.01.2021] (In Russ.).
22. Dozhdev V. Cooperation between Georgia and the United States in the field of training military personnel. *Foreign military review*. 2019;5:34-37 (In Russ.).
23. The international exercises Agile Spirit 2019 ended in Georgia. 2019. 10 August. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/338930/> [Accessed: 09.01.2021] (In Russ.).
24. US financial assistance to Georgia has reached record levels. 2019. 25 December. URL: <https://www.golosameriki.com/a/georgia-aid-us-defence-budget/5219693.html> [Accessed: 09.01.2021] (In Russ.).
25. S. Sargsyan “Freedom Support Act”, Resolution 907. 2017. 25 April. URL: http://www.noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID=15666 [Access: 10.01.2021] (In Russ.).
26. The United States is developing military relations with the Caspian countries. 2019. 6 March. URL: <http://casp-geo.ru/ssha/> [Accessed: 10.01.2021] (In Russ.).
27. US military aid to Azerbaijan and the Armenian-American agenda. 2019. 22 July. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/213706610> [Accessed: 10.01.2021] (In Russ.).
28. Khudanyan A. Armenia will not exist without Russia. 2020. 7 April. URL: <https://www.politnavigator.net/armenii-bez-rossii-ne-budet-aryun-khudanyan.html> [Accessed: 10.01.2021] (In Russ.).
29. Pentagon: Armenian-American military cooperation is actively developing. 2020. 31 January. URL: <https://www.aravot.ru.am/2020/01/31/320855/> [Access: 10.01.2021] (In Russ.).
30. The Russian-Armenian US news agency is discussing military-technical cooperation with Armenia. 2019. 7 May. URL: <https://rusarminfo.ru/2019/05/07/ssha-obsuzhdayut-s-armeniej-voenno-texnicheskoe-sotrudnichestvo/> [Accessed: 10.01.2021] (In Russ.).
31. Galstyan A. Will the military cooperation between the US and Armenia intensify? 2013. 13 February. URL: <https://yerkramas.org/article/51916/usilitsya-li-voennoe-sotrudnichestvo-ssha-i-armenii> [Accessed: 11.01.2021] (In Russ.).
32. US Policy in Post-Soviet Central Asia: Character and Prospects. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/22657> [Accessed: 11.01.2021] (In Russ.).
33. Abarinov V. Specialist in Russia. Memoirs of an American Diplomat. 2002. 19 June. URL: <https://www.svoboda.org/a/24197127.html> [Accessed: 11.01.2021] (In Russ.).
34. Shaffer B. USA and the Karabakh conflict. 2004.29 September. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth/newsid_3548000/3548360.stm [Accessed: 11.01.2021].

35. Democracy // U.S. Department of State Archive. URL: <https://2001-2009.state.gov/g/drl/democ/index.htm> [Accessed: 11.01.2021].
36. Silk Road Strategy Act of 1999. URL: <https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/1152> [Accessed: 11.01.2021].
37. Europe and EuroAsia. URL: <https://www.usaid.gov/where-we-work/europe-and-eurasia> [Accessed: 12.01.2021].
38. US Policy in the South Caucasus: Armenia, Georgia and Azerbaijan. URL: https://carnegie.ru/2018/02/13/ru-pub-75514#_edn27 [Accessed: 12.01.2021] (In Russ.).
39. Mejlumyan A. Nations In Transit 2020 Armenia. URL: [try/armenia/nations-transit/2020](https://freedomhouse.org/coun-try/armenia/nations-transit/2020) [Accessed: 01.12.2021].
40. The US Ambassador to Armenia met with the opposition leader and supported democracy. 2020.18 November. URL: <https://lenta.ru/news/2020/11/18/usausa/> [Accessed: 17.01.2021] (In Russ.).
41. The US Democrats have their own plans for Karabakh — Biden threatens to interfere. 2020. 29 October. URL: <https://news-front.info/2020/10/29/u-demokratov-ssha-sobstvennye-plany-na-karabah-bajden-grozitsya-vmeshatelstvom/> [Accessed: 13.01.2021] (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Владимир А. Пономарев, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия; 119200, Россия, Москва, Смоленская-Сенная пл., д. 32/34;
vaponomarev2017@mail.ru

Vladimir A. Ponomarev, Foreign Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 32/34, Smolenskaya-Sennaya sq., Moscow, 119200, Russia;
vaponomarev2017@mail.ru

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-99-112>

Влияние пандемии коронавируса на китайско-американские отношения

Чжао Цзе

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
veraava_zhao@163.com*

Аннотация: Статья посвящена влиянию пандемии коронавируса (COVID-19) на китайско-американские отношения. Дана характеристика китайско-американских отношений до эпидемии коронавируса и после ее начала. Особое внимание уделено продолжению торговой войны между КНР и США, а также развитием информационной войны, вызванной политизацией эпидемии. Рассмотрены причины ухудшения китайско-американских отношений под влиянием коронавируса. Автор выделил следующие факторы: опасение со стороны США о переходе мирового экономического и политического лидерства от Вашингтона к Пекину; разногласие между Китаем и США по поводу противоэпидемического в рамках многостороннего сотрудничества; проблемы, вызванные объективно ускоренными изменениями мирового порядка. Сделан вывод о том, что эпидемия играет ограниченную роль в ухудшении экономических и политических отношений между Китаем и США. Фундаментальной причиной остается расхождение между односторонним подходом, за который выступают США, и многосторонностью, к которой призывает Китай.

Ключевые слова: COVID-19, китайско-американские отношения, торговая война, информационная война, мировой порядок

Для цитирования: Чжао Цзе. Влияние пандемии коронавируса на китайско-американские отношения. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):99-112. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-99-112>

Статья поступила: 23.01.2021

Принята в печать: 07.02.2021

Опубликована: 27.03.2021

Impact of the Coronavirus Pandemic on Sino-US Relations

Zhao Jie

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia,
veraava_zhao@163.com*

Abstract: This article focuses on the impact of the pandemic coronavirus (COVID-19) on Sino-US relations. It describes Sino-US relations before and after the outbreak of the coronavirus pandemic. Particular attention is paid to the ongoing trade war between the PRC and the US, as well as the development of the information war caused by the politicization of the epidemic. The reasons for the deterioration of Sino-US relations under the influence of the coronavirus are considered. The author highlighted the following factors: US fears about the transition of world economic and political leadership from Washington to Beijing; the disagreement between China and the United States over the anti-epidemic in the framework of multilateral cooperation; problems caused by objectively accelerated changes in the world order. It is concluded that the epidemic plays a limited role in the deterioration of economic and political relations between China and the US. The fundamental reason remains the discrepancy between the unilateralism advocated by the US and multilateralism called for by China.

Keywords: COVID-19, Sino-US relations, trade war, information war, world order

For citation: Zhao Jie. Impact of the coronavirus pandemic on Sino-US relations. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):99-112. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-99-112>

Received: 23.01.2021

Revised: 07.02.2021

Published: 27.03.2021

ВВЕДЕНИЕ

Китайско-американские отношения после окончания холодной войны можно были охарактеризованы как сосуществование: от сотрудничества к конкуренции. При этом конкуренция между двух странами фокусировалась только на отдельных аспектах геополитической и геоэкономической области. С момента прихода к власти администрации Трампа в 2017 году китайско-американские отношения перешли от модели сосуществования сотрудничества и конкуренции к модели абсолютного конкурентного доминирования. Стратегическое взаимодоверие двух стран было подорвано по мере продвижения «общегосударственной стратегии в отношении с Китаем». США пытались объединить свои усилия и мобилизовать все ресурсы для всесторонней стратегической конкуренции с Китаем. Между двумя странами возникли трения в таких сферах,

как: торговля, финансы, наука и техника, образование и гуманитарный обмен, безопасность, а также в политической сфере. В частности, Соединенные Штаты начали «торговую войну» между двумя сторонами, которая не только привела китайско-американские экономические отношения к ухудшению, но и оказала негативное воздействие на мировой экономический рост и глобальную финансовую стабильность.

15 января 2020 года Китай и США временно устранили напряженность в экономических отношениях между двумя странами, подписав первую фазу торговой сделки. Она предусматривала, что Китай должен нарастить объем закупаемых у США товаров на 200 млрд долл. В обмен на это США согласились вдвое сократить некоторые из тарифов, которые они ввели на китайскую продукцию. В марте 2020 года быстрое распространение эпидемии

коронавируса (COVID-19) привело к сильному падению экономики США. Оно стало наиболее сильным со времен глобального финансового кризиса 2008 года. США начали обвинить Китай в огромном экономическом шоке и социальных конфликтах в США, вызванных эпидемией. За этим последовала дальнейшая конфронтация двух сторон.

ВЛИЯНИЕ ЭПИДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА КИТАЙСКО-АМЕРИАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Вспышка COVID-19 нанесла огромный удар по мировому обществу. С марта 2020 года он быстро перерос в глобальную пандемию, которая затронула все регионы. По состоянию на 26 ноября 2020 г. заразилось более 60 миллионов человек и погибло более миллиона человек [1]. По словам генерального секретаря ООН Антониу Гутерриш, «мы сталкиваемся с глобальным кризисом в области здравоохранения, не похожим ни на один из кризисов за 75-летнюю историю Организации Объединенных Наций, который сеет человеческие страдания, заражает мировую экономику и меняет жизни людей» [2].

Эпидемия не только повлияла на глобальный экономический ландшафт, но и оказала глубокое влияние на китайскую и американскую экономики. Разрыв в экономической мощи между Китаем и Соединенными Штатами еще больше сократился. Преимущества Китая и Соединенных Штатов по сравнению с другими государствами расширились. Согласно прогнозам МВФ, сделанных в начале 2020 года, темпы роста ВВП за год в Китае и США должны были составить 1,9 % и — 4,3 % соответственно [3]. Отношение ВВП Китая к ВВП США соответственно должно было вырасти до более чем 70 %, а доля Китая и США в мировом ВВП увеличиться

с 38,5 % в 2019 году до более 40 % в 2020 году [4]. Это означало, что эпидемия коронавируса делала Китай и Соединенные Штаты более заметными в международной экономической структуре. Одновременно из-за разрыва связей в глобальной производственной цепочке становилось ясно, что развитые страны во главе с США и Китаем сталкиваются с возможностью образования двух параллельных экономических систем.

По мере развития эпидемии росла конфронтация между крупными державами. По сравнению с международным финансовым кризисом, разразившимся в 2008 году, эпидемия 2020 года не способствовала значительному сотрудничеству основных стран. В политической сфере эпидемия привела к взаимным подозрениям между США и Китаем, усиливая взаимные подозрения. Развитие получила расовая дискриминация, взаимное закрытие границ и перехват предметов медицинского назначения, что отражало слияние популистских тенденций и эгоистического национализма [5].

В сфере общественного мнения противопидемические усилия Китая в рамках общенациональной системы были встречены несправедливыми обвинениями со стороны Запада во главе с США. Американские политики утверждали, что Москва и Пекин распространяли в социальных сетях дезинформацию, направленную на подрыв США и Европейского Союза [6]. В этом процессе ООН, «двадцатка», являющиеся основными механизмами глобального управления, продемонстрировали свои недостатки.

Несомненно, кризис изменил глобальную повестку, оказав сильное влияние на международную ситуацию, включая формы экономической глобализации и отношения между крупными державами.

Стивен М. Уолт, профессор международных отношений Гарвардского университета, считал, что COVID-19 ускорит смещение власти и влияния с Запада на Восток [7]. Другие ученые заявляли, что «вспышка коронавируса является одним из самых больших испытаний мирового порядка за последние 70 лет, которая создает огромную нагрузку на правительства отдельных стран, разделяет общества и усугубляет социальное неравенство, побуждает лидеров действовать в одностороннем и национальном масштабе, а не согласованно. Одновременно она продемонстрировала слабость большинства международных организаций и обострила напряженность между Соединенными Штатами и Китаем»[8]. В этом контексте кажется маловероятным, что мир вернется к идее взаимовыгодной глобализации, которая определяла начало XXI века [9]. Эволюция китайско-американских отношений — наиболее очевидный пример воздействия эпидемии коронавируса COVID-19 на международные отношения.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КНР И США

Столкнувшись с последствиями эпидемии, администрация Д. Трампа вместо того, чтобы начать сотрудничество с Китаем, усилило давление на Пекин. В итоге США еще больше усилили стратегическую конкуренцию против Китая в экономической, технологической, геополитической, идеологической и других областях. Эта конфронтация проявлялась в трех основных аспектах: продолжение торговой войны между Китаем и США, политизация эпидемии, дискредитация и углубление противоречия в традиционной политической области.

Считается, что эпидемия усилила торговую войну между Китаем и США. Хотя в действительности, уже с 2018 года Сое-

диненные Штаты выступили с инициативой провоцировать торговые споры с Китаем и оказывать давление. До эпидемии «торговая война» не была эффективной для исправления американо-китайского торгового дисбаланса. Общий внешнеторговый дефицит США в 2018 году установил новый рекорд в истории США [10]. Китайские экспортеры существенно не снизили цены на потерянные товары в США из-за повышения тарифов, практически почти все повышения цен, вызванное тарифами, перешло на долю американских потребителей и компаний-импортеров, что привело к большому убытку [11]. В связи с этим правительство Д. Трампа внесла коррективы. После того, как Китай и Соединенные Штаты достигли первого этапа двустороннего торгового соглашения (15 января 2020 года), экономическое напряжение между двумя странами стало ослабевать. Д.Трампу было необходимо использовать торговое соглашение с Китаем, чтобы успокоить аграрный сектор, интересы которого были ущемлены в «торговой войне», стабилизировать свое положение до выборов и повысить вероятность переизбрания.

Однако стремительно развивающаяся эпидемия коронавируса нарушила поэтапный баланс китайско-американских отношений. В контексте эпидемии Белый дом способствовал «разъединению» своей экономики с Китаем. Влияние глобального кризиса общественного здравоохранения на глобальную цепочку поставок стало важным предложением для политиков США. Была выдвинута идея «разъединения» с целью снижения зависимости США от экономики Китая. В течение долгого времени, торговая модель, основанная на переработке сырья и экспортной сборке, сделала Китай нижним звеном глобальной цепочки создания стоимости. США, опираясь на свои

преимущества в сфере услуг и интеллектуальной собственности, устойчиво занимали первое место в глобальной торговой цепочке. Однако под ударом глобального кризиса экономика в Соединенных Штатах серьезно пострадала. С одной стороны, это подчеркнуло их сильную зависимость от Китая в обрабатывающей промышленности и других областях. С другой стороны, экономическая структура США, в которой доминирует сектор услуг, подвергся сильному давлению со стороны возросшей безработицы, вызванной эпидемией. Это дало основание, чтобы торговый советник Белого дома Питер Наварро заявил, что «чрезмерный аутсорсинг цепочки поставок фармацевтической промышленности США ставит под угрозу национальную безопасность и должен попытаться переместить ее обратно в родину» [12].

В качестве способа вернуть американские компании из Китая администрация США рассматривала вариант оплаты расходов на перенос производства. Об этом заявил экономический советник Белого дома Ларри Кудлоу [13]. В то же время многонациональные корпорации, в том числе компании обрабатывающей

промышленности, заявили о своем намерении вывести часть или все свое производство за пределы Китая [14].

Соединенные Штаты также были намерены уменьшить свою зависимость от биотехнологий и производства лекарств, которые изготавливались в Китае. Для этого они усилили давление на китайские высокотехнологичные компании, такие как Huawei. Президент США Д. Трамп поручил американским федеральным пенсионным фондам отказаться от инвестиций в акции китайских компаний [15].

В этой ситуации товарооборот между Китаем и США стал показывать отрицательную динамику. В таблице 1 показан объем торговли между Китаем и США за три квартала 2020 года. В итоге товарооборот между двумя странами в первые девять месяцев текущего года сократился на 0,6 % и в годовом выражении достиг 401,468 млрд долларов.

По мере распространения эпидемии США политизировали вопрос о источнике пандемии. Между Китаем и США разгорелась острая информационная война [16]. После того, как эпидемия вышла из-под контроля, Белый дом перешел

Таблица 1. Товарооборот между США и Китаем за январь-сентябрь 2020 г. (млрд долл.)

Месяц	Товарооборот за месяц	Нарастающий объем товарооборота	накопленный январь-данный месяц год к году (± %)
Январь-февраль	60,571.8	60,571.8	-20.9
Март	35,099.6	95,741.7	-20.1
Апрель	41,253.7	137,060.4	-15.2
Май	46,546.2	183,618.7	-12.7
Июнь	50,251.6	233,987.2	-9.7
Июль	55,006.7	288,994.1	-6.4
Август	55,306.0	344,300.1	-3.5
Сентябрь	57,167.5	401,467.6	-0.6

* Таблица составлена автором на основе данных Главного таможенного управления КНР. URL: <http://english.customs.gov.cn/statics/report/preliminary.html>

к фабрикации обвинений, чтобы снять с себя ответственность за ненадлежащее противодействие эпидемии. Администрация Д. Трампа назвала новый вирус «китайским вирусом». В ответ, официальный представитель МИД Китая Чжао Лицзянь заявил в социальной сети, что «новую коронавирусную инфекцию в китайский город Ухань могли занести американские военные (во время Всемирных военных игр) и призвал Соединенные Штаты раскрыть всю имеющуюся у них информацию, сообщить обо всех случаях заболевания коронавирусной инфекцией и предоставить объяснения обществу» [17].

В последствии США энергично продвигали тезисы, которые должны были подтвердить китайское происхождение вируса. «Китайский вирус», «утечка из китайской лаборатории», «прикрытие эпидемии в Китае», «требование компенсации от Китая» и «мировая угроза КПК» — эти и другие тезисы распространялись по миру через американские и международные СМИ, контролируемых Соединенными Штатами. Это сказалось на имидже Китая.

Представители США утверждали, что Китай и Россия совместно начали «кампанию дезинформации» против США и Европы. Они требовали, чтобы Китай нес главную ответственность за глобальное распространение эпидемии. Однако скорость, открытость и прозрачность информации Китая о новой эпидемии позволили экспертам ВОЗ заявить, что «комплекс мер Китая по сдерживанию распространения нового коронавируса фактически способствовал снижению динамики распространения вируса» [18]. Кроме этого, администрация Д. Трампа сама положительно оценивала противоэпидемические меры Китая в первые дни вспышки коронавируса, заявив, что Китай «очень профессионально отреагировал на эпидемию» и «все

время делился данными с Соединенными Штатами» [19].

На эту непоследовательность обратила внимание китайская официальная газета «Жэньминь жибао». В ней был дан комментарий, что «политический вирус», основанный на идеологических предрассудках и двойных стандартах, страшнее и опаснее нового коронавируса. Это политическое маневрирование, в котором интрига уклонения от ответственности за неэффективную профилактику и контроль» [20].

По мере того, как эпидемия в стране углублялась и ситуация выходила из-под контроля, США продолжали придерживаться своей стратегии обвинения Китая и требовали от него компенсаций. В Конгрессе США был инициирован законопроект, разрешающий гражданам США и местным органам власти подавать в суд на правительство Китая за якобы введение в заблуждение ВОЗ и распространение глобальной эпидемии. Генеральный прокурор Миссисипи подал в суд на правительство Китая за вспышку коронавируса в Федеральный окружной суд штата Миссисипи [21]. В свою очередь, Д. Трамп заявил на брифинге в Белом доме, что «Соединенные Штаты потребуют от Китая компенсации в сотни миллиардов долларов» [22]. Генеральный прокурор из Южной Каролины надеялся привлечь Китай к ответственности и потребовать компенсации от Китая [23]. В ответ официальный представитель МИД Китая Гэн Шуан отметил, что «Соединенные Штаты должны четко понимать, что их враг — вирус, а не Китай» [24]. Призыв китайской стороны не смог предотвратить возобновление китайско-американской войны общественных мнений в каждой из стран. По данным опроса Harris, более 70 % американцев считали, что «китайское правительство сообщало ложную информацию о ходе

эпидемии и ее последствиях, а 77 % считало китайское правительство ответственным за распространение вируса, причем почти 60 % были уверены, что правительство Китая виновно в большей степени, чем правительство США, в распространении COVID-19 в Америке» [25].

Политизация эпидемии также привела к политической эскалации. Во-первых, между Китаем и США часто проходили дискуссии по вопросам безопасности. США продолжали бросать вызов интересам Китая в Южно-Китайском море и в отношении Тайваня. Увеличилась частота захода через Южно-Китайское море и приближения военных кораблей и самолетов США для разведки против Китая. В направлении Тайваньского пролива в начале февраля 2020 года США приняли Лай Цинде, «вице-президента» Тайваня и кандидата от Демократической прогрессивной партии. Американские военные также отправили самолеты и корабли в круиз вокруг Тайваня.

Во-вторых, Соединенные Штаты пытались вмешаться во внутренние дела Китая. С ноября 2019 года по июнь 2020 года Конгресс США принял так называемый «Закон о защите прав человека и демократии в Гонконге», «Закон о политике и поддержке Тибета», «законопроект о политике в области прав человека, касающийся уйгуров» и «тайбэйский законопроект». С принятием вышеупомянутых законопроектов, США получили возможность усилить вмешательство во внутренние дела Китая. Кроме этого, по инициативе Рубио, сенатора-республиканца США и Боба Менендеса, сенатора-демократа США, законодатели из Австралии, Канады, Германии, Японии, Норвегии, Швеции, Великобритании, США и Европейского парламента создали так называемого «Межпарламентского альянса по Китаю»,

целью которого является создание механизма транснациональной координации и стратегической политики в отношении Китая [26]. Госсекретарь США Майкла Помпео на виртуальном Копенгагенском саммите демократии снова подверг резкой критике называемую им «авторитарную систему» Китая и обвинил Китай в принятии Закона о защите национальной безопасности Гонконгского особого административного района Китайской Народной Республики как нарушения свободы и демократии [27]. Он также призвал так называемые «либеральные демократии присоединиться к Соединенным Штатам в бойкоте Китая. Кроме этого, США одобрили продажу Тайваню оружия» [28]. В ответ на данные действия, наносящие серьезный ущерб интересам Китая, Пекин ввел санкции против американских компаний, которые участвовали в продаже оружия Тайваню, а также против физических и юридических лиц США, которые сыграли важную роль в данном процессе [29].

В-третьих, Соединенные Штаты придавали большое значение геополитическому влиянию эпидемии. Авраам Дания, директор Азиатской программы Международного научного центра, подчеркнул, что «Соединенные Штаты должны осознать «оппортунизм» Китая в постэпидемический период, полагая, что что Китай воспользуется влиянием эпидемии на соответствующие страны для увеличения геополитической экспансии. При этом Вашингтон должен быть более бдительным в отношении действий Пекина и в дальнейшем планировать, как улучшить свои возможности сдерживания безопасности против Китая в постэпидемической среде» [30]. В свою очередь, Джеймс Карафано, заместитель председателя традиционного фонда США, заявил, что «на следующем этапе США могут построить важные

партнерские отношения в индо-тихоокеанском регионе, продвигая рамки «механизма четырёх государств +» для сдерживания и противовеса Китая» [31]. С точки зрения практики политики правительство США стремились усилить давление на Китай в индийском и тихоокеанском регионе с помощью «тихоокеанской инициативы по сдерживанию», с тем чтобы ускорить осуществление «стратегии» [32].

ПРИЧИНЫ УХУДШЕНИЯ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Изменяющаяся роль Китая и США в глобальной политике и неидеальные противоэпидемические результаты привели к резкому снижению лидерства американского государства. В контексте событий 11 сентября и финансового кризиса США сыграли роль «лидера» и сформировали модель: Соединенные Штаты лидируют, Китай – участвует. Данная модель устраивала обе стороны, в которой Вашингтон сохранил свой статус сверхдержавы, а Пекин постепенно приблизился к центру международной арены благодаря активному участию.

Эпидемия коронавируса внесла коррективы. Китай встал на передний план борьбы с эпидемией, взяв на себя инициативу в установлении контроля над распространением эпидемии, первым возобновил работу и наладил производство, предоставив другим странам противоэпидемическую поддержку и гуманитарную помощь.

В политических кругах США появились мнения, обвиняющие Китай в использовании эпидемии для разрушения трансатлантических отношений между США и Европой и одновременно для расширения своего стратегического влияния в Индо-Тихоокеанском регионе. Делались утверждения, что Китай пытается усилить свой контроль над международными организациями, что Китай «больше не скры-

вает» свою борьбу за мировое лидерство с Соединенными Штатами [33]. Бывший помощник госсекретаря США Кэмпбелл сказал, что «эпидемия привела Соединенные Штаты к “суэцкому моменту”» [34]. Данный термин напоминал о периоде 1956 года, когда произошел кризис в Суэцком канале.

Китай и США по-разному относятся к противоэпидемическому сотрудничеству во многосторонних рамках. Односторонний подход США к борьбе с эпидемией — типичное проявление стратегии администрации Д. Трампа «Америка прежде всего». Джон Ли, старший научный сотрудник Гудзоновского института, отметил, что «Соединенным Штатам необходимо признать важность дискурсивного соперничества с Китаем, иначе они проиграют свое соперничество с Китаем. При этом Вашингтону необходимо поддерживать уверенность американских граждан и союзников» [35]. Американские республиканские законодатели, такие как Том Коттон, Марк Рубио, Джош Хоули, Майк Галлахер и Рик Скотт заявляли, что «коммунистический Китай стал врагом Соединенных Штатов, что Китай представляет угрозу выживанию Соединенных Штатов, и что началась «новая холодная война» между США и Китаем» [36].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе исследована эволюция китайско-американского взаимодействия в контексте эпидемии COVID-19. Новая коронавирусная эпидемия оказала негативное влияние на китайско-американские отношения.

Однако влияние эпидемии не стало решающим фактором, поскольку китайско-американские отношения задолго до эпидемии уже вошли в состояние так называемой стратегической конкуренции из-за экономической глобализации.

Основные противоречия между Китаем и США заключаются в том, что Китай защищает свои права и пространство для развития в рамках сложившейся международной системы, а американская сторона стремится сохранить свое глобальное лидерство и гегемонию.

В постэпидемическую эпоху китайско-американских отношений могут разви-

ваться по двух направлениям. Первое предполагает, что Китай и США наладят диалог и установят отношения между существующей международной системой и экономической глобализацией. Второе допускает полномасштабную борьбу и жестокое соперничество друг с другом, что приведет к «новой холодной войне».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Статистика из Worldometer: COVID-19 CORONAVIRUS PANDEMIC. URL: https://www.worldometers.info/coronavirus/?utm_campaign=homeAdvegas1? (дата обращения: 26.11.2020)
2. Antonio Guterres. Secretary-General Remarks on COVID-19: A Call for Solidarity. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_remarks_on_covid-19_english_19_march_2020.pdf (дата обращения: 09.10.2020)
3. World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent / IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> (дата обращения: 26.10.2020)
4. Доля России, Китая и США в мировой экономике. URL: https://zen.yandex.ru/media/show_me_world/dolia-rossii-kitaia-i-ssha-v-mirovoi-ekonomike-5edb8acd75cc013417183211?utm_source=serp (дата обращения: 09.10.2020)
5. Американцев обвинили в перехвате заказанных Германией китайских масок. URL: <https://news.ru/world/ssha-obvinili-v-perehvate-zakazannyh-germaniej-kitajskih-masok/> (дата обращения: 09.10.2020); Luis Chirino. U.S. embargo thwarts Chinese medical aid to Cuba / CGTN America. URL: <https://america.cgtn.com/2020/04/04/u-s-embargo-thwarts-chinese-medical-aid-to-cuba> (дата обращения: 09.10.2020); Priscilla Alvarez and Geneva Sands. FEMA to restrict exports of critical supplies leaving US / CNN. URL: <https://www.cnn.com/2020/04/08/politics/fema-restrict-exports-critical-supplies/index.html> (дата обращения: 09.10.2020); Huaxia. China responds to U.S. rejecting entry of KN95 masks / Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-04/01/c_138938746.htm (дата обращения: 09.10.2020)
6. Jessica Brandt and Torrey Taussig. The Kremlin's disinformation playbook goes to Beijing / The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/05/19/the-kremlins-disinformation-playbook-goes-to-beijing/> (дата обращения: 09.10.2020)
7. John Allen, Nicholas Burns, Laurie Garrett, Richard N. Haass, G. John Ikenberry, Kishore Mahbubani, Shivshankar Menon, Robin Niblett, Joseph S. Nye Jr., Shannon K. O'Neil, Kori Schake, Stephen M. Walt. Analysis: How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic. *Foreignpolicy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> (дата обращения: 09.10.2020)
8. Blackwill, Robert D., and Thomas Wright. The End of World Order and American Foreign Policy. *Council on Foreign Relations*, 01.05.2020. сс.2-3.
9. John Allen, Nicholas Burns, Laurie Garrett, Richard N. Haass, G. John Ikenberry, Kishore Mahbubani, Shivshankar Menon, Robin

- Niblett, Joseph S. Nye Jr., Shannon K. O'Neil, Kori Schake, Stephen M. Walt. Analysis: How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic. *Foreignpolicy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> (дата обращения: 09.10.2020)
10. Joseph E. Stiglitz. The Truth about the Trump Economy /Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/grim-truth-about-trump-economy-by-joseph-e-stiglitz-2020-01?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 09.11.2020)
  11. Mary Amity, Stephen J. Redding and David E. Weinstein. New China Tariffs Increase Costs to U.S. Households / Federal Reserve Bank of New York Liberty Street Economics. URL: <https://libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2019/05/new-china-tariffs-increase-costs-to-us-households.html> (дата обращения: 09.11.2020).
  12. Evie Fordham. Coronavirus crisis shows pharmaceuticals have offshored supply chain, Navarro says. URL: <https://www.foxbusiness.com/markets/coronavirus-supply-peter-navarro-trump> (дата обращения: 09.11.2020)
  13. Jonathan Garber. US will pay for companies to bring supply chains home from China: Kudlow. URL: <https://www.foxbusiness.com/markets/us-pay-bring-china-supply-chains-home-kudlow> (дата обращения: 09.11.2020)
  14. Ana Swanson and Jim Tankersley. Companies may move supply chains out of China, but not necessarily to the U.S. URL: <https://www.nytimes.com/2020/07/22/business/companies-may-move-supply-chains-out-of-china-but-not-necessarily-to-the-us.html> (дата обращения: 09.11.2020); Big multinational companies moving out of China / Lovemoney. URL: <https://www.lovemoney.com/gallerylist/98705/big-multinational-companies-moving-out-of-china> (дата обращения: 09.11.2020)
  15. Blake Burman. Trump orders federal retirement money invested in Chinese equities to be pulled. URL: <https://www.foxbusiness.com/markets/trump-orders-federal-retirement-money-invested-in-chinese-equities-to-be-pulled> (дата обращения: 09.11.2020)
  16. Китай выдворил сотрудников американской газеты за «расистский» заголовок. 2020. 19 февраля. URL: <https://eadiaily.com/ru/news/2020/02/19/kitay-vydvoril-sotrudnikov-amerikanskoy-gazety-za-rasistskiy-zagolovok> (дата обращения: 03.11.2020) URL: <https://twitter.com/zlj517/status/1238111898828066823?s=20> (дата обращения: 09.11.2020)
  17. Эксперты ВОЗ: Противоэпидемические меры Китая доказали свою эффективность. 2020. 26 февраля. URL: <https://rg.ru/2020/02/26/eksperty-voz-protivoepidemiccheskie-mery-kitaiia-dokazali-svoiu-effektivnost.html> (дата обращения: 09.11.2020)
  18. Jennifer Hansler, Curt Merrill and Isaac Yee. The many times Trump has praised China's handling of the coronavirus pandemic. URL: <https://edition.cnn.com/2020/04/21/politics/trump-china-praise-coronavirus-timeline/index.html> (дата обращения: 09.11.2020)
  19. 人民网评：污名化中国的“政治病毒”，无耻且无聊。 URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2020/0318/c223228-31638009.html> (дата обращения: 09.11.2020)
  20. Генпрокурор штата Миссисипи подаст иск против властей Китая из-за пандемии коронавируса. 2020. 22 апреля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8310855> (дата обращения: 09.11.2020)
  21. Remarks by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-33/> (дата обращения: 09.11.2020)
  22. Tim Renaud. Attorney General Alan Wilson is leading several states in a call to investigate China over COVID-19. URL: <https://www.foxnews.com/politics/attorney-general-wilson-leading-states-investigate-china-covid-19> (дата обращения: 09.11.2020)

- counton2.com/news/south-carolina-news/attorney-general-alan-wilson-is-leading-several-states-in-a-call-to-investigate-china-over-covid-19/ (дата обращения: 09.11.2020)
23. 2020年4月30日外交部发言人耿爽主持例行记者会。 URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhsl_673025/t1775247.shtml (дата обращения: 09.11.2020)
24. Minxin Pei. COVID-19 Is Finishing Off the Sino-American Relationship. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-america-relations-after-covid19-pandemic-by-minxin-pei-2020-04?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 09.11.2020)
25. Inter-Parliamentary Alliance on China. URL: <https://ipac.global/> (дата обращения: 09.11.2020)
26. Выступление Государственного секретаря Майкла Помпео на виртуальном Копенгагенском саммите демократии. URL: <https://translations.state.gov/2020/06/19/europe-and-the-china-challenge/> (дата обращения: 15.11.2020)
27. Власти США одобрили продажу Тайваню 18 торпед МК-48 на сумму \$180 млн. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8525181>; США намерены продать Тайваню системы береговой обороны Наргооп на \$2,37 млрд / ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9823165> (дата обращения: 15.11.2020)
28. Очередная пресс-конференция официального представителя МИД Чжао Лицзяня 26 октября 2020 г. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhsl_673025/t1826627.shtml (дата обращения: 09.11.2020)
29. Abraham Denmark, Charles Edel, and Siddharth Mohandas. Same as it ever was:China's pandemic opportunism on its teriphery. URL: <https://warontherocks.com/2020/04/same-as-it-ever-was-chinas-pandemic-opportunism-on-its-periphery/> (дата обращения: 09.11.2020)
30. James Carafano. America's Post-Coronavirus China Syndrome. URL: <https://www.heritage.org/asia/commentary/americas-post-coronavirus-china-syndrome> (дата обращения: 09.11.2020)
31. Jim Inhofe and Jack Reed. The Pacific Deterrence Initiative: Peace Through Strength in the Indo-Pacific. URL: <https://warontherocks.com/2020/05/the-pacific-deterrence-initiative-peace-through-strength-in-the-indo-pacific/>; Mark Esper. US Stands with Its Partners for a Free and Open Indo-Pacific / Straits Times. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/us-stands-with-its-partners-for-a-free-and-open-indo-pacific>; Bradley Bowman and John Hardie. Aligning America's ends and means in the Indo-Pacific / Defense News. URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2020/04/22/aligning-americas-ends-and-means-in-the-indo-pacific/> (дата обращения: 09.11.2020)
32. Hal Brands and Jake Sullivan. China Has Two Paths to Global Domination / Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/05/22/china-superpower-two-paths-global-domination-cold-war/> (дата обращения: 09.11.2020)
33. Kurt M. Campbell and Rush Doshi. The Coronavirus Could Reshape Global Order. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order> (дата обращения: 09.11.2020)
34. John Lee. Combating China's COVID-19 Propaganda Offensive to Undermine the United States on the Global Stage. URL: <https://www.hudson.org/research/15853-combating-china-s-covid-19-propaganda-offensive-to-undermine-the-united-states-on-the-global-stage> (дата обращения: 09.11.2020)
35. Scott Wong. Trump, GOP go all-in on anti-China strategy. URL: <https://thehill.com/homenews/campaign/499270-trump-gop-go-all-in-on-anti-china-strategy> (дата обращения: 09.11.2020)

REFERENCES:

1. Statistics from Worldometer: COVID-19 CORONAVIRUS PANDEMIC. URL: https://www.worldometers.info/coronavirus/?utm_campaign=homeAdvegas1? [Accessed: 26.11.2020]
2. Antonio Guterres. Secretary-General Remarks on COVID-19: A Call for Solidarity. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_remarks_on_covid-19_english_19_march_2020.pdf [Accessed: 09.10.2020]
3. World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> [Accessed: 26.10.2020]
4. More detailed: Share of Russia, China and the US in the global economy. URL: https://zen.yandex.ru/media/show_me_world/dolia-rossii-kitaia-i-ssha-v-mirovoi-ekonomike-5ed-b8acd75cc013417183211?utm_source=serp [Accessed: 09.10.2020]
5. More detailed: Americans accused of intercepting Chinese masks ordered by Germany. URL: <https://news.ru/world/ssha-obvnilii-v-pereh-vate-zakazannyh-germaniej-kitajskih-masok/> [Accessed: 09.10.2020]; Luis Chirino. U.S. embargo thwarts Chinese medical aid to Cuba. URL: <https://america.cgtn.com/2020/04/04/u-s-embargo-thwarts-chinese-medical-aid-to-cuba> [Accessed: 09.10.2020]; Priscilla Alvarez and Geneva Sands. FEMA to restrict exports of critical supplies leaving US. URL: <https://www.cnn.com/2020/04/08/politics/fema-restrict-exports-critical-supplies/index.html> [Accessed: 09.10.2020]; Huaxia. China responds to U.S. rejecting entry of KN95 masks. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-04/01/c_138938746.htm [Accessed: 09.10.2020]
6. Jessica Brandt and Torrey Taussig. The Kremlin's disinformation playbook goes to Beijing. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/05/19/the-kremlins-disinformation-playbook-goes-to-beijing/> [Accessed: 09.10.2020]
7. John Allen, Nicholas Burns, Laurie Garrett, Richard N. Haass, G. John Ikenberry, Kishore Mahbubani, Shivshankar Menon, Robin Niblett, Joseph S. Nye Jr., Shannon K. O'Neil, Kori Schake, Stephen M. Walt. Analysis: How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic. *Foreignpolicy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> [Accessed: 09.10.2020]
8. Blackwill, Robert D., and Thomas Wright. The End of World Order and American Foreign Policy. *Council on Foreign Relations*, 2020;2-3.
9. John Allen, Nicholas Burns, Laurie Garrett, Richard N. Haass, G. John Ikenberry, Kishore Mahbubani, Shivshankar Menon, Robin Niblett, Joseph S. Nye Jr., Shannon K. O'Neil, Kori Schake, Stephen M. Walt. Analysis: How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic. *Foreignpolicy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> [Accessed: 09.10.2020]
10. Joseph E. Stiglitz. The Truth about the Trump Economy. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/grim-truth-about-trump-economy-by-joseph-e-stiglitz-2020-01?barrier=accesspaylog> [Accessed: 09.11.2020]
11. Mary Amity, Stephen J. Redding and David E. Weinstein. New China Tariffs Increase Costs to U.S. Households. URL: <https://libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2019/05/new-china-tariffs-increase-costs-to-us-households.html> [Accessed: 09.11.2020]
12. Evie Fordham. Coronavirus crisis shows pharmaceuticals have offshored supply chain, Navarro says. URL: <https://www.foxbusiness.com/markets/coronavirus-supply-peter-navarro-trump> [Accessed: 09.11.2020]
13. Jonathan Garber. US will pay for companies to bring supply chains home from China: Kudlow. URL: <https://www.foxbusiness.com/markets/>

- [us-pay-bring-china-supply-chains-home-kud-low](#) [Accessed:09.11.2020]
14. More detailed: Ana Swanson and Jim Tankersley. Companies may move supply chains out of China, but not necessarily to the U.S. URL: <https://www.nytimes.com/2020/07/22/business/companies-may-move-supply-chains-out-of-china-but-not-necessarily-to-the-us.html> [Accessed: 09.11.2020]; Big multinational companies moving out of China. URL: <https://www.lovemoney.com/gallerylist/98705/big-multinational-companies-moving-out-of-china> [Accessed:09.11.2020]
  15. Blake Burman. Trump orders federal retirement money invested in Chinese equities to be pulled. URL: <https://www.foxbusiness.com/markets/trump-orders-federal-retirement-money-invested-in-chinese-equities-to-be-pulled> [Accessed:09.11.2020]
  16. China expels US newspaper staff for ‘racist’ headline. 2020. 19 February. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/02/19/kitay-vy-dvoril-sotrudnikov-amerikanskoy-gazety-za-rasistskiy-zagolovok> [Accessed: 03.11.2020] <https://twitter.com/zlj517/status/1238111898828066823?s=20> [Accessed: 09.11.2020]
  17. WHO experts: China’s anti-epidemic measures have proven effective. 2020. 26 February. URL: <https://rg.ru/2020/02/26/eksperty-voz-pro-tivoepidemicheskie-mery-kitaiia-dokazali-svoiu-effektivnost.html> [Accessed: 09.11.2020]
  18. Jennifer Hansler, Curt Merrill and Isaac Yee. The many times Trump has praised China’s handling of the coronavirus pandemic. URL: <https://edition.cnn.com/2020/04/21/politics/trump-china-praise-coronavirus-timeline/index.html> [Accessed: 09.11.2020]
  19. “Political virus” branding China is unconscionable and boring). URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2020/0318/c223228-31638009.html> [Accessed: 09.11.2020] (in Chinese)
  20. Mississippi attorney general to sue Chinese authorities over coronavirus pandemic. 2020. 22 April. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8310855> [Accessed: 09.11.2020]
  21. Remarks by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-33/> [Accessed: 09.11.2020]
  22. Tim Renaud. Attorney General Alan Wilson is leading several states in a call to investigate China over COVID-19. URL: <https://www.counton2.com/news/south-carolina-news/attorney-general-alan-wilson-is-leading-several-states-in-a-call-to-investigate-china-over-covid-19/> [Accessed: 09.11.2020]
  23. More detailed: Another press conference by Foreign Ministry spokesperson Geng Shuang on 30 April 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhsl_673025/t1775247_shtml [Accessed: 09.11.2020] (in Chinese)
  24. Minxin Pei. COVID-19 Is Finishing Off the Sino-American Relationship. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-america-relations-after-covid19-pandemic-by-minxin-pei-2020-04?barrier=accesspaylog> [Accessed: 09.11.2020]
  25. Inter-Parliamentary Alliance on China. URL: <https://ipac.global/> [Accessed: 09.11.2020]
  26. More detailed: Speech by Secretary of State Michael Pompeo at the Virtual Democracy Summit in Copenhagen. URL: <https://translations.state.gov/2020/06/19/europe-and-the-china-challenge/> [Accessed: 15.11.2020]
  27. More detailed: US authorities approve \$180 million sale of 18 MK-48 torpedoes to Taiwan. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8525181>; US intends to sell Harpoon coastal defense systems to Taiwan for \$2.37 billion. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9823165> [Accessed: 15.11.2020]

28. Another press conference by Foreign Ministry spokesperson Zhao Lijian on 26 October 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhsl_673025/t1826627.shtml [Accessed: 09.11.2020]
29. Abraham Denmark, Charles Edel, and Sid-dharth Mohandas. Same as it ever was: China's pandemic opportunism on its teriphery. URL: <https://warontherocks.com/2020/04/same-as-it-ever-was-chinas-pandemic-opportunism-on-its-periphery/> [Accessed: 09.11.2020]
30. James Carafano. America's Post-Coronavirus China Syndrome. URL: <https://www.heritage.org/asia/commentary/americas-post-coronavirus-china-syndrome> [Accessed: 09.11.2020]
31. Jim Inhofe and Jack Reed. The Pacific Deterrence Initiative: Peace Through Strength in the Indo-Pacific. URL: <https://warontherocks.com/2020/05/the-pacific-deterrence-initiative-peace-through-strength-in-the-indo-pacific/>; Mark Esper. US Stands with Its Partners for a Free and Open Indo-Pacific. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/us-stands-with-its-partners-for-a-free-and-open-indo-pacific>; Bradley Bowman and John Hardie. Aligning America's ends and means in the Indo-Pa-
- cific. URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2020/04/22/aligning-americas-ends-and-means-in-the-indo-pacific/> [Accessed: 09.11.2020]
32. Hal Brands and Jake Sullivan. China Has Two Paths to Global Domination. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/05/22/china-superpower-two-paths-global-domination-cold-war/> [Accessed: 09.11.2020]
33. Kurt M. Campbell and Rush Doshi. The Coronavirus Could Reshape Global Order. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order> [Accessed: 09.11.2020]
34. John Lee. Combating China's COVID-19 Propaganda Offensive to Undermine the United States on the Global Stage. URL: <https://www.hudson.org/research/15853-combating-china-s-covid-19-propaganda-offensive-to-undermine-the-united-states-on-the-global-stage> [Accessed: 09.11.2020]
35. Scott Wong. Trump, GOP go all-in on anti-China strategy. URL: <https://thehill.com/home-news/campaign/499270-trump-gop-go-all-in-on-anti-china-strategy> [Accessed: 09.11.2020]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чжао Цзе, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.; veraaa_zhao@163.com

Zhao Jie, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia; veraaa_zhao@163.com

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-113-122>

Транс-тихоокеанское партнерство: история поэтапного развития региональной интеграции в АТР

Ван Цзюньтао, Дарья Е. Любина

Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого,

Санкт-Петербург, Россия,

juntao2013@yandex.ru, lyubina_de@spbstu.ru

Аннотация: Азиатско-Тихоокеанский регион сегодня представляет собой пример глубокой региональной экономической интеграции. Во многом этому способствовало создание Транс-Тихоокеанского Партнерства. Бесспорными преимуществами Транс-Тихоокеанского Партнерства является следующее: открытие рынков для всех стран — членов организации, унификация торговых правил, ликвидация препятствий для финансового сотрудничества, создание благоприятного инвестиционного климата и новых гарантий для защиты среднего и малого бизнеса. Анализ исторических этапов создания и развития регионального объединения такого рода позволяет проследить эволюцию экономических интеграционных процессов и оценить эффективность и привлекательность данного вида интеграции. Изучение специфики зарождения столь крупного интеграционного объединения в Азии представляется интерес с точки зрения поиска новых «точек роста» для интеграционных объединений в Евразийском регионе и в частности на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Транс-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, региональная интеграция

Для цитирования: Цзюньтао Ван, Любина Д. Е. Транс-Тихоокеанское партнерство: история поэтапного развития региональной интеграции в АТР. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):113-122. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-113-122>

Статья поступила: 06.01.2021

Принята в печать: 12.02.2021

Опубликована: 27.03.2021

Trans-Pacific Partnership: History of Gradual Development of Regional Integration in the Asia-Pacific Region

Daria E. Lyubina, Wan Juntao

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia,
lyubina_de@spbstu.ru, juntao2013@yandex.ru*

Abstract: The Asia-Pacific region today represents an example of deep regional economic integration. This was largely facilitated by the creation of the TRANS-Pacific Partnership. The undisputed advantages of the Trans-Pacific Partnership are the following: opening markets to all member countries, unifying trade rules, removing obstacles to financial cooperation, creating a favorable investment climate and new guarantees to protect small and medium-sized businesses. The analysis of historical stages of creation and development of a such kind of regional association allows us to trace the evolution of economic integration processes and assess the effectiveness and attractiveness of this type of integration. The study of the specifics of the origin of such a large integration Association in Asia is of interest from the point of view of searching for new “growth points” for integration associations in the Eurasian region and in particular in the post-Soviet space.

Keywords: Asia-Pacific region, Trans-Pacific Economic Cooperation, regional Integration

For citation: Juntao Wan, Любина Д. Е. Trans-Pacific Partnership: History of Gradual Development of Regional Integration in the Asia-Pacific Region. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):113-122. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-113-122>

Received: 06.01.2021

Revised: 12.02.2021

Published: 27.03.2021

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня мир живет в эпоху глобальной экономики, но в то же время мы видим возвращение геополитики. Рост напряженности между глобальными и региональными акторами, падение цен на нефть, отражаются на всем мире. Более того, мы можем наблюдать, что относительное положение в мировой экономике в настоящее время является одним из важнейших факторов в отношениях между основными геополитическими акторами. Если во времена Холодной войны мы могли видеть военные союзы, то сейчас мы наблюдаем формирование региональных экономических союзов с глобальным охватом. Одним из таких примеров является Транс-Тихоокеанское партнерство (ТТП), которое потенциально способно создать новый уровень коор-

динации между 12 странами вдоль Тихого океана. Это соглашение не только повлияет на торговлю, но и будет направлено на гармонизацию регионального регулирования.

Транс-Тихоокеанское Партнерство (ТТП) (Trans-Pacific Partnership) включает в себя страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Совокупный валовый внутренний продукт стран — членов организации оценивается в 27,5 трлн долларов США и составляет более трети мирового. Задачей объединения является снижения тарифных барьеров, регулирование вопросов интеллектуальной собственности, трудового права, экологии и ряда других. Цель данной статьи заключается в анализе истории возникновения организации

начиная с 2003 года до подписания соглашения о создании организации 4 февраля 2016 года.

Изучение специфики зарождения столь крупного интеграционного объединения в Азии представляется интерес с точки зрения поиска новых «точек роста» для интеграционных объединений в Евразийском регионе и в частности на постсоветском пространстве. В последнее десятилетие стала очевидна тенденция к «формированию интеграционных групп нового типа» [1]. Основными причинами этих процессов являются глобальные тренды, такие как глобализация и интернационализация. По мнению доктора экономических наук Т. В. Ворониной, это «повышает степень открытости национальных экономик, усиливают взаимную зависимость субъектов мирового хозяйства» [1]. Происходящие в мире глобальные процессы не могут не отразиться на государствах Евразийского региона. Опыт различных «геоэкономических альянсов глобального характера», в том числе и ТТП, может быть в отдельных областях использован для повышения конкурентной устойчивости основного интеграционного объединения на постсоветском пространстве — ЕАЭС.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Данная работа базируется на анализе исследовательских работ посвященных вопросам зарождения идеи и создания Транс-Тихоокеанского Партнерства. Также были проанализированы материалы переговоров национальных подразделений стран по вопросу участия в ТТП. Использование хронологического подхода в изучении вопроса позволяет детально проследить этапность формирования регионального интеграционного объединения. Использование описания, анализа

и сопоставления дают возможность детально ознакомиться и оценить вызовы с которыми столкнулись страны — участницы Транс-Тихоокеанского Партнерства.

ОБСУЖДЕНИЕ

Идея о создании Транс-Тихоокеанского Партнерства (Trans-Pacific Partnership) как платформы для экономической интеграции государств, входящих в Азиатско-Тихоокеанский регион, впервые была обнародована в 2003 году в ходе переговоров между Новой Зеландией, Чили и Сингапуром. В 2005 году к обсуждению Транс-Тихоокеанского Партнерства официально присоединился Бруней. Эти четыре страны 3 июня 2005 года подписали договор о создании. Транс-Тихоокеанского Партнерства, в 2006 году он вступил в действие [2].

Главной целью государств — инициаторов Транс-Тихоокеанского Партнерства стала разработка высокоэффективного, целостного и многовекторного соглашения, которое впоследствии могло заложить основу для договора о зоне свободной торговли на Азиатско-Тихоокеанском пространстве (Asia-Pacific Free Trade Agreement) [3].

Транс-Тихоокеанское Партнерство является организацией открытого типа и создает возможности для вступления в нее новых членов. В статье 20.6 соглашения о создании организации говорится, что государства — участники Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, а также и другие государства имеют возможность присоединиться к Транс-Тихоокеанского Партнерства при выполнении определенных требований. Однако далеко не каждое государство может соответствовать всем правилам, предъявляемым к кандидату в члены организации. Одним из важных условий приема в организацию

является обязательное согласие всех членов организации по новой кандидатуре¹.

4 февраля 2008 года Офис Торгового представителя США сделал заявление о том, что Соединенные Штаты Америки готовы принять участие в переговорах с членами Транс-Тихоокеанского Партнерства, намеченных на март того же года. Главной темой переговорного процесса стал вопрос инвестиций и финансовых операций. «Мы рассматриваем данные переговоры как возможность дальнейшего вовлечения США в торговое соглашение глобального уровня. Эта инициатива также позволит Соединенным Штатам принять участие в создании регионального торгового блока, который сейчас складывается в жизненно-важном Азиатско-Тихоокеанском регионе»², — подчеркнула Сьюзан Шваб, торговый представитель США.

Сьюзан Шваб в своем выступлении приводит некоторые данные. Валовой внутренний продукт Азиатско-Тихоокеанского региона в 2008 году составил около 60 % от общемирового, а с 2006 года в наиболее экономически-развитых странах региона валовой внутренний продукт увеличивался в среднем на 5,1 %. Для сравнения с государствами других регионов, их валовой внутренний продукт в среднем составил 3,9 %. Приблизительно 50 % всех внешнеторговых сделок приходится на Азиатско-Тихоокеанский регион. С 1990 года внешнеторговый оборот на Азиатско-Тихоокеанском пространстве увеличился

на 300 %, а инвестиционные потоки более, чем на 400 %³.

Экономические связи между США и Азиатско-Тихоокеанским регионом можно охарактеризовать следующими данными. Суммарный показатель торговли товарами и услугами в 2006 году превысил 2 трлн долларов США, увеличившись более чем вдвое за последние двенадцать лет. Прямые инвестиции США в регион на 2006 год достигли 776 млрд долларов США, в свою очередь страны Азиатско-Тихоокеанского региона инвестировали в экономику Соединенных Штатов 424 млрд долларов США⁴. Государства Азиатско-Тихоокеанского региона, активно заключают торговые соглашения, как между собой, так и с другими внешнеэкономическими партнерами. Эта тенденция является позитивной для США, т.к. она предполагает выгоды коммерческого и стратегического характера. В начале 2008 года действовало около сотни двусторонних и региональных торговых соглашений, в три раза больше, чем в начале 1990-х годов.

22 сентября 2008 года Сьюзан Шваб и представители стран — участниц Транс-Тихоокеанского Партнерства объявили о начале переговоров по вопросу вступления США в эту организацию. Глава американской делегации на переговорах заявила: «Эта инициатива поможет укрепить конкурентоспособность экономики Соединенных Штатов и обеспечить ей стабильный рост и процветание на долгие

¹ Trans-Pacific Strategic Economic Partnership Agreement. Foreign Trade Information System. http://www.sice.oas.org/Trade/CHL_Asia_e/TransPacific_ind_e.asp (14.06.2020)

² United States to Join Sectoral Negotiations with Four Asia-Pacific Countries Will Explore Participation in Broader Strategic Partnership Agreement. 2008. February 4. USTR News. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/TPP/Negotiations/USjoins_inv_serv_e.pdf (05.06.2020)

³ Там же.

⁴ Там же.

годы вперед. Успешная внешняя торговля — залог сильной экономики США — особенно важна сейчас, в столь непростое время для нас... Мы должны быть уверены в том, что внешнеторговые связи США будут расширяться, увеличивая экономический потенциал нашего государства в будущем. Ввиду постепенно возрастающей роли Тихоокеанского региона нам жизненно необходимо тесное экономическое сотрудничество с его странами. Очевидно, что это и должно стать приоритетным направлением для нас»⁵.

Данное высказывание наглядно иллюстрируют глубокую заинтересованность Соединенных Штатов в укреплении своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эта заинтересованность во многом объясняется стремительным взлетом китайской экономики, что заставляет администрацию США предпринимать срочные и решительные меры с тем, чтобы удерживать лидирующие позиции. По словам Кевина Брэди, главы Комитета по торговым связям Постоянной Бюджетной Комиссии США, — «Транс-Тихоокеанское Партнерство, по меньшей мере, призвано положить начало процессу позиционирования Соединенных Штатов в качестве противовеса в АТР» [2].

Важным вопросом для многих аналитиков является постепенно возрастающее влияние Китая в Азии. Пекин стремится к быстрому экономическому развитию в регионе, ему удалось стать важным торговым партнером и кредитором среди стран Юго-Восточной Азии, потеснив ранее господствующих в этом регионе Японию и США.

Политика «наступательного очарования», проводимая правительством Ки-

тайской Народной Республики, завоевала симпатии многих людей в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона. Китай осуществляет свою политику с помощью продуманных дипломатических мер, предоставляя помощь развивающимся странам. Эту политику, по мнению обозревателя Джошуа Курлантзика можно сформулировать следующим образом: «Опасность возвышения Китая состоит в том, что остальные государства будут ориентироваться на него, игнорируя решения Соединенных Штатов» [4].

Это положение имеет реальную действительность. Встречи в рамках АСЕАН+3 (Китай, Япония и Южная Корея) полностью исключают участие США, а влияние Китая на эту организацию возрастает. Китай, Япония и Южная Корея давно обсуждают возможность создания зоны свободной торговли. В свою очередь это положение заставляет Соединенные Штаты проявлять больше инициативы по укреплению своей роли в регионе и является одной из главных причин активизации США по созданию Транс-Тихоокеанского Партнерства. Деятельность этой организации станет значительным противовесом Китаю и сбалансирует распределение экономических благ от ведения торговли между участниками Азиатско-Тихоокеанского региона [5].

Новая Зеландия, Сингапур и Чили полностью поддержали идею вступления США в Транс-Тихоокеанское Партнерство. Свою позицию они обосновали тем, что этот шаг привлечет внимание других государств и поспособствует дальнейшему расширению организации. Многие аналитики выразили похожее мнение о том, что включение США в Транс-Тихоокеанское Партнерство

⁵ Schwab. Statement on launch of the U.S. Negotiations to join the Trans-Pacific Strategic Economic Partnership Agreement. 2008. September 22 // The Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/schwab-statement-launch-us-negotiations-join-trans-pacific-strategic-economic-partnership-agreement> (20.06.2020)

станет своеобразным катализирующим фактором для остальных международных акторов. Если такие прогнозы подтвердятся, то это обеспечит позитивную динамику в отношении создания зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ФТААР).

В Лиме во время проведения сессии АТЭС в ноябре 2008 года, Австралия, Вьетнам и Перу официально выразили заинтересованность в присоединении к переговорному процессу⁶. Премьер-министр Австралии Кевин Радд обратился к Азиатско-Тихоокеанским соседям и призвал их к созданию объединения, в компетенции которого находились бы вопросы, связанные с политическим и экономическим развитием, а также вопросы, затрагивающие безопасность региона и проблемы глобального характера, такие, как например, климатические изменения⁷.

14 ноября 2009 года в Токио Президент США Барак Обама сделал заявление о присоединении своей страны к переговорам, в ходе которых должны быть выработаны все пункты рамочного соглашения

по Транс-Тихоокеанскому Партнерству. Президент США Барак Обама отметил, что «рост числа многосторонних организаций обеспечит безопасность и процветание региона в целом. Я знаю, что Соединенные Штаты были недостаточно вовлечены в их деятельность в последние годы. Давайте ясно обозначим: эти дни прошли. США как часть Азиатско-Тихоокеанского единства будут играть активную роль в формировании будущего этого региона и всецело продвигать интересы структур, в которых они участвуют»⁸.

Первый переговорный раунд состоялся 15-19 марта 2010 года в Мельбурне, в нем участвовали восемь государств: Австралия, Бруней, Вьетнам, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США и Чили⁹. Одиннадцатый раунд проходил 3-9 марта 2012 года¹⁰. За это время Малайзия вошла в состав консультационной группы по Транс-Тихоокеанскому Партнерству¹¹, свое желание подключиться к обсуждению выразили — Канада¹², Мексика¹³, Коста-Рика¹⁴.

Во время проведения форума АТЭС в Голулу 11 ноября 2011 года премьер-ми-

⁶ Ministerial Statement: The Trans Pacific Partnership. Australia to join efforts to promote free trade in the Asia Pacific. 2008. November 26. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/TPP/Negotiations/AUS_tpp_26_11_08_e.pdf (04.06.2020)

⁷ Asia-Pacific Leaders Welcome Obama's Commitment to Trans Pacific Partnership. International Trade Reporter 2009. November 19.

⁸ United States announces intention to engage with the Trans-Pacific Partnership. 2009. November 14. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/TPP/Negotiations/USA_e.pdf (06.06.2020)

⁹ USTR Negotiators Report Successful First Round Of Trans-Pacific Partnership Talks. 2010. June 15. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2010/march/ustr-negotiators-report-successful-first-round-trans> (20.06.2020)

¹⁰ Round 11 of TPP Negotiations Begin in Melbourne, Australia. 2012. March 6. URL: <https://ustr.gov/node/1046> (04.06.2020)

¹¹ Media Release: Malaysia Joins the Trans-Pacific Partnership Agreement Negotiations. 2010. October 10. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42694.pdf> (20.06.2020)

¹² Minister Fast at APEC. 2011. November 14. URL: <http://www.international.gc.ca/commerce/visit-visite/apec2011.aspx?lang=eng&view=d> (18.06.2020)

¹³ Concluye Participación de la Delegación Mexicana en Cumbre de la APEC. 2011. November 15. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/TPP/Negotiations/Mexico_s.pdf (06.06.2020)

¹⁴ Costa Rica explora possible participación en Alianza Trans-Pacífico. 2011. February. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/TPP/Negotiations/CRI_TPP_s.pdf (20.06.2020)

нистр Японии Ёсихико Нода заявил о желании своей страны присоединиться к обсуждению рамочного соглашения по Транс-Тихоокеанскому Партнерству и о готовности приступить к консультациям с США и другими партнерами.

Необходимо проанализировать почему на Транс-Тихоокеанское Партнерство возлагалось столько надежд и ожиданий, а также прояснить ситуацию и выделить отличительные черты этой организации.

Во-первых, Транс-Тихоокеанское Партнерство стремится объединить в себе интересы государств, находящихся в пределах четырех различных регионов Азиатско-Тихоокеанского пространства.

Во-вторых, соглашение, помимо преследования экономических целей, имеет политическую окраску. Это выражается, прежде всего, в стремлении США удерживать свои пошатнувшиеся позиции на западном побережье Тихого океана, а также в попытке придать действиям администрации Президента Барака Обамы более активные действия. Как правило, США заключают преференциальные торговые соглашения со странами, которые не имеют большой значимости для американской экономики, за исключением договора НАФТА. Таким образом, подчеркивается тот факт, что главным движимым фактором для Соединенных Штатов остается предмет международной политики и безопасность, а не коммерческие выгоды. Участие Вашингтона в Транс-Тихоокеанском Экономическом Партнерстве полностью отвечает данной устоявшейся практике. Несмотря на слабо отвечающую экономическим интересам США перспективу участия в соглашении, тем не менее, Транс-Тихоокеанское Партнерство занимает центральное место в вопросе внешнеполитических приоритетов США и яв-

ляется ключевым элементом в процессе «возвращения» в Азию.

В-третьих, Транс-Тихоокеанское Партнерство претендует на роль «соглашения XXI века», предмет которого выходит за рамки обсуждения доступа на международный рынок, но также предусматривает и решение вопросов, связанных с внутренней регуляционной политикой государств, оказывающей значительное влияние на внешнюю торговлю и инвестиционный фон.

Лидеры Транс-Тихоокеанского Партнерства ожидают, что данная организация поможет справиться с противоречиями, вызванными, наличием огромного количества преференциальных торговых соглашений в Азиатско-Тихоокеанском регионе [2].

Азиатско-Тихоокеанский регион занимает лидирующее положение в мире по количеству заключаемых преференциальных торговых соглашений. Если в 2000 году действовало всего лишь одно преференциальное торговое соглашение, то к началу 2009 года правительства стран Восточной Азии заключили 45 преференциальных торговых соглашений, такое же количество находилось на стадии обсуждения. Эти соглашения значительно различаются в зависимости от масштабов предполагаемого сотрудничества и целей.

Однако чрезмерное и быстрое увеличение сделок в регионе оказывает скорее негативный эффект на всеобщую экономическую конъюнктуру, поскольку противоречивость условий и обязательств, вытекающих из договоренностей значительно тормозит и препятствует эффективному развитию торговли и движению инвестиционных потоков. Эта функция Транс-Тихоокеанского Партнерства представляется даже наиболее значимой, чем получение каких-либо краткосрочных экономических выгод. При объявлении о желании

включиться в группу переговорщиков по Транс-Тихоокеанскому Партнерству, министр торговли Австралии Симон Креан сделал акцент на важности слияния двусторонних торговых соглашений и гармонизации правил с целью приведения их в соответствие с политикой многовекторной торговой системы. Действительно, Транс-Тихоокеанское Партнерство — первая серьезная попытка преодолеть данную проблему, в рамках которой предлагается следовать принципу многостороннего регионализма. При этом предлагается расширять уже существующие соглашения, привлекая новых участников или редуцировать их, заменяя на новые с более широким составом членов.

Используя формулировку профессора экономических наук Женевского Института Международных Отношений Ричарда Болдвина, посвятившего много работ проблеме экономических связей в Азиатско-Тихоокеанском регионе: «Транс-Тихоокеанское Партнерство — это эксперимент, цель которого создать систему многовекторного регионализма, при которой все преференциальные соглашения будут унифицированы в соответствии с многосторонними, основанными на универсальных правилах торговыми отношениями в условиях отсутствия какой-либо дискриминации под эгидой ВТО» [6].

В ноябре 2008 года в переговорном процессе к четырем странам инициаторам создания Транс-Тихоокеанского Партнерства добавились Вьетнам, Перу, США. В 2010 году заявили о своем участии в переговорах Колумбия, Филиппины, Малайзия. В 2012 году Канада, Мексика и в 2013 году Япония, Тайвань, Южная Корея приняли участие в обсуждении проекта создания новой организации. С 2010 по 2013 годы было проведено 19 раундов переговоров по согласованию проекта Соглашения

о Транс-Тихоокеанском Экономическому Партнерству.

4 октября 2015 года, в Атланте, в США, была достигнута договоренность по созданию Транс-Тихоокеанского Партнерства. Министры иностранных дел: Австралии, Брунея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, Сингапура, США, Чили, Японии объявили о завершении переговоров. В опубликованном после завершения переговоров общем коммюнике отмечалось: «амбициозное, всеобъемлющее и сбалансированное соглашение, которое будет способствовать экономическому росту, созданию и сохранению рабочих мест, повышению уровня инновационного развития, производительности и конкурентноспособности, повышению уровня жизни, снижению уровня бедности в странах Азиатско-Тихоокеанского бассейна и содействовать повышению транспарентности, уровня управления и защите окружающей среды» [7].

Соглашение о создании Транс-Тихоокеанского Партнерства было подписано 4 февраля 2016 года в Окленде, Новая Зеландия. В связи с подписанием соглашения многие специалисты возлагают большие надежды на тесное и продуктивное сотрудничество в рамках Транс-Тихоокеанского Партнерства. По мнению, экспертов института East-West Center, Транс-Тихоокеанское Партнерство сможет увеличить внутренний валовый продукт стран — членов организации к 2025 году на 285 млрд долларов США, успешное партнерство сделает страны организации богаче на 77 млрд долларов США. Однако есть и другие, менее скромные расчеты, аналитики канадского института C.D. Howe Institute, указывают только на 74 млрд долларов США и произойдет это в 2035 году [2].

Бесспорными преимуществами Транс-Тихоокеанского Партнерства являются следующие. Первое, открытия рынков для всех стран — членов организации. Второе, унификация торговых правил. Третье, ликвидируются препятствия для финансового сотрудничества, создание благоприятного инвестиционного климата. Четвертое, создаются новые гарантии для защиты среднего и малого бизнеса [8].

Транс-Тихоокеанское Партнерство можно представить как некий клуб. Цель ассоциации — создание правил, которые лягут в основу долгосрочных отношений между странами-членами. Наряду с экономическим подтекстом ярко выражен политический аспект и аспект безопасности. Соглашение имеет долгосрочные последствия для Азии, которая после окончания Холодной войны постоянно наращивает темпы взаимозависимости с ведущими странами мировой экономики. Рост Китая привел к глубоким изменениям в структуре мирового производства и создал концепцию «Азиатской фабрики», как ее назвал журнал *The Economist* в 2015 году. Однако экономическая интеграция не привела к политической интеграции стран региона,

за исключением АСЕАН. Однако АСЕАН также строит свою политику на основе экономических отношений и не стремится создавать наднациональный орган принятия политических решений. В то время как Азия является источником надежды для мировой экономики в XXI веке, ряд территориальных споров и вопросов безопасности ограничивает ее развитие еще со времен XIX века. Хотя некоторые из этих споров по своей природе носят внутренний характер, Азия заинтересована наметить общий курс в решении некоторых, казалось бы, неразрешимых проблем региона и не дать им выйти из-под контроля. Страны Азии демонстрируют демократический прогресс, а также большую заинтересованность в расширении открытости экономики (внутренней и внешней). Наконец, в регионе широко распространилось стремление избежать поляризации китайского и американского «центров». Вместо этого Азиатско-Тихоокеанский регион пытается создать институты и привычки сотрудничества, которые позволят всем странам участвовать в решении конкретных проблем безопасности по мере их возникновения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воронина Т.В. ТТП как геэкономический альянс глобального характера: причины и последствия для мировой экономики и РФ. В сборнике: Россия в глобальной экономике: вызовы и институты развития Материалы III Международного политэкономического конгресса и VI Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Под редакцией М. А. Боровской, Ю.М. Осипова, А.В. Бузгалина, А.Ю. Архипова. 2016:374-379.
2. Capling A. And Ravenhill J. Multilateralising regionalism: what role for the Trans-Pacific Partnership Agreement? *The Pacific Review*. 2011;24(5):553-575.
3. Fergusson F., Vaughn B. The Trans-Pacific Strategic Economic Partnership Agreement. 2009. December 7. <http://fpc.state.gov/documents/organization/135949.pdf> (дата обращения: 20.06.2020)
4. Kurlantzick, Joshua. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power. *Carnegie Endowment for International Peace Policy*. 2006;47.
5. Nanto Dick. East Asian Regional Architecture: New Economic and Security Arrangements

and U.S. Policy. CRS Report for Congress. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/75280.pdf> (дата обращения: 18.06.2020)

6. Baldwin, Richard E., Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building

Blocs on the Path to Global Free Trade. *The World Economy*. 2006;29(11):1451-1518.

7. Филоsoфова Т.Г. Транстихоокеанское партнерство: экономика интеграционных процессов. *Мир новой экономики*. 2017;1:46-54.

8. Трошин, М. С. Транстихоокеанское партнерство. *Молодой ученый*. 2018;18(204):371-372.

REFERENCES:

1. Voronina T.V. TPP as a global geo-economic alliance: causes and consequences for the world economy and the Russian Federation. In: Russia in the global economy: challenges and institutions of development Materials of the III International political economy Congress and VI International scientific and practical conference. In 2 volumes. Under the editorship M.A. Borovskoi, Yu.M. Osipova, A.V. Buzgalina, A. Yu. Arkhipova. 2016:374-379. (In Russ.)

2. Capling A. And Ravenhill J. Multilateralising regionalism: what role for the Trans-Pacific Partnership Agreement? *The Pacific Review*. 2011;24(5):553-575.

3. Fergusson F., Vaughn B. The Trans-Pacific Strategic Economic Partnership Agreement. 2009. December 7. <http://fpc.state.gov/documents/organization/135949.pdf> [Accessed: 20.06.2020]

4. Kurlantzick, Joshua. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power. *Carnegie Endowment for International Peace Policy*. 2006;47.

5. Nanto Dick. East Asian Regional Architecture: New Economic and Security Arrangements and U.S. Policy. CRS Report for Congress. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/75280.pdf> [Accessed: 18.06.2020]

6. Baldwin, Richard E., Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade. *The World Economy*. 2006;29(11):1451-1518.

7. Filosofova T.G. Trans-Pacific partnership: Economics of integration processes. *World of the new economy*. 2017;1:46-54. (In Russ.)

8. Troshin, M. S. Trans-Pacific partnership. *Young scientist*. 2018;18(204):371-372. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ван Цзюньтао, Кандидат политических наук, Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия; 195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29. juntao2013@yandex.ru

Дарья Е. Любина, Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия; 195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29.

lyubina_de@spbstu.ru

Wan Juntao, Candidate of Political Science, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia; bld. 29, Polytechnicheskaya, St.Petersburg, 195251, Russia;

juntao2013@yandex.ru

Daria E. Lyubina, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia; bld. 29, Polytechnicheskaya, St.Petersburg, 195251, Russia;

lyubina_de@spbstu.ru

Подходы к межрегиональному сотрудничеству Страны Басков и Каталонии: сравнительный анализ

Антон С. Вильчинский

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

vilchinsky97@inbox.ru

Аннотация: В работе проведен сравнительный анализ приоритетов межрегионального сотрудничества двух испанских регионов: Страны Басков и Каталонии. Исследуются основные стратегические документы, определяющие цели, задачи и направления межрегионального сотрудничества автономий. Дана краткая характеристика факторов, влияющих на формирование принципов межрегиональных связей регионов. Выявлены нормы испанского законодательства, на основании которых Страна Басков и Каталония осуществляют взаимодействие с другими регионами. Особое внимание уделено определению ключевых вопросов партнерства испанских и французских территорий в рамках двух Еврорегионов: Новая Аквитания-Страна Басков-Наварра и Пиренеи-Средиземноморье. Также приведены основные задачи, зафиксированные в Программе председательства Каталонии в межрегиональном объединении «4 мотора для Европы». Кроме того, в работе выявлено влияние, которое имеют 17 Целей Устойчивого Развития ООН в иерархии приоритетов трансграничной деятельности обоих регионов. В результате исследования определены схожие и отличительные черты подходов Страны Басков и Каталонии к межрегиональному сотрудничеству.

Ключевые слова: Страна Басков, Каталония, Испания, Франция, Средиземноморье, Евро-регион, межрегиональное сотрудничество, план трансграничной деятельности, устойчивое развитие

Для цитирования: Вильчинский А.С. Подходы к межрегиональному сотрудничеству Страны Басков и Каталонии: сравнительный анализ. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):123-135. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-123-135>

Статья поступила: 09.01.2021

Принята в печать: 28.01.2021

Опубликована: 27.03.2021

Approaches of the Basque Country and Catalonia to Interregional Cooperation: Comparative Analysis

Anton S. Vilchinskii

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

vilchinskii97@inbox.ru

Abstract: The paper focuses on a comparative analysis of the approaches to interregional cooperation used by two Spanish regions: the Basque Country and Catalonia. The main strategic documents which set the goals, tasks and directions of the autonomous regions in interregional cooperation are considered. Factors that shape the principles of the regions in developing interregional links are described. Spanish legislation which lays foundation for interregional action of the Basque Country and Catalonia is reviewed. Particular attention is paid to the key vectors of partnership between the Spanish and French territories in the framework of two Euroregions: New Aquitaine-Basque Country-Navarre and Pyrenees-Mediterranean. In addition, the main tasks stipulated in the Programme of the Catalan Presidency in the interregional association the Four Motors for Europe are examined. Furthermore, the paper identifies the role of the 17 UN Sustainable Development Goals in the hierarchy of priorities for interregional action in both regions. As a result of the research, similarities and differences in the approaches to interregional cooperation used by the Basque Country and Catalonia are underscored.

Keywords: Basque Country, Catalonia, Spain, France, Mediterranean, Euroregion, interregional cooperation, external action plan, sustainable development

For citation: Vilchinskii A. S. Approaches of the Basque Country and Catalonia to Interregional Cooperation: Comparative Analysis. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):123-135. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-123-135>

Received: 09.01.2021

Revised: 28.01.2021

Published: 27.03.2021

INTRODUCTION

The conceptual framework with regard to cooperation at the regional level was defined by the Council of Europe at the ninth session of the Congress of Local and Regional Authorities held in 2002. The report “Promoting transfrontier cooperation: an important factor of democratic stability in Europe” [1] sets the difference between the two following terms: “cross-border” cooperation and “interregional” cooperation. The document stipulates that “cross-border

cooperation” means partnership between the authorities of regions that share a common land or sea border (for example, the Basque Euroregion New Aquitaine-Basque Country-Navarre). Whereas “interregional cooperation” is defined as interaction of the authorities of regions that do not have a common border (for example, the Four Motors for Europe, the network which includes Catalonia, Baden-Württemberg, Lombardy and Auvergne-Rhone-Alpes) [1].

The beginning of a new era in the interregional actions of the Spanish regions dates back to the death of Francisco Franco, who was in power in Spain from 1939 to 1975. As a part of Spanish democratic transition, a shift from an authoritarian to a democratic political system, a number of regions got their autonomous status back. The statutes of autonomy determined the framework of relations between the regions and the center. The documents set the level of authority for regional governments. The Basque Country and Catalonia alike worked out their Statutes of Autonomy in 1979 [2].

The agreement of 1979 [2] granted the Basque regional government the right to develop interregional relations in the way that does not contradict the foreign policy of Spain. Moreover, institutions of the Basque Country do not have the authority to act as subjects of international law – “to carry out diplomatic activities or sign treaties on their own behalf”, thereby encroaching on the exclusive competence of the Spanish Kingdom in the foreign policy [2].

The Catalan government, as its Statute of 1979 [3] envisages, enjoys the right to develop interregional relations with a similar set of limitations. The Statute emphasizes that external actions “must not under any circumstances constitute an assignment of competencies possessed by the subjects of international law” [3]. Catalonia does not have the authority to open diplomatic missions abroad and sign treaties in which it acts as an independent subject of international law.

GEOGRAPHICAL PRIORITIES OF THE BASQUE COUNTRY INTERREGIONAL COOPERATION

The External Action Plan [4] is the document that sets the main directions of interregional cooperation of the Basque Country. Interaction with the European regions tops the list of priorities for the Spanish auto-

my. The coordinating body responsible for the implementation of the tasks envisaged in the document is the Agency for Interregional Relations. The External Action Plan for 2018-2020 [4] emphasizes that the United Kingdom, Germany and France are “traditional partners of the Basque Country”, with which the latter has “extensive trade ties” [4]. The “partner regions” are Wales, Scotland, Bavaria and New Aquitaine. The main spheres of cooperation are science, business, culture and tourism. The participation of the Basque representatives in the interregional decision-making bodies, for example, in the EU Committee of Regions, is “an important area of institutional partnership with the European Union” [4]. The document pays special attention to relations within the Euroregion New Aquitaine-Basque Country-Navarre, which is characterized as a “key geographical priority” [4]. This Euroregion includes three areas inhabited by the Basque people: two Spanish (the Basque Country and Navarre) and one French (New Aquitaine).

Two major factors that shape the priorities of the Basque Country in its strategy of interregional relations are: geographical proximity (The Euroregion New Aquitaine-Basque Country-Navarre) and a strong feeling of national identity embedded in the population of the regions (Wales, Scotland, Bavaria).

In Latin America such regions as Queretaro (Mexico) and Cundinamarca (Colombia) are declared the most important partners. The External Action Plan 2018-2020 underscores that these areas have “potential for growth”, hence there are “prospects for enhanced business, academic and cultural ties, as well as joint projects in various fields” with the above mentioned territories [4].

In Asia the priority countries are Japan, China and India. The Plan emphasizes that the Japanese regions are “a reference point for best practices in innovative development,

gastronomy and culture” [4]. For its part China has “great investment potential combined with the size of the domestic market”. In particular, the Basque document characterizes relations with the Chinese province of Jiangsu as a “strategic alliance”. With regard to India, the Plan states that the regions of this country are “future potential partners of the Basques” [4].

GEOGRAPHICAL PRIORITIES OF CATALAN INTERREGIONAL COOPERATION

The white paper Europe Plan [5] sets the major tasks of the Catalan interregional strategy. In particular, the document defines the key priorities of the autonomy in the European direction. A specialized executive body in the field of interregional cooperation is the Ministry for Foreign Action, Institutional Relations and Transparency [6].

The main priority for Catalonia is the European Union, the same as for the Basque Country. The autonomy seeks to participate in various interregional formats. Barcelona, where the Secretariat of the Union for the Mediterranean is located, possesses the status of the “capital of the Euro-Mediterranean” [7]. It enables Catalonia to have a say in setting the agenda for expanding ties between the regions of the 42 states that make up the Union. The most important direction of cross-border cooperation for Catalonia is enhancing the partnership within the Euroregion Pyrenees-Mediterranean, in which Catalonia, the Balearic Islands and the French region of Occitania interact.

In Asia, similar to the Basque Country, Catalonia proclaims Japan, India and China as priority partners. The Catalan government pays a great deal of attention to the rapidly developing Asian economies, as well as to such giants as India and China due to the fact that “the Indians and the Chinese reside in Catalonia” [6].

In Latin America the Catalan government fosters links with countries that “share histor-

ical and cultural ties with Catalonia”, along with those states that are “major centers of residence for Catalan immigrants”: Argentina, Uruguay and Mexico [6].

In addition, special importance is attached to relations with the governments of the autonomous regions where local population has a strong feeling of national identity: Flanders and Quebec.

PRIORITY FUNCTIONAL AREAS OF THE BASQUE COUNTRY INTERREGIONAL COOPERATION

The External Action Plan of the Basque Country for 2018-2020 [4] sets five strategic objectives for the interregional activities of the autonomy:

1. Promoting the attractiveness of the Basque Country abroad;
2. Promoting the interests of the Basque enterprises;
3. Contributing to the solution of global challenges enshrined in the UN Sustainable Development Agenda;
4. Contributing to the development of the European project;
5. Gaining expertise in innovative development [4].

The implementation of the first task is embedded in a set of successful actions of the Basque Country in the remaining four strategic areas. At the same time, particular attention is paid to innovative and sustainable development, where the Basque autonomy seeks to put into practice such policies that could serve as a benchmark for other regions [4].

The second objective is encompassed in the Basque Country Internationalization Strategy 2020 [8]. The document states that the region will continue attracting private investment in research and development (R&D). In this regard, the autonomy participates in various forums and cooperates with partner regions on the projects of mutual interest in the pri-

ority areas. In addition, a public-private fund of 250 million euros has also been set up to promote Basque enterprises, increase their competitiveness and support the international development of the Basque companies with high technological potential [8].

The Basque Country proclaims the need to form a positive image of a region that pursues successful policy in achieving the 17 UN Sustainable Development Goals (SDGs) as its third task. Special Secretariat has been set up which is now gathering expertise concerning international best practices in relation to the SDGs. This institution is also working with the Secretariat of the Spanish Prime Minister's Office to elaborate steps towards the implementation of the relevant policy in the autonomy. It implies the involvement of all stakeholders via a multi-level, public-private approach in order to effectively put into practice the Basque Country 2030 Agenda [9]. It consists of 15 goals that are in line with the UN Sustainable Development Goals. The Basque SDGs Plan for 2030 is expected to improve Spanish public policy and set priorities for actions at the regional level [10]. The project lays foundation for broad cooperation, as well as encourages the establishment and strengthening of both domestic and interregional partnerships.

To achieve the fourth objective the Basque Country is seeking to enhance its participation in European business forums. One of them is the Enterprise Europe Network, where issues related to innovative development and the introduction of "green" technologies are discussed. Moreover, the Basque Country aims to expand cooperation with the regions of the EU countries within the framework of COSME (the EU programme for the Competitiveness of Small and Medium-Sized Enterprises) [11].

In accordance with the fifth task the Plan for the Development of Science, Technology

and Innovation 2020 was worked out [12]. The document underscores the necessary steps to strengthen the position of the Basque Country as an innovative European region. The goal is to make the autonomy a leader in R&D, high-tech industries, green energy and biotechnologies [12].

The geographical location makes it possible to characterize the Basque Country as a "key link" of the Atlantic Corridor. The autonomy occupies a strategic position in the system of European transport communications by connecting the Iberian Peninsula with Central Europe [8]. In the field of transport, Basque companies seek to participate actively in international logistic projects. In particular, the region will play an important role in coordinating the construction of a new international railway network between Spain and France [10].

PRIORITY FUNCTIONAL AREAS OF CATALAN INTERREGIONAL COOPERATION

The development of interregional cooperation in Catalonia is based on four pillars:

- 1) expanding the presence of Catalan businesses abroad;
- 2) innovative development;
- 3) increasing influence in the EU;
- 4) creating an attractive image [5].

The Catalan government has elaborated a strategy for interregional relations, giving priority to strengthening ties with the European Union, the Mediterranean region, as well as international organizations. In addition, Catalonia is firmly committed to the UN 2030 Agenda for Sustainable Development and its 17 Goals [6].

The priority functional area for Catalonia is increasing its role in the EU interregional institutions. The white paper Europe Plan [5], which shapes the policy Catalonia pursues in its relations with the Union, sets two goals: to expand the influence of Catalonia in Europe and to promote the participation of citizens

and businesses in the European project. The tools to reach these goals as identifies the Plan are “participation of civil society and dialogue” [5].

Among the main priorities the Plan declares: “strengthening the economic and monetary union”, providing the EU with “a broad variety of tools to counter crises”, along with “improving the functioning of the European institutions” [5]. In addition, in the document Catalonia calls for a review of the European Neighbourhood Policy (ENP), which should pay special attention to the role of the Mediterranean region. Catalonia maintains that it is crucial for the EU countries to be more active in pursuing policies aimed at achieving the UN Sustainable Development Goals 2030 [5].

The European Neighbourhood Policy aims to strengthen and improve the effectiveness of the EU relations with the countries of Southern Mediterranean and Eastern Europe. The ENP was updated in 2015 and strives for an area of “security and prosperity” [13]. The Union for the Mediterranean was proclaimed as one of the vital tools for “developing cooperation with southern neighbours”. Indeed, it lays foundation for interaction between the southern regions on the implementation of joint projects [13].

Furthermore, Catalonia calls on the EU to prioritize relations with the Union’s southern neighbours and the Mediterranean region within the framework of the ENP. This mechanism should become more flexible and involve dynamically regional governments. Catalonia seeks to contribute to the promotion of the new European project for the Mediterranean through a regional model that will be capable of dealing with the current challenges of the European Union [5].

In addition to the European Union, cooperation with the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) is another equally important direction for

Catalonia. The relevance of the organization for the autonomy is determined by its work in humanitarian sphere which is “of great significance for Catalan interests” [14]. The regional government has maintained stable relations with UNESCO for more than thirty years. Three agreements on cooperation that underpin the partnership were concluded in 2003, 2006 and 2013. The latest memorandum of understanding was signed in Paris in June 2013 by then President of the Government of Catalonia, Artur Mas, and then Director-General of UNESCO, Irina Bokova. The agreement, which is currently being updated, has significantly deepened the existing links between Catalonia and UNESCO [15].

The Memorandum of Understanding dated 2013 envisages the following mechanisms of partnership: exchange of experts, direct cooperation on projects of common interest, translation of relevant UNESCO reports and documentation into Catalan, along with the organization of joint information campaigns [14].

COOPERATION OF THE BASQUE TERRITORIES WITHIN THE EUROREGION NEW AQUITAINE-BASQUE COUNTRY-NAVARRÉ

The Basque Country and Catalonia alike carry out cross-border cooperation within the framework of the relevant institutions of the European Union. It is worth emphasizing that Euroregions are the prior tool for this type of interaction within the EU. A Euroregion is a partnership of territories which share a cultural, linguistic or historical identity. These are the pillars that lay foundation for mutually beneficial socio-economic and cultural relations.

Currently Euroregions operate within the framework of the European Groupings of Territorial Cooperation (EGTCs) established in 2006. The main task of this institute is to promote cross-border cooperation between regional and local authorities of various EU

member states. At the same time, it should be emphasized that Euroregions do not possess any political power and, therefore, cannot set up new independent state institutions [16]. This condition implies that the administration of Euroregions requires the participation of the relevant regional authorities and the governments of the countries to which the cooperating territories belong.

In 2014 the General Secretariat for External Action of the Basque Country laid foundation for a new stage in cross-border cooperation between French New Aquitaine and the Spanish Basque Country. Key principles were enshrined in the Strategic Plan of the Euroregion for a six-year period [17]. The document outlines priority areas for joint action aimed at creating more favourable and close relations in economic and social spheres between the territories [18].

The Euroregion 2014-2020 Strategic Plan [17] focuses on the development of cross-border cooperation between the neighbouring regions in order to strengthen ties the Basque Country has with the Pyrenees-Atlantiques department and the French Basque territories that form a part of it. The Euroregion New Aquitaine-Basque Country-Navarre will also promote cooperation and joint projects between the government of the Basque Country and the Regional Council of New Aquitaine in areas where “the effect of interaction will become synergistic” and will strengthen the image of the Basque people in Europe [17].

The deepening of inter-sectoral relations tops the agenda of the Basque Euroregion. Furthermore, another goal is to enhance the ecosystem of business partnerships between Navarre, the Basque Country and New Aquitaine in such industries as innovative manufacturing, energy and agrifood. In addition, the Euroregion promotes forums on cross-border cooperation in order to identify potential strategies and methodologies that can boost

further development of interaction. The partnership in the Euroregion does not overlook historical and cultural aspects of the Basque people – four languages of the Euroregion: Occitan, Basque, Spanish and French constitute the “fundamental value” of this regional cooperation as enshrined in the Euroregion Strategic Plan 2014-2020 [17].

CATALONIA IN THE EUROREGION PYRENEES-MEDITERRANEAN

The Euroregion Pyrenees-Mediterranean, which is comprised by two Spanish territories (Catalonia and the Balearic Islands) along with a French one (Occitania) proclaims as its main goal the formation of an “area of cooperation with an emphasis on innovation and sustainable development” [19]. In addition, the central task is to strengthen the influence of the three regions in the European arena. In 2017 a document titled “The Post-2020 Pyrenees-Mediterranean Euroregion” was published [19]. It highlights the following priorities:

1. Development of the Euroregional ecosystem of innovative interaction between companies of the three regions;
2. Promotion of sustainable development of territories;
3. Preservation and strengthening of cultural identity [19].

The Euroregion also aims to play an active role in the Mediterranean. The document notes that “this area is of particular importance for the Euroregion, as it has the potential for innovative growth and development, but at the same time is a source of new challenges for the European Union” [19].

Within the framework of this Euroregion, work on joint infrastructure projects aimed at the introduction of “green” transport is being carried out. It is accompanied by a set of measures to promote logistic cooperation between companies in order facilitate the movement of goods within the Euroregion. With

regard to innovations, cooperation is carried out in telecommunications, “green” energy, as well as biotechnologies. The humanitarian dimension of the Euroregion is dynamically developing. In particular, there is an online platform Eurocampus, which unites more than 510 000 students and 45 000 scholars from the three regions. Additionally, in 2010 a network of start-up incubators was set up in order to stimulate the development of business cooperation between the territories [20].

CATALAN STRATEGY OF COOPERATION IN THE MEDITERRANEAN REGION

The Mediterranean is a crucial area for Catalan interregional cooperation. In 2018 the Catalan government issued a document titled MedCat 2030 (Mediterranean Catalonia 2030) [21] and the Action Plan for 2019-2022 [6]. Both strategic papers are meant to update the Catalan vision of the European part of the Mediterranean as well as to identify new approaches to interaction with the regions of the EU member states that are located along the coastline.

MedCat 2030 [21] defines three main directions and seven strategic goals to be implemented in three consecutive four-year action plans. Three key areas until 2030 are the following:

Commitment to the global agenda and promotion of a regional model aimed at seeking joint solutions to socio-economic challenges that effect the interregional actions of the autonomy.

Within the framework of this direction, the following three goals are emphasized. First of all, the document proclaims the need for Catalan active participation in the elaboration of the regional agenda for the Mediterranean. Secondly, Catalonia also calls for increased opportunities for interaction between civil societies that represent different territories of the Mediterranean states. Whereas the third

goal is to expand scientific and economic cooperation as a “driving force for inclusive growth” of the Mediterranean regions [21].

Promotion of a new European project for the Mediterranean. The implementation of this goal is based on a set of measures that will strengthen business partnership between Mediterranean companies and turn the region into one of the top priorities of the European policy [21].

Strengthening the position of Catalonia in the Mediterranean. There are two indispensable steps towards achieving this goal: firstly, promotion of the autonomy as a Mediterranean center, secondly, “internationalization of Catalonia” aimed at increasing its “attractiveness” [21].

Mediterranean humanitarian dimension plays a special role in the system of Catalan interregional cooperation. It is worth underscoring that 21% of foreign residents in Catalonia represent the European countries located along the Mediterranean Sea coast. Furthermore, almost 25% of academic mobility derives from the Mediterranean states. Additionally, Catalonia is the largest logistic center in Southern Europe and the Mediterranean countries account for 28% of the total passenger traffic in Catalan air and sea ports [6].

CATALONIA IN THE INTERREGIONAL NETWORK FOUR MOTORS FOR EUROPE

An important format of cooperation for Catalonia is the Four Motors for Europe [22]. Its foundation dates back to 1988. It is an interregional network for interaction between the territories of Spanish Catalonia, German Baden-Württemberg, along with Italian Lombardy and French Auvergne-Rhone-Alpes. The format is aimed at increasing economic, scientific, social and cultural potential of the four areas. The cooperation within the Four Motors relies on institutional flexibility and does not have its own governing bodies

or budget. The chairmanship is based on the principle of rotation and lasts for one year [22].

On September 25, 2020 Catalonia assumed the presidency in the network. The Spanish region put forward its Programme for the development of the block [23]. The proposed document focuses on the 17 Sustainable Development Goals until 2030 and the implementation of measures within the framework of the European “Green Deal” [6]. In addition, according to the Programme, the Catalan presidency is focused on the recovery of the regions from the aftermath of the COVID-19 pandemic [23].

The Programme of the Catalan chairmanship is based on three areas of sustainable development: economic, social and environmental. The elaboration of the document was a result of broad interdepartmental consultations with all the ministries of the Catalan Generalitat. The document includes more than thirty initiatives. Such a high number of proposals was not reached by any of the three previous chair-regions of the Four Motors [23].

CONCLUSION

Having completed the analysis of the strategic documents that shape the approaches to cross-border and interregional actions of the Basque Country and Catalonia, it is worth concluding that they have more similarities than differences. For both autonomies, cooperation with the regions of the European Union member states is a priority. The Basque Country and Catalonia alike participate in the Euroregions — New Aquitaine-Basque Country-Navarre and Pyrenees-Mediterranean respectively. Interaction in these formats is carried out in economic, business, social and cultural areas. The regional priorities of the two autonomies are shaped predominantly by the geographical location of each territory. However, interregional activities of the

Basque Country are also influenced by the common ethnic ground that unites the Spanish and French Basques. Cross-border interaction with the French regions, Occitania (for Catalonia) and New Aquitaine (for the Basque Country), tops the list of priorities for both Spanish territories. At the same time, a specific feature of Catalan interregional activities is their focus on the Mediterranean region, what potentially enables a broader involvement of partners in cooperation. In addition, unlike for the Basque Country, the Euroregion is not the only format of cooperation for Catalonia in the European area. The Spanish autonomy along with 3 other regions of Germany, Italy and France, takes part in the interregional network the Four Motors for Europe. Additionally, Catalonia is more actively interacting with the UN specialized agencies, in particular with UNESCO.

The priority functional areas of the interregional activities of both autonomies have the following similarities: the regions seek to create investment attractiveness and protect the interests of their companies abroad, as well as to enhance interregional cooperation in order to exchange expertise in innovative development.

The strategies of the interregional actions of each region are characterized by the desire to contribute to the implementation of the 17 UN Sustainable Development Goals until 2030. The Basque Country pays it a great deal of attention, since the region itself has elaborated the Plan for the fulfillment of the global agenda. The autonomy prioritizes the achievement of the Goals within its own territory and the Euroregion in order to become a benchmark for other regions to follow. For its part, Catalonia considers participation in multilateral institutions and broad interregional cooperation as the most effective mechanisms for fulfilling the agenda of sustainable development.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Promoting transfrontier co-operation: an important factor of democratic stability in Europe» – CPR (9) 3 Part II / Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/-promoting-transfrontier-co-operation-an-important-factor-of-democrati/16807196f6> (дата обращения: 28.12.2020)
2. El Estatuto de Autonomía del País Vasco / Government of the Basque Country. URL: http://www.euskadi.eus/gobierno-vasco/contenidos/informacion/estatuto_guernica/es_455/estatu_c.html (дата обращения: 05.12.2020)
3. Estatuto de Autonomía de Cataluña / Boletín oficial del estado. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1979-30178> (дата обращения: 09.12.2020)
4. External action plan 2018-2020 / Government of the Basque Country. URL: http://www.euskadi.eus/contenidos/informacion/accion_exterior_hemeroteca/es_def/adjuntos/Plan%20de%20Acción%20Exterior_EN.pdf (дата обращения: 05.12.2020)
5. Europe plan. White paper / Government of Catalonia. URL: http://exteriors.gencat.cat/web/.content/saeue/00_pla_europa/l1ibre_blanco/pla_europa_l1ibre_blanco_complet_en.pdf (дата обращения: 02.12.2020)
6. Catalan foreign action / Government of Catalonia. URL: http://exteriors.gencat.cat/en/ambits-dactuacio/afers_exteriors/ (дата обращения: 03.12.2020)
7. Эпштейн В.А., Меньшиков П.В., Вильчинский А.С. Баскский национализм: основные этапы эволюции и современное состояние. *Общество: политика, экономика, право*. 2019;4:23-30.
8. Estrategia Marco de Internacionalización 2020 / Government of the Basque Country. URL: <http://www.euskadi.eus/hemeroteca-anuarios-y-balances-de-accion-exterior/web01-s11leheki/es/> (дата обращения: 07.12.2020)
9. Agenda Euskadi. Basque Contribution to the 2030 Agenda for Sustainable Development / Government of the Basque Country. URL: <http://www.euskadi.eus/pdf/2030-agenda-sustainable-development-basque-country.pdf> (дата обращения: 08.12.2020)
10. Update of the 2020 internationalisation framework strategy. Euskadi – Basque Country strategy / Government of the Basque Country. URL: http://www.euskadi.eus/contenidos/informacion/accion_exterior_hemeroteca/es_def/adjuntos/ESTRATEGIA%20EUSKADI%20BASQUE%20COUNTRY%202020_en.pdf (дата обращения: 07.12.2020)
11. COSME. The EU programme for the Competitiveness of Small and Medium-Sized Enterprises / European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/growth/smes/cosme/> (дата обращения: 11.12.2020)
12. Plan de Ciencia, Tecnología e Innovación – Euskadi 2020 / Government of the Basque Country. URL: <https://www.innobasque.eus/microsite/innovacion-en-euskadi/plan-de-ciencia-tecnologia-e-innovacion-euskadi-2020/> (дата обращения: 10.12.2020)
13. European Neighbourhood Policy (ENP) / European Commission. URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/european-neighbourhood-policy-enp/330/european-neighbourhood-policy-enp_en (дата обращения: 10.12.2020)
14. Catalan involvement in international organizations / Government of Catalonia. URL: http://exteriors.gencat.cat/en/ambits-dactuacio/afers_exteriors/afers-globals/organismes/ (дата обращения: 02.12.2020)
15. UNESCO and the regional government of Catalonia renew cooperation to make the most of education, sciences and culture as drivers of sustainable development / UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/news/unesco-and-regional-government-catalonia-renew->

- [cooperation-make-most-education-sciences-and](#) (дата обращения: 11.12.2020)
16. European Groupings of Territorial Cooperation (EGTCs) / European Commission. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/cooperation/european-territorial/egtc/ (дата обращения: 12.12.2020)
  17. Actualización del Plan Estratégico de la AECT Euroregión Nueva Aquitania-Euskadi-Navarra 2014-2020 / Euroregion New Aquitaine-Basque Country-Navarre. URL: http://www.naen.eu/wp-content/uploads/2018/10/plan_strat_ES_INFORME_FINAL_28-06-2018.pdf (дата обращения: 02.12.2020)
  18. Vilchinskii A. Diplomacy of the Spanish Basque Country: priority regional and functional areas / Международная научная конференция «Актуальные проблемы международных отношений и международного права» 2020. Сборник статей / Под ред. Кашириной Т.В., Агуреева С.А., Вильской Н.В., Петюковой О.Н. – М.: Дипломатическая академия МИД РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ. – 2020. – P. 157-164
  19. The Post-2020 Pyrenees-Mediterranean Euroregion. A political vision of the Pyrenees-Mediterranean Euroregion on the multiannual financial framework projects and regulations 2021-2027 / Euroregion Pyrenees-Mediterranean. URL: http://www.euroregion.eu/temporal/19_03_06_del_ann_post2020_en_0.pdf (дата обращения: 09.12.2020)
  20. Projects. Euroregion / Euroregion Pyrenees-Mediterranean. URL: <http://www.euroregion.eu/en/projects> (дата обращения: 12.12.2020)
  21. Mediterranean Strategy of Catalonia. MedCat 2030 / Government of Catalonia. URL: http://exteriors.gencat.cat/web/.content/saeue/afers_exteriors_cooperacio/04_arees_actuacio/Mediterrania/pdf/resum_estrategia_medcat_en.pdf (дата обращения: 11.12.2020)
  22. Working groups of the 4 motors for the EU / Official website of the 4 motors for Europe. URL: <http://www.4motors.eu/en/working-groups> (дата обращения: 15.12.2020)
  23. Catalonia assumes presidency of Four Motors for Europe / Catalan News, 25.09.2020. URL: <https://www.catalannews.com/business/item/catalonia-assumes-presidency-of-four-motors-for-europe> (дата обращения: 13.12.2020)

REFERENCES:

1. Promoting transfrontier co-operation: an important factor of democratic stability in Europe» – CPR (9) 3 Part II / Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/-promoting-trans-frontier-co-operation-an-important-factor-of-democrati/16807196f6> [Accessed: 28.12.2020]
2. Statute of Autonomy of the Basque Country / Government of the Basque Country. URL: http://www.euskadi.eus/gobierno-vasco/contenidos/informacion/estatuto_guernica/es_455/estatu_c.html [Accessed: 05.12.2020] (In Span.)
3. Statute of Autonomy of Catalonia / Boletín oficial del estado. URL: [https://www.boe.es/](https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1979-30178) [Accessed: 09.12.2020] (In Span.)
4. External action plan 2018-2020 / Government of the Basque Country. URL: http://www.euskadi.eus/contenidos/informacion/accion_exterior_hemeroteca/es_def/adjuntos/Plan%20de%20Acción%20Exterior_EN.pdf [Accessed: 05.12.2020]
5. Europe plan. White paper / Government of Catalonia. URL: http://exteriors.gencat.cat/web/.content/saeue/00_pla_europa/l libre blanc/pla_europa_l libre blanc_complet_en.pdf [Accessed: 02.12.2020]
6. Catalan foreign action / Government of Catalonia. URL: <http://exteriors.gencat.cat/en/>

- [ambits-dactuacio/afers_exteriors/](#) [Accessed: 03.12.2020]
7. Epshteyn V.A., Menshikov P.V., Vilchinskii A.S. Basque nationalism: main stages of evolution and current state. *Society: politics, economics, law*. 2019;4:23-30. (In Russ.)
  8. Strategy of Internationalization 2020 / Government of the Basque Country. URL: <http://www.euskadi.eus/hemeroteca-anuarios-y-balances-de-accion-exterior/web01-s1leheki/es/> [Accessed: 07.12.2020] (In Span.)
  9. The Basque Agenda. Basque Contribution to the 2030 Agenda for Sustainable Development / Government of the Basque Country. URL: <http://www.euskadi.eus/pdf/2030-agenda-sustainable-development-basque-country.pdf> [Accessed: 08.12.2020]
  10. Update of the 2020 internationalisation framework strategy. Euskadi – Basque Country strategy / Government of the Basque Country. URL: http://www.euskadi.eus/contenidos/informacion/accion_exterior_hemeroteca/es_def_adjuntos/ESTRATEGIA%20EUSKADI%20BASQUE%20COUNTRY%202020_en.pdf [Accessed: 07.12.2020]
  11. COSME. The EU programme for the Competitiveness of Small and Medium-Sized Enterprises / European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/growth/smes/cosme/> [Accessed: 11.12.2020]
  12. Science, Technology and Innovation Plan – Basque Country 2020 / Government of the Basque Country. URL: <https://www.inno-basque.eus/microsite/innovacion-en-euskadi/plan-de-ciencia-tecnologia-e-innovacion-euskadi-2020/plan-de-ciencia-tecnologia-e-innovacion---euskadi-2020/> [Accessed: 10.12.2020] (In Span.)
  13. European Neighbourhood Policy (ENP) / European Commission. URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/european-neighbourhood-policy-enp/330/european-neighbourhood-policy-enp_en [Accessed: 10.12.2020]
  14. Catalan involvement in international organizations / Government of Catalonia. URL: http://exteriors.gencat.cat/en/ambits-dactuacio/afers_exteriors/afers-globals/organismes/ [Accessed: 02.12.2020]
  15. UNESCO and the regional government of Catalonia renew cooperation to make the most of education, sciences and culture as drivers of sustainable development / UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/news/unesco-and-regional-government-catalonia-renew-cooperation-make-most-education-sciences-and> [Accessed: 11.12.2020]
  16. European Groupings of Territorial Cooperation (EGTCs) / European Commission. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/cooperation/european-territorial/egtc/ [Accessed: 12.12.2020]
  17. Update of the strategic plan of the Euroregion New Aquitaine-Basque Country-Navarre 2014-2020 / Euroregion New Aquitaine-Basque Country-Navarre. URL: http://www.naen.eu/wp-content/uploads/2018/10/plan_strat_ES_INFORME_FINAL_28-06-2018.pdf [Accessed: 02.12.2020] (In Span.)
  18. Vilchinskii A. Diplomacy of the Spanish Basque Country: priority regional and functional areas / International scientific conference “Current issues of international relations and international law” 2020. Collected papers / Ed. Kashirina T.V., Agureeva S.A., Vilkaya N.V., Petyukova O.N. – M.: Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Financial University of the Russian Government. – 2020. – P. 157-164
  19. The Post-2020 Pyrenees-Mediterranean Euroregion. A political vision of the Pyrenees-Mediterranean Euroregion on the multiannual financial framework projects and regulations 2021-2027 / Euroregion Pyrenees-Mediterranean. URL: http://www.euroregio.eu/temporal/19_03_06_del_ann_post2020_en_0.pdf [Accessed: 09.12.2020]

20. Projects. Euroregion / Euroregion Pyrenees-Mediterranean. URL: <http://www.euroregion.eu/en/projects> [Accessed: 12.12.2020]
21. Mediterranean Strategy of Catalonia. MedCat 2030 / Government of Catalonia. URL: http://exteriors.gencat.cat/web/.content/saeue/afers_exteriors_cooperacio/04_arees_actuacio/Mediterrania/pdf/resum_estrategia_medcat_en.pdf [Accessed: 11.12.2020]
22. Working groups of the 4 motors for the EU / Official website of the 4 motors for Europe. URL: <http://www.4motors.eu/en/working-groups> [Accessed: 15.12.2020]
23. Catalonia assumes presidency of Four Motors for Europe / Catalan News, 25.09.2020. URL: <https://www.catalannews.com/business/item/catalonia-assumes-presidency-of-four-motors-for-europe> [Accessed: 13.12.2020]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Антон С. Вильчинский, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
vilchinskiy97@inbox.ru

Anton S. Vilchinskii, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
vilchinskiy97@inbox.ru

Трудный путь к гражданской нации: опыт нациестроительства современного Казахстана

Николай А. Баранов¹, Севги Кок²

¹ Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
nicbar@mail.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
kok.sevgi@mail.ru

Аннотация: Казахстан, как и большинство полиэтничных постсоветских государств, в ходе государственного строительства столкнулся с проблемой сплочения народов, проживающих в Республике. В политической повестке Казахстана реализовывались два взаимосвязанных проекта: строительство институтов государства и формирование гражданской нации. В полиэтничном государстве проект гражданской нации затруднен из-за попыток титульного этноса к получению дополнительных преимуществ, что вызывает напряженность в межэтнических отношениях. Идентификация населения, нередко, происходит по этнической принадлежности, поэтому политике гражданской идентичности в Казахстане противопоставляется «казахизация» языка, культуры, социальных практик. Тем не менее, в Республике успешно развивается процесс объединения нации, инициатором которого является политическая элита Казахстана. Стратегическим приоритетом в развитии страны было заявлено достижение национального единства. В статье проанализированы факторы, влияющие на коллективную идентичность в Республике Казахстан: демографическое разнообразие, языковая политика, государственные символы. В статье сделан вывод о том, что Казахстан строит свою государственность, основываясь на доминировании казахской этнической элиты, при этом проводя политику объединения разных этносов в единую казахстанскую нацию.

Ключевые слова: гражданская идентичность, казахстанская идентичность, «казахизация», национальная идентичность, проект «Триединство языков», языковая политика

Для цитирования: Баранов А. Н., Севги Кок. Трудный путь к гражданской нации: опыт нациестроительства современного Казахстана. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):136-151. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-136-151>

Статья поступила: 30.01.2021

Принята в печать: 15.02.2021

Опубликована: 27.03.2021

The Difficult Path to a Civil Nation: the Experience of Nation-Building in Modern Kazakhstan

Nikolay A. Baranov¹ Sevgi Kok²

¹ North-West Institute of Management, RANEP, St. Petersburg, Russia,

¹ Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,

nicbar@mail.ru

² Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,

kok.sevgi@mail.ru

Abstract: Kazakhstan, like most of the multi-ethnic post-Soviet states, in the course of state building, faced the problem of rallying the peoples living in the Republic. Two interrelated projects were being implemented on the political agenda of Kazakhstan: the construction of state institutions and the formation of a civil nation. In a multi-ethnic state, the project of a civil nation is difficult due to the attempts of the titular ethnic group to obtain additional advantages, which causes tension in interethnic relations. The identification of the population, often, occurs by ethnicity, therefore, the policy of civic identity in Kazakhstan is opposed to the “Kazakhization” of language, culture, and social practices. Nevertheless, the process of unification of the nation is successfully developing in the Republic, initiated by the political elite of Kazakhstan. Achievement of national unity was declared a strategic priority in the development of the country. The article analyzes the factors affecting collective identity in the Republic of Kazakhstan: demographic diversity, language policy, state symbols. The article concludes that Kazakhstan is building its statehood based on the domination of the Kazakh ethnic elite, while pursuing a policy of uniting different ethnic groups into a single Kazakh nation.

Keywords: civic identity, Kazakh identity, “Kazakhization”, national identity, the project “Trinity of languages”, language policy

For citation: Baranov N.A., Sevgi Kok. The difficult path to a civil nation: the experience of nation-building in modern Kazakhstan. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):136-151. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-136-151>

Received: 30.01.2021

Revised: 15.02.2021

Published: 27.03.2021

ВВЕДЕНИЕ

Политические и социально-экономические процессы на постсоветском пространстве уже почти три десятилетия привлекают к себе пристальное внимание современных исследователей социальных наук. Государства решают сходные между собой задачи: создание устойчивой поли-

тической системы, эффективной экономической модели, становление национальной государственности и формирование нации, под которой понимается «политическое выражение общества в пределах его географических границ» [1].

При строительстве национально-го государства принципиально важной

становится интерпретация нации как главного субъекта социальных, экономических и политических процессов. Становление нации — наиболее острый и актуальный вопрос во всех без исключения республиках на постсоветском пространстве. Дилемма состоит в альтернативности проектов, которых придерживаются национальные элиты в ходе государственного строительства: либо формирование гражданской нации, либо укрепление государства и его институтов посредством этнической солидарности. В последнем случае приоритетными становятся практики этнического национализма, при котором этническая общность и ее высший тип в виде нации составляют основу государства.

Целью данной статьи является характеристика факторов формирования национальной идентичности жителей Казахстана в период становления государственности. Как отмечают российские исследователи (И.С. Семененко, В.В. Лапкин, А.Л. Бардин, В.И. Пантин), «на современном этапе интересы государственного строительства на постсоветском пространстве превалируют и, более того, подчиняют себе политическую повестку развития, задают приоритеты политики идентичности, политики памяти и пр.» [2]. Опыт Республики Казахстан в данном контексте является востребованным для других полиэтничных государств, реализующих программу национально-государственного строительства.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В научном дискурсе наиболее распространенными являются три концепции этничности и происхождения нации: примордиалистские, конструктивистские и инструменталистские.

Примордиалистская концепция основана на представлении об этничности

как свойстве человеческой природы. Примордиализм ярко выражен в работах американского социолога Пьера Ван ден Берга, который полагал, что этническая солидарность является продолжением родственной солидарности, то есть семейственности. С его точки зрения степень биологического родства является одним из основных условий, предполагающих сотрудничество или конфликт [3]. Для примордиалистов (Ю. Бромлей, К. Гирц, Р. Гамбино, Э. Шилз и др.) характерным является понимание этноса как общности людей, проживающих на определенной территории и обладающих общими чертами, характерными особенностями культуры, языка и менталитета.

В основе конструктивистского подхода (Б. Андерсон, Ф. Барт, Б. Брубейкер, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и др.) лежат представления об этничности как целенаправленной деятельности по созданию национальной культуры, «изобретению традиций», распространению национального самосознания в обществе. Субъектами конструирования нации могут выступать государственные институты, политическая элита, политические партии, институты гражданского общества. А сам факт конструирования возможен потому, что нация — «это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как нечто неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [4].

Инструменталистская концепция базируется на прикладном характере этничности, обращение к которой мобилизует членов этнической группы на поддержку национальных лидеров в политических целях. Таким образом этническая идентичность выступает объектом манипулирования со стороны элит, которые используют социальные проблемы в борьбе за политические и экономические ресурсы, наращивая свой символический капитал.

Этничность как инструмент достижения коллективных целей выступает в работах П. Брасса, Д. Горовица, Дж. Нейджела, Дж. Ротшильда, В. Тишкова и др.

Ориентация на определенную концепцию этничности в значительной степени определяет политику идентичности, под которой понимается целенаправленная деятельность государства и групп интересов по формированию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, а также общих ценностей и ориентиров развития политического сообщества, поддержание чувства принадлежности к нему [5]. Ключевым актором формирования политики идентичности является государство, использующее институты социализации и многочисленные ресурсы в целях вовлечения граждан в предлагаемые проекты социального взаимодействия.

В контексте настоящей статьи важными для понимания являются термины «политическая идентичность», «гражданская идентичность», «национальная идентичность», «макрополитическая идентичность», которые необходимы для понимания процессов нациестроительства на постсоветском пространстве и конкретно в Республике Казахстан.

По мнению Л.В. Сморгунова, идентификация «становится политической, когда индивид (и референтное сообщество) включаются в решение/деятельность по установлению определенного политического порядка или по выбору путей общественного развития» [6]. Политическая идентичность включает в себя ценностные и идейно-политические предпочтения, разделяемые людьми, составляющими политическое сообщество.

Гражданская идентичность включает в себя когнитивные и эмоциональные компоненты, а также регулятивные, стимули-

рующиеся политическими, социальными и личностными интересами. Как пишут Л.М. Дробижева и С.В. Рыжова, «гражданская идентичность — это самоотожествление себя с гражданами страны, представление о государстве, стране — образ “мы”, чувство общности, солидарности, ответственность за дела в стране» [7].

Для национальной идентичности определяющим является принадлежность к нации как государственно-территориальной общности, в отличие от этнической идентичности, основывающейся на этнической солидарности, выражающейся в принадлежности к этносу — устойчивому, естественно сложившемуся коллективу людей, противопоставляющих себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающимся своеобразным стереотипом поведения [8]. Нидерландский исследователь Эрик де Фреде определяет национальную идентичность как «совокупность качеств, убеждений и идей граждан по отношению к своей нации или государству», которая выходит на передний план, когда есть основания гордиться своей страной или объединиться перед лицом нависшей угрозы [1].

Термин «макрополитическая идентичность» введен О.Ю. Малиновой и характеризует «идентификацию с более широким сообществом, которая предполагает наличие солидарности поверх границ» и которая основана на политических и идеологических предпочтениях [9]. Макрополитическая идентичность связана либо с принадлежностью к нации, либо к наднациональному сообществу (например, европейская идентичность). Данный термин важен для анализа процессов нациестроительства в постсоветских государствах и реализации политики идентичности в целях интеграции народов, проживающих в полиэтничных сообществах.

В данном исследовании применены институциональный, культурологический и политико-культурный подходы. Под институтами понимается «совокупность учреждений, организаций с определенной структурой и соответствующей субординацией; устоявшейся системой формальных и неформальных правил, принципов, норм, упорядочивающих отношения между людьми; сложившейся системой поведения в соответствии с устоявшимися нормами» [10].

Культурологический подход в политологии связан с взаимовлиянием научных дисциплин, таких как наука о политике и наука о культуре. Происходит повышение значимости культуры для политологии и политической практики, а также обратное влияние политики и политологии на культуру. По мнению российских исследователей (В.Г. Федотова, Н.Н. Федотова, С.В. Чугров), культурологическая парадигма в политологии существует в своем незавершенном виде как общая концепция культурного влияния на политику и как конкретные теории культурологического исследования определенной конкретной политики [5].

Политико-культурный подход акцентирует внимание на влиянии традиций, мифов, сложившихся стереотипов на социально-политические процессы в обществе и специфическое функционирование политических институтов, таким образом, осуществляя социокультурное и политико-культурное измерение политики.

ОПЫТ КАЗАХСТАНА В ПОСТРОЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Для Казахстана, как и для большинства постсоветских государств, процессы национального и государственного строительства происходили и происходят параллельно, являясь одновременно конкурирующими проектами. Выбор приори-

тетов зависит, с одной стороны, от развития у населения национального самосознания и гражданственности, а с другой — от ресурсной базы, связанной с социально-экономическими преобразованиями. Осложняет процесс государственного строительства отсутствие опыта самостоятельной государственности у большинства постсоветских республик, в том числе у Республики Казахстан, поэтому построение нового государства является преобладающим и формирующим как политическую повестку развития, так и процессы формирования национальной идентичности.

Если в 1990-е гг. в национальном строительстве стран постсоветского пространства преобладала концепция этнонации, то в XXI веке в ряде государств предпринимаются попытки построения гражданской нации. В стране, в которой проживают десятки этносов, исповедующих различные религии, сложно аргументировать этнонациональный тренд. В целях стабилизации этнополитической ситуации такие полиэтничные страны, как Казахстан, начинают переходить к концепту гражданской нации, которая, по выражению В. А. Тишкова, «пока утверждается робко, главным образом, для внешнего мира, чтобы выглядеть прилично. В казахстанских паспортах для выезда за рубеж в графе «национальность» стоит «Казахстан», а для внутреннего пользования под тем же термином указывается этническая принадлежность» [11].

Казахстанские исследователи также обращают внимание на особенности стратегии национально-государственного строительства и соответствующие им доминирующие модели национальной идентичности. Так, Т. Т. Оспанов выделяет две основные стратегии: первая «направлена на формирование единой казахстанской нации из полиэтничного по своему составу общества на основе общности граж-

данства, вторая стратегия должна быть связана с национальной идентичностью самих казахов» [12]. В данном контексте актуальным остается различие между положением этнических меньшинств в ряде постсоветских стран, в которых за ними не признается право членства в нации, по сравнению с мировым концептом меньшинств, в соответствии с которым они входят в состав нации и обладают всеми правами, в том числе учиться и говорить на родном языке. Как образно выразился В. А. Тишков, «бюрократии должны разговаривать на языке большинства налогоплательщиков, а не налогоплательщики должны выучивать язык чиновников» [11].

Национальное строительство, как правило, опирается на историческое наследие в виде мифов, легенд, устоявшихся социальных практик. Для всех постсоветских республик, в том числе Казахстана, существенное влияние на государственное строительство оказало советское прошлое с идеологизированным представлением истории, которое с начала 1990-х гг. в целях легитимизации данного процесса стало интерпретироваться с точки зрения выполнения новых задач — формирования нации, объединения титульного этноса, создания новых институтов, легитимизирующих казахскую национальную идентичность. В частности, на базе Научно-исследовательского института педагогических наук в 1993 г. был создан Национальный институт образования имени И. Алтынсарина¹ (с 1998 г. — Казахская академия образования имени И. Ал-

тынсарина, а с 2008 г. — Национальная академия образования имени И. Алтынсарина), по рекомендации которого были существенно изменены учебники истории. 1 марта 1995 г. Указом Президента Казахстана образована Ассамблея народа Казахстана² со статусом консультативно-совещательного органа при главе государства, а 20 октября 2008 г. вступил в действие закон «Об Ассамблее народа Казахстана», в соответствии с которым Ассамблея стала полноправным субъектом политической системы страны, получившей право избирать в Мажилис Парламента девять депутатов, что существенно повысило ее общественно-политическую роль. Председателем Ассамблеи Н. А. Назарбаевым предложена Казахстанская модель общественного согласия и общенационального единства, включающая пять принципов модели межэтнического согласия: этническое, конфессиональное, культурное и языковое многообразие; создание всех условий для развития культуры и языков этносов Казахстана; толерантность и ответственность; консолидирующая роль казахского народа; единство народа Казахстана³.

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в своей статье «Независимость — самое дорогое», написанной в преддверии 30-летия независимости Республики, выделяет триаду казахстанского суверенитета, включающую обширную землю, священный язык, а также процветание и единство, о котором отзывается следующим образом: «В силу разных обстоятельств на казахской земле в разное время

¹ Официальный сайт Национальной академии образования им. И. Алтынсарина. URL: <https://nao.kz/> (дата обращения: 27.01.2021).

² Официальный сайт Ассамблеи народа Казахстана. URL: <https://assembly.kz/ru/> (дата обращения: 27.01.2021).

³ Казахстанская модель общественного согласия и общенационального единства Н. А. Назарбаева // Официальный сайт Ассамблеи народа Казахстана. URL: https://assembly.kz/ru/kazakhstanskaya-model-obshchestvennogo-soglasiya-i-obshchenatsionalnogo-edinstva-n-a-nazarbaeva_ru (дата обращения: 27.01.2021).

проживало множество людей разных национальностей. Казахский народ ни на кого не смотрел свысока. Сегодня их родина — Казахстан». Казахский президент пишет о том, что в Республике не было дискриминации по национальному признаку и для всех были созданы условия для роста и предоставления всем равных возможностей. Таким образом, многонациональность удалось обратить в свою пользу, «поэтому сохранение межнационального мира и согласия — долг не только государственных структур, но и общества в целом и каждого гражданина»⁴.

С момента объявления независимости 16 декабря 1991 г. Казахстан шел собственным путем в строительстве национального государства, который К.-Ж. Токаев разделяет на три десятилетия, в каждом из которых решалась своеобразная задача: первое десятилетие независимости — период закладки основ нового Казахстана; второе десятилетие — период расширения потребностей казахского народа; третье десятилетие — период процветания и превращения страны в зажиточное государство. «Задача предстоящего четвертого десятилетия, — считает Президент Казахстана, — стать могущественной страной и зрелой нацией»⁵.

Придавая большое значение укреплению суверенитета, в то же время на официаль-

ном уровне проводится целенаправленная политика по формированию национальной идентичности жителей Казахстана. На коллективную идентичность государственного сообщества в Республике Казахстан наибольшее влияние оказывают следующие факторы: демографическое разнообразие, языковая политика, государственные символы.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Казахстан является полиэтничным государством, «на территории которого проживают представители 125 наций и народностей»⁶. По результатам последней переписи населения, состоявшейся в 2009 году⁷, наиболее многочисленными являются 7 этносов (доля каждого этноса в общей численности населения страны составляет более 1%) — казахи, русские, узбеки, украинцы, уйгуры, татары и немцы, на долю которых приходится 95,6% населения страны. Наибольший удельный вес в общей численности населения занимают казахи — 63,1% и русские 23,7%⁸. В последнее десятилетие наблюдается последовательный тренд возрастания титульного этноса и снижения русского. Так, на начало 2020 года казахи составляли уже 68,51% населения страны, а русские 18,85%⁹. Рост числа казахов может быть объяснен, с одной стороны, возвращением на исто-

⁴ Токаев Касым-Жомарт. Независимость — самое дорогое // Егемен Казахстан. 2021. 5 янв. URL: <https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat> (дата обращения: 31.01.2021).

⁵ Там же.

⁶ Аналитический отчет. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. / Под ред. Смаилова А. А. Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2011. 65 с. С.20.

⁷ Национальная перепись населения Казахстана должна была состояться в 2019 году, однако была перенесена на октябрь 2020 года, но из-за пандемии коронавируса вновь перенесена — на октябрь 2021 года.

⁸ Аналитический отчет. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. / Под ред. Смаилова А. А. Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2011. 65 с. С.20.

⁹ Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2020 года. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <https://www.stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT355258> (дата обращения: 23.01.2021).

рическую родину представителей титульной нации, выехавших прежде, особенно в соседние государства, с другой стороны, отъездом из Республики представителей других этносов, в частности русского.

Исследователи из Казахского национального университета им. аль-Фараби полагают, что Казахстан, как и все постсоветские государства прошел сложный путь самоидентификации людей, и этот процесс сопровождался серьезными противоречиями, которые были связаны с обретением страной независимости, в результате чего возник конфликт мировоззрения между двумя основными народами — казахами и русскими [13]. Как свидетельствует мировая практика, невозможно достичь взаимопонимания без формирования у населения гражданской, а не этнической, национальной идентичности. По мнению казахстанских специалистов, именно здесь лежит главная проблема формирования национальной идентичности в государстве.

Российские исследователи (И.С. Семенов, В.В. Лапкин, А.Л. Бардин, В.И. Пантин) пишут о сложностях при формировании гражданской идентичности в Казахстане, связанных с такими проблемами, как «не соответствующий задачам развития уровень эффективности социальных и политических институтов, преференциальная этническая политика, слабое развитие института активного гражданства» [2].

Противоречие этнокультурной и гражданской идентичностей проявляется в следующем: с одной стороны, национальное государство строится по постсоветской модели государства титульной нации. Такая модель национального строительства предопределена советским прошлым, поскольку в СССР союзные республики рассматривались как квазигосударства титульной нации, по имени которой опре-

делялось название республики. К тому же статус нации приписывался этническим группам (национальностям), а не всему советскому народу. С другой стороны, в полиэтническом обществе этнические группы выступают против того, чтобы государство выступало только лишь от лица одного этноса, даже если это демографически и политически доминирующий этнос. Это означает, что в полиэтническом обществе граждане ассоциируют свою национальную идентичность с государством и его институтами, а не с каким-либо этносом, потому что идентификация с этносом вызывает у нетитульных народов опасения оказаться ассимилированными титульным большинством. Смысл и цель решения этой дилеммы состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить и укрепить титульный статус этноса, давшего название национальному государству, а с другой стороны, формировать и поддерживать гражданскую идентичность с целью предотвращения межэтнических конфликтов и укрепления межэтнической стабильности. Как показывает постсоветская практика, и Казахстану, и разным государствам с разной степенью успешности удается решать эту задачу [14].

Термины «казахский» и «казахстанский», как и в советское время, продолжают нести этническое содержание (казахский) и территориальное, административное, политическое и идеологическое значение (казахстанский). Отношение к этим двум терминам неоднозначное. Например, представители национал-патриотического направления «с горечью отмечают, что сегодня клише «казахстанская земля», «казахстанская литература», «казахстанская культура» получили широкое распространение, а понятия «казахская земля», «казахский народ» практически выведены из употребления» [13]. Однако распространен и другой подход.

Так, швейцарский социолог Андреас Виммер отмечает, что политические альянсы государственных элит в ранние периоды формирования национального государства наиболее важны для определения границы между нацией и меньшинством [15]. То есть, чем больше представителей меньшинства представлены в политических альянсах государственных элит, тем выше вероятность того, что в процессе формирования границ будут участвовать представители этих групп меньшинств, которые будут придерживаться разных стратегий. Это означает, что в ходе процесса установления границ между нацией и меньшинством государственным элитам придется вступать в переговоры с другими заинтересованными группами, обладающими властью или возможностями влиять на принятие решений. Следовательно, ожидается, что лидеры Казахстана выберут политику с уровнем этнической дифференциации, которая будет способствовать их интересам при условии, что у них есть необходимые ресурсы. Кроме того, если исполнительная власть в государстве сильна и у нее имеются экономические, политические и символические ресурсы для выстраивания границ, которые будут продвигать его интересы, то разработка стратегии будет наиболее важной для населения [16].

В Казахстане нет ограничений по созданию общественных структур с этнической направленностью. В конце 2015 г. действовали более 900 этнокультурных объединений, 192 этнообразовательных комплекса и дома дружбы¹⁰. Например, в Алматы функционирует «Дом дружбы», в Нур-Султане — Дворец мира и согласия, построенный по поручению президента,

в котором проводятся съезды Ассамблеи народа Казахстана, представителей мировых и традиционных религий. Ассамблея, созданная для того, чтобы различные народы, живущие в Казахстане, обсуждали свои проблемы, играет важную роль в сохранении и развитии культуры людей, живущих в стране. Сегодня эта организация, имеющая государственную поддержку, создает благоприятные условия для дальнейшего укрепления межэтнического единства, терпимости в обществе и единства народа.

В Казахстане этнические группы могут открывать свои собственные школы, средства массовой информации, а также создавать свои национальные ассоциации и фонды. В Республике издаются газеты на восьми языках, а телевидение и радио транслируются на семи языках. Помимо казахских и русских театров, в стране есть узбекский, уйгурский, корейский и немецкий национальные театры. Государственные и гражданские институты предотвращают ультранационалистические тенденции, включая проблемы этнического характера в гражданские рамки Казахстана путем институционализации этнической культуры неказахских групп.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Одной из главных задач в области национально-культурной политики Республики Казахстан с первых шагов суверенитета явилось также создание благоприятных условий для всестороннего развития всех без исключения языков, последовательное претворение в жизнь комплексных мер государственно-общественного характера по возрождению казахского языка, повышению его социальной значимости, до-

¹⁰ Об утверждении Концепции укрепления и развития казахстанской идентичности и единства. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000147> (дата обращения: 31.01.2021).

стойному применению государственного языка в политической, государственной, научной, культурной и других сферах жизни.

В этих целях в 1989 году в республике был принят Закон о языках, утвержденная государственная программа развития казахского языка и других национальных языков, в 1993 году образован Комитет по языкам при Кабинете Министров, который в 1995 году был преобразован в Государственный комитет Республики Казахстан по национальной политике. Законом были обеспечены правовые гарантии и уважительное отношение ко всем употребляемым в республике языкам и защита неотъемлемых прав граждан любой национальности на развитие своего языка и культуры. В Законе о языках (утратившем силу) констатировалось: «язык — величайшее достояние и неотъемлемый признак нации. С развитием языка, расширением его общенациональных функций непременно связан расцвет национальной культуры и будущее самой нации, как исторически сложившейся устойчивой общности людей»¹¹. В соответствии с законом казахский язык объявлен государственным, определены направления деятельности по его возрождению и развитию, расширению сферы применения и социальных функций. В соответствии со статьей 19 Конституции страны, принятой в 1995 г., «каждый имеет право на пользо-

вание родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»¹².

Дальнейшее развитие языковая политика получила в 1997 году, когда был принят новый закон «О языках в Республике Казахстан»¹³, в котором подтверждается статус казахского языка как государственного и одновременно в статье 5 вводится положение о том, что «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык». Следует отметить, что отношение к русскому языку со стороны высших государственных лиц уважительное. В декабре 2012 года Первый Президент Казахстана Н.А. Назарбаев в своем послании народу страны, в котором представил Стратегию развития Республики Казахстан до 2050 года, так сказал о русском языке: «К русскому языку и к кириллице мы должны относиться столь же бережно, как к казахскому языку. Всем очевидно, что владение русским языком — это историческое преимущество нашей нации. Нельзя игнорировать тот факт, что именно посредством русского языка уже на протяжении не одного столетия казахстанцы обретают дополнительные знания, расширяют свой кругозор и круг общения как внутри страны, так и за ее пределами»¹⁴.

Однако такой позиции придерживаются далеко не все жители Республики.

¹¹ Закон Казахской ССР от 22 сентября 1989 г. «О языках в Казахской ССР». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005765 (дата обращения: 31.01.2021).

¹² Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029#pos=5:-88 (дата обращения: 31.01.2021).

¹³ Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-І «О языках в Республике Казахстан». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1008034 (дата обращения: 31.01.2021).

¹⁴ Послание Президента Республики Казахстан, Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия “Казахстан-2050”: новый политический курс состоявшегося государства» URL: <https://strategy2050.kz/ru/page/multilanguage/> (дата обращения: 31.01.2021).

В политическом дискурсе все шире используется термин «казахизация» особенно в отношениях между казахским и русским языками. Казахизация интерпретируется как введение казахского языка в сферах с доминированием русского языка и, таким образом, устранение или значительное сокращение в применении русского языка [13]. Этой точки зрения придерживаются те, кто стоит на позиции казахской идентичности и отстаивает расширение ареала распространения казахского языка не только в официальном дискурсе, но и в реальной повседневной жизни. При этом носители казахстанской идентичности, в свою очередь, отстаивают позиции русского языка.

Казахстанские исследователи считают, что разделение национальной идентичности в Казахстане через оппозицию «казахская идентичность» — «казахстанская идентичность» основано на особенности определения нации в Казахстане. Речь идет о культурном определении нации, а именно, какая культура, какой язык, какие символы должны доминировать в Казахстане, иными словами, быть общими для всех этносов страны. Это основной вопрос национальной и общественной жизни Казахстана сегодня и в перспективе [13].

В Послании Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана на 28 февраля 2007 г. было предложено начать поэтапную реализацию культурного проекта «Триединство языков». В данном контексте в Послании говорится: «Казах-

стан должен восприниматься во всем мире как высокообразованная страна, население которой пользуется тремя языками. Это: казахский язык — государственный язык, русский язык как язык межнационального общения и английский язык — язык успешной интеграции в глобальную экономику»¹⁵. Этот проект достаточно успешно реализуется в стране, особенно в образовательной политике, когда студентам предоставляется право выбора обучения на одном из трех языков при обязательном изучении государственного. В то же время в зависимости от распространения казахского языка в различных регионах происходит постепенный перевод делопроизводства на государственный язык, который должен быть завершен к 2025 году.

Тем не менее, языковая проблема не ушла в прошлое, а остается актуальной особенно в связи с объявленным переходом на латиницу¹⁶. Соотнесение кириллицы и латиницы — это, по мнению Р.К. Кадыржанова, выбор идентичности. Полюса спектра идентичностей, связанного с кириллицей и латиницей, можно рассматривать как идеальные типы, которые в повседневной реальности Казахстана в чистом виде не встречаются. Будучи понятными конструктами, они доказали свою методологическую эффективность как важный инструмент познания социальной реальности. В данном случае, как утверждает казахстанский исследователь, речь идет об исследовании такого социального феномена как выбор алфавита

¹⁵ Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 28 февраля 2007 г. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-28-fevralya-2007-g (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁶ Указ Президента Республики Казахстан от 19 февраля 2018 г. № 637 «О внесении изменения в Указ Президента Республики Казахстан от 26 октября 2017 года № 569 «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику». URL: <https://qazlat.kz/ru/docs/ukaz637> (дата обращения: 31.01.2021). В новом казахском алфавите, который утвердили в 2018 году, 32 буквы. В написании шести из них — Ә, Ғ, Қ, Ө, Ү, У — используются диакритические знаки-акуты. Гласная И и Й — пишется без точки, а буквы Ч и Ш будут обозначаться диграфами — ch и sh.

в контексте национальной идентичности Казахстана, на который оказывают свое воздействие разнонаправленные цивилизационные ориентации. Для сегодняшнего Казахстана таким моментом истины является выбор алфавита казахского языка. «За латиницу — пишет Р.К. Кадыржанов — выступают те, кто верит, что национальная идентичность Казахстана должна определяться его тюркской идентичностью. Латиницу используют большинство других тюркских государств, в том числе те, что раньше входили в СССР. Поэтому латиница должна стать в современных условиях общей письменностью всех тюркских языков, а кириллица воспринимается как препятствие для культурной идентичности региона Центральной Азии и тюркского мира» [17].

Исходя из подобных представлений о соотношении языковой политики и идентичности, можно сделать вывод о постепенном снижении внимания к русскому языку и возрастанию значения английского языка по мере интеграции Казахстана в глобальные экономические связи.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ

Государственные символы — один из неотъемлемых атрибутов любого государства, олицетворяющих его идентичность и суверенитет. Флаг, герб, гимн, архитектура, памятники, карты, герои — такие элементы являются важными символами, используемыми в процессе национального строительства с точки зрения формирования общих каналов взаимодействия в обществе. Государственные символы в Казахстане являются этнополитической основой государства. Именно поэтому, как полагают турецкий политолог Умут Озкирими,

статуя Ленина в центре Алматы была заменена статуей Золотого Воина, мифической фигурой, которая символизировала идентичность казахов еще в третьем веке до нашей эры. Кроме того, топографические названия — в основном советские названия улиц и городов — были заменены казахскими названиями, которые символически национализировали государство, выдвинув его казахский этнополитический уклад на первый план [18].

Три государственных символа Казахстана — государственный флаг, государственный герб и государственный гимн — были созданы после обретения независимости в 1992 году. 4 июня 2007 года был принят Конституционный Закон «О государственных символах Республики Казахстан» с описанием флага, герба и гимна. В соответствии со статьей 13 закона «в целях воспитания гражданственности и патриотизма, любви к своей Родине — Республике Казахстан, формирования уважения к государственным символам Республики Казахстан, а также понимания их сущности и значения их изучение включается в основные общеобразовательные программы¹⁷» учебных заведений различных уровней. Значимость государственных символов подтверждена тем, что соавтором слов к гимну в 2006 году стал Н.А. Назарбаев.

Среди значимых символов, используемых в воображении нации, особое место занимают памятники и архитектура. Строительство монументальных зданий было характерно для новой столицы Республики — Астаны, которая приобрела совершенно иной величественный вид и является архитектурным символом современного Казахстана. В Астане (с 2019 г. — Нур-Султане) монументализированы наиболее

¹⁷ Конституционный закон Республики Казахстан от 4 июня 2007 года № 258-III «О государственных символах Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.06.2018 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30106150#pos=3;-106 (дата обращения: 01.02.2021).

важные для казахской истории вехи: памятник Байтерек высотой 97 метров, символизирующий представления кочевников об устройстве Космоса; Дворец мира и согласия, построенный в соответствии с пропорциями золотого сечения архитектором Н. Фостером; карта Казахстана «Атамекен», расположенная в этнопарке, где представлены достопримечательности страны в миниатюре.

Еще один элемент государственной символики — героизм, чаще всего имеет мифологическую природу. По мнению турецкого исследователя Утку Япычи, националистические мифы — это рассказы, которые избирательно передают прошлое нации и ее место в мире. Таким образом, войны, опустошения, воскресения, пробуждения, победы, золотые века, поражения, сопротивления и многие другие события, социальные практики и процессы, личности, традиции, земля и цивилизация могут быть субъектами этих повествований, которые определяют отношения нации с прошлым, настоящим и будущим. В этих рамках пытались создать героические мифы со ссылкой на ахейцев, монголов и гоктюрок в казахской историографии. Естественно, эти герои выбираются и изображаются среди непобедимых героев, которые спасают народ от гнета и венчают его победой в войнах. Например, основатели Казахского ханства Керей-хан и Жанибек-хан (1465-1480 гг.), Аблай-хан (1771-1781 гг.). Руководители ханства пытались противостоять двустороннему давлению, с одной стороны, Китая, с другой стороны, России, например, Кенесари Хан (1841-1847 гг.), который героизирован в контексте мифа о предках [19, 14].

В рамках национального строительства современный героизм может проявляться в различных сферах. Например, личности, которые достигли успеха в медици-

не, литературе и политике, также играют важную роль в укреплении национального единства сегодня. В этом отношении первый президент Казахстана Н. А. Назарбаев представлен как символ отца-основателя нации. Например, статуя Назарбаева находится на многих площадях в столице Казахстана Нур-Султан — города, названного его именем. Как можно видеть, общая история и миф, которые имеют жизненно важное значение в государственном строительстве, расширены посредством письменных источников, и они становятся осязаемыми и видимыми в стране на все времена с помощью таких символов, как памятники и скульптуры.

Процесс формирования национального самосознания народа Казахстана после обретения независимости потребовал полного отказа от советской символики и идеологических пережитков. В качестве отличительной черты формирования национальной идентичности и пробуждения национального самосознания Казахстана сделан акцент на возрождении и реализации этнокультурных символов казахского народа. Это связано с тем, что в период после обретения независимости, когда история Казахстана была тесно переплетена с национализмом, национальная политика стала широко использоваться в качестве идеологического инструмента. Такая национализация истории — обычное явление в практике национальной политики в постсоветских государствах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает опыт постсоветских стран, «доминирование и в политике идентичности, и в самоидентификации граждан государственного начала в сочетании с этническими ориентирами поддерживает гибридные формы идентичности, сочетающие модернизационные и архаические

черты» [2]. На формирование национальной идентичности кроме рассмотренных в статье факторов оказывают влияние процессы глобализации, которые способствуют, с одной стороны, встраиванию Республики в мировую экономику, с другой стороны, проведению такой культурной политики, которая обеспечит Казахстану возможность оставаться уникальным государством со специфической культурой полиэтничной нации.

Казахстан строит свою государственность, основываясь на доминировании казахской этнической элиты, при этом проводя политику объединения разных этносов в единую казахстанскую нацию. В 2010-е гг. стратегическим приоритетом в развитии страны было заявлено достижение национального единства, основанного на признании общей для всех граждан системы ценностей и принципов¹⁸. Таким образом, политика консолидации на основе формирующихся институтов и практик последовательно претворяется в жизнь по инициативе первых лиц государства. Тем не менее, существующие социальные противоречия в ходе нациестроительства свидетельствуют об актуальности дискурса национальной и гражданской идентичности, относительно которых активные дискуссии ведутся не только в академической среде, но и среди других негосударственных

участников социально-политического процесса — институтов гражданского общества, исламских религиозных организаций, православной церкви.

Проводимая в Казахстане языковая, образовательная и символическая политика, в основном, базируется на апелляции к прошлому, к традиционным ценностям и символам, которые дополняются новыми ценностями, исходя из объявленного нового политического курса — Стратегии «Казахстан-2050». Реализация данного проекта, главной целью которого является создание общества благоденствия на основе сильного государства, развитой экономики и возможностей всеобщего труда, возможно лишь при активной поддержке всего населения Казахстана, что предполагает построение гражданской нации.

Гражданская идентичность связана с такими «позитивными тенденциями, как рост доверия в обществе, уверенности в себе, ориентации на достижения, укрепление чувства хозяина на своей земле» [7]. Мир и согласие, диалог культур и религий, характерные для современного Казахстана, являются основой гражданского мира, межнационального согласия и политической стабильности, необходимые для построения современного успешного государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фреде де Э. Культура, цивилизация и идентичность. *Полис. Политические исследования*. 2012;5:17-23.
2. Семенов И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В. И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсо-

ветском пространстве. *Полис. Политические исследования*. 2017;5:54-78.

3. Van den Berghe P. The ethnic phenomenon. Westport: Greenwood Publishing Group, Inc.; 1987.

¹⁸ Доктрина национального единства Казахстана (одобрена Администрацией Президента и направлена в Правительство 29 апреля 2010 года). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30501158#pos=8;-44 (дата обращения: 01.02.2021).

4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. Москва: Кучково поле; 2016. 416 с.
5. Современная политическая наука: методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство «Аспект Пресс»; 2019. 776 с.
6. Сморгунев Л.В. Политическая идентичность и понятие политического. *Полис: Политические исследования*. 2012;6:178-185.
7. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России. *Полис. Политические исследования*. 2015;5:9-24.
8. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Москва: ТОО «Мишель и К»; 1993. 501 с.
9. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. *Полис. Политические исследования*. 2010;2:90-105.
10. Соловьев О.М. Политические институты. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета; 2003. 148 с.
11. Тишков В. А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить. Отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова. Культурная сложность современных наций. Москва: Политическая энциклопедия; 2016. С. 7-18.
12. Оспанов Т.Т. Поиски казахской идентичности в условиях глобализации. *Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки»*. 2013;4(39):64-66.
13. Aitymbetov N., Toktarov E., Ormakhanova Y. Nation-Building in Kazakhstan: Kazakh and Kazakhstani Identities Controversy. *Bilig*. 2015;74:1-20.
14. Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК; 2014. 168 с.
15. Wimmer Andreas. The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. *American Journal of Sociology*. 2008;113(4):970-1022.
16. Kesici Ö. The Dilemma in the Nation-Building Process: The Kazakh or Kazakhstani Nation? *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2011;10(1):31-58.
17. Кадыржанов Р.К. Выбор алфавита — выбор идентичности. *Известия НАН РК. Серия общественных наук*. 2009;5:97-110.
18. Özkırmılı U. Contemporary Debates on Nationalism: A Critical Engagement. (Translate into Turkish by) Y. Başkavak, (1 edn.). İstanbul: İstanbul Bilgi University Publishing; 2010.
19. Yapıcı U. Sovyet Sonrası Coğrafyada Devlet ve Milliyetçilik: Estonya, Ukrayna ve Kazakistan Örnekleri. İstanbul: Tan Kitabevi; 2011.

REFERENCES

1. Frede de E. Culture, civilization and identity. *Polisy. Political Studies*. 2012;5:17-23. (In Russ.)
2. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Politics in the Post-Soviet Space. *Policy. Political Studies*. 2017;5:54-78. (In Russ.)
3. Van den Berghe P. The ethnic phenomenon. Westport: Greenwood Publishing Group, Inc.; 1987.
4. Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism / Per. from English. V. Nikolaev; entry Art. S.P. Bankovskaya. Moscow: Kuchkovo pole; 2016. 416 p. (In Russ.)
5. Modern political science: methodology. Ed. O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Publishing house “Aspect Press”; 2019; 776 p. (In Russ.)

6. Smorhunov L.V. Political identity and the concept of the political. *Polis: Political Studies*. 2012;6:178-185. (In Russ.)
7. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Civil and ethnic identity and the image of the desired state in Russia. *Policy. Political Studies*. 2015;5:9-24. (In Russ.)
8. Gumilev L.N. *Ethnogenesis and the Earth's biosphere*. Moscow: TOO "Mishel' i K0"; 1993. 501 p. (In Russ.)
9. Malinova O.YU. Symbolic politics and the construction of macro-political identity in post-Soviet Russia. *Policy. Political Studies*. 2010;2:90-105. (In Russ.)
10. Solov'yev O.M. Political institutions. St. Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta; 2003. 148 p. (In Russ.)
11. Tishkov V.A. Complicating diversity: how to understand and organize it. Resp. ed. V.A. Tishkov, E.I. Filippov. *Cultural complexity of modern nations*. Moscow: Political encyclopedia; 2016. P. 7-18. (In Russ.)
12. Ospanov T.T. The search for Kazakh identity in the context of globalization. *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Series "Historical and Socio-Political Sciences"*. 2013;4(39):64-66. (In Russ.)
13. Aitymbetov N., Toktarov E., Ormakhanova Y. Nation-Building in Kazakhstan: Kazakh and Kazakhstani Identities Controversy. *Bilig*. 2015;74:1-20.
14. Kadirjanov R.K. Ethnocultural Symbolism and National Identity of Kazakhstan / Ed. ed. Z.K. Shaukenova. Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK; 2014: 168. (In Russ.)
15. Wimmer Andreas. The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. *American Journal of Sociology*. 2008;113(4):970-1022.
16. Kesici Ö. The Dilemma in the Nation-Building Process: The Kazakh or Kazakhstani Nation? *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2011;10(1):31-58.
17. Kadirjanov R.K. Choosing an alphabet — choosing an identity. *Izvestiya NAN RK. Social Science Series*. 2009;5:97-110. (In Russ.)
18. Özkırmılı U. Contemporary Debates on Nationalism: A Critical Engagement. Y. Başkavak, (1 edn.). İstanbul: İstanbul Bilgi University Publishing; 2010. (In Turk.)
19. Yapıcı U. Sovyet Sonrası Coğrafyada Devlet ve Milliyetçilik: Estonya, Ukrayna ve Kazakistan Örnekleri. İstanbul: Tan Kitabevi; 2011. (In Turk.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Николай А. Баранов, доктор политических наук, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия; 199178, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр. В.О., д. 57/43; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 7-й подъезд;
nicbar@mail.ru

Севги Кок, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 7-й подъезд;
kok.sevgi@mail.ru

Nikolay A. Baranov, Doctor of Political Science, North-West Institute of Management, RANEPa, St. Petersburg, Russia; bld. 57/43, Sredny prospect V.O., St. Petersburg, 199178, Russia; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 7th entrance, bld. 1/3, st. Smolny, 191124, St. Petersburg, Russia;
nicbar@mail.ru

Sevgi Kok, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; 7th entrance, bld. 1/3, st. Smolny, 191124, St. Petersburg, Russia;
kok.sevgi@mail.ru

Гуманитарная политика России на современном этапе

Александр С. Бохан

Дипломатическая академия МИД России, Москва,

Ucozworking@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается системная реализация гуманитарной политики России на основе целей, зафиксированных в документах стратегического планирования. Рассматриваются различные трактовки гуманитарной политики в официальных документах, выступлениях первых лиц государства, а также экспертной среде. Анализируются различные определения термина «гуманитарный», сравниваются трактовки отечественных и западных специалистов по тематике гуманитарных проблем, проводится сопоставление подходов. Так же анализируется такое понятие как «мягкая сила», поскольку в российских концептуальных документах оно часто рассматривается в одном ряду с гуманитарной деятельностью. Разбирается деятельность российских акторов в сфере гуманитарной политики, проводится анализ их основополагающих документов. Основной целью данной статьи является попытка ответить на вопрос, является ли нынешняя система гуманитарной политики тем инструментом, с помощью которого возможно достичь поставленных целей.

Ключевые слова: гуманитарная деятельность, мягкая сила, гуманитарные организации, Россотрудничество, публичная дипломатия, гуманитарные науки, развитие, внешняя политика, культурная дипломатия, международные отношения

Для цитирования: Бохан А.С. Гуманитарная политика России на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):152-162. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-152-162>

Статья поступила: 23.01.2021

Принята в печать: 25.02.2021

Опубликована: 27.03.2021

Russia's Humanitarian Policy at the Present Stage

Alexander S. Bokhan

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

Ucozworking@yandex.ru

Abstract: This article deals with a system of a humanitarian policy of Russia in accordance with

the documents of strategic planning. Different interpretations of the definition “humanitarian policy” are considered, which are taken from official documents, official speeches as well as from expert community. There is also a comparison of the Russian and Western interpretation of the definition of “humanitarian”. The article touches upon concept of “Soft power” because this term is closely relative to the humanitarian sphere in Russian strategic documents. The activities of the Russian organizations in the humanitarian field are examined on the basis of their strategic documents. This article seeks to determine whether the modern system of the Russian humanitarian policy is a suitable tool for the implementation of its objectives.

Keywords: humanitarian activity, soft power, humanitarian organizations, Rossotrudnichestvo, public diplomacy, humanities, development, foreign policy, cultural diplomacy, international relations

For citation: Bokhan A. S. Russia’s Humanitarian Policy at the present stage. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):152-162. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-152-162>

Received: 23.01.2021

Revised: 25.02.2021

Published: 27.03.2021

ВВЕДЕНИЕ

Система российской гуманитарной политики во многом является пленницей бюрократической путаницы. В различных документах стратегического планирования зачастую озвучиваются совершенно разные определения понятий «гуманитарный(ое)». Похожая ситуация в сфере определений к термину «гуманитарный» наблюдается и в экспертной среде. Кто-то связывает «гуманитарное» с «мягкой силой», кто-то с продвижением русского языка и культуры, а кто-то с гуманитарной помощью.

ПОНЯТИЕ «ГУМАНИТАРНЫЙ(ОЕ)» В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РФ

В основополагающем документе по внешней политике России «Концепция внешней политики» от 2016 года под гуманитарной деятельностью понимается сразу несколько сфер: права человека, защита российских граждан за рубежом, защита соотечественников за рубежом, продвиже-

ние русского языка, развитие культурных и гуманитарных связей славянских народов, противостояние попыткам ревизии истории и оправдания нацизма [1].

Смысловая путаница, связанная с чрезмерно широким охватом затрагиваемых проблем, не позволяет создать эффективный инструмент для определения конечных результатов. Например, одна из целей в области гуманитарной политики в Концепции звучит так: «консолидировать российскую диаспору в других странах, чтобы она могла успешнее защищать права своих членов» [1]. При этом не уточняется, какие критерии выполнения у этой задачи. Отдельным пунктом выделена роль русского языка в мировой политике, а также подчеркнута необходимость его распространения в мире. Однако в этом случае также отсутствуют критерии достижения поставленных целей.

В Стратегии национальной безопасности понятие «гуманитарный» раскрывается

еще более скудно. Вводится новый термин «гуманитарная среда», однако к нему не дается никакого конкретного пояснения. Пространное определение стратегической цели в области «гуманитарного пространства» в Стратегии звучит не менее размыто: стратегическая цель национальной безопасности в области культуры — это «повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве» [2].

В специализированных документах понятие «гуманитарный» раскрывается подробнее, однако это не избавляет эти определения от понятийного хаоса. В Стратегии государственной культурной политики до 2030 года термин «гуманитарный» рассматривается как синоним слову «культурный» [3]. Мы считаем, что подобное уподобление терминов, во-первых, противоречит Концепции внешней политики, где основным приоритетом гуманитарной политики была задана сфера прав человека; во-вторых, создает и без того сильный хаос при определении понятий. В Стратегии культурной политики отдельно от понятия «культурный» термин «гуманитарный» употребляется тогда, когда речь идёт о «гуманитарном влиянии». Далее в контексте речь о «мягкой силе», а так же о «культурной политике». Полный список целей выглядит так:

1. Расширение ареала изучения русского языка в мире
2. Противодействие искажению российской истории
3. Создание благоприятной институциональной среды для работы центров русской культуры за рубежом
4. Продвижение международного имиджа России
5. Расширение сотрудничества профессиональных сообществ
6. Популяризация туристской привлекательности России и создание инфра-

структурных условий для въездного туризма

7. Использование возможностей интернет-сайтов и социальных сетей для презентации российской культуры, искусства и творчества народов России [3]

В Концепции содействия международному развитию термин «гуманитарный» употребляется как составная часть понятия «культурно-гуманитарное влияние России в мире» [4]. В задачах и принципах государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию есть пункт о «укреплении позитивного восприятия Российской Федерации и ее культурно-гуманитарного влияния в мире» [4].

Существует еще целый ряд профильных документов, как, например, «Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом», однако в них содержатся слишком узкие определения, которые не позволяют понять всю картину целиком.

На основе вышеприведенных определений можно сделать вывод, что документы, определяющие термин «гуманитарный», во многом противоречат друг другу, у них отсутствует единая стратегическая линия, которая определяется единой стратегической целью.

Показательным примером путаницы и даже непонимания специфики гуманитарной деятельности служит ситуация с подпрограммой «Осуществление деятельности в сферах международного гуманитарного сотрудничества и содействия международному развитию» государственной программы «Внешиполитическая деятельность». Этот документ один из немногих задает числовые параметры эффективности гуманитарной деятельности. Однако тут же следует привести дословную цитату из докумен-

та, чтобы можно было оценить верность выбора критериев: «Целевые индикаторы и показатели программы. В силу специфики внешнеполитической деятельности определить количественные параметры результатов по целому ряду ее направлений не представляется возможным. К действующим показателям относятся следующие (в привязке к задачам):

1. Количество государств, с которыми Российская Федерация поддерживает дипломатические и консульские отношения (ед.)
2. Объем консульских действий, связанных с обслуживанием российских граждан (тыс. ед.)
3. Объем консульских действий, связанных с обслуживанием иностранных граждан (тыс. ед.)
4. Количество международных и межгосударственных организаций и объединений, через взаимодействие в рамках которых реализуется государственная политика Российской Федерации в сфере международных отношений и в бюджет которых осуществляются платежи (взносы) ответственным исполнителем (соисполнителями) государственной программы (ед.)
5. Полнота исполнения расходных обязательств Российской Федерации, принятых в целях реализации межгосударственных договоров и подлежащих исполнению за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета (%)
6. Доля стран, в которых осуществляется деятельность Россотрудничества, в общем числе стран мира» [5].

Как можно заметить, количество открытых офисов Россотрудничества является одним из главных критериев оценки эффективности работы. Это недопустимо, даже несмотря на различные трактовки гуманитарной деятельности в главных

концептуальных документах, поскольку этот критерий не может показать эффективность работы на основании ни одного из них.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССОТРУДНИЧЕСТВА В ЗОНЕ ЗАЯВЛЕННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Организаций, занимающихся гуманитарной проблематикой в Российской Федерации, не очень много. Прежде всего, это Россотрудничество, а также несколько фондов, такие как фонд Горчакова, фонд «Русский мир». Гранты на проекты в области публичной и общественной дипломатии выдает фонд президентских грантов. Проанализировать их деятельность с помощью системного подхода очень сложно, поскольку, во-первых, в России отсутствует единая концепция гуманитарной политики, во-вторых, даже в рамках одной организации зачастую работники вынуждены заниматься совершенно разными сферами. Например, Россотрудничество одновременно отвечает за поддержку соотечественников, продвижение русского языка, образовательные обмены. Это сильно снижает эффективность работы и не дает значимых результатов ни на одном из полей деятельности.

У Россотрудничества непрозрачная отчетность. В ежегодном отчете о деятельности организации за 2019 год говорится: «В 2019 г. Россотрудничество продолжило реализацию общественно-гуманитарных проектов, направленных на формирование у зарубежной общественности объективного восприятия нашей страны, её роли и места в мировой истории» [6]. При этом совершенно не уточняется, что такое «объективное восприятие» и на основании чего можно сделать вывод, что у зарубежной общественности сформировался именно это самое объективное восприятие нашей страны. Далее идёт перечисление

конкретных реализованных проектов за календарный 2019 год. Среди них встречаются гастроли артистов и певцов, награждение медалями, организация выставок и т.д. Абсолютно непонятно, каким образом все эти предпринимаемые шаги позволят создать у зарубежной общественности «объективное восприятие нашей страны». Откровенной отговоркой выглядит часть, посвященная содействию международному развитию. Официальное определение ООН звучит так: «Цель развития заключается в оказании помощи людям, с тем чтобы они стали более производительными, а также в повышении качества жизни каждого отдельного человека, семьи, общин и стран в целом. Когда люди становятся более производительными, страна оказывается в более выгодном положении с точки зрения торговли с другими странами, а расширение торговли влечет за собой увеличение количества товаров и услуг, что способствует улучшению условий жизни. Вместе с тем развитие является сложным процессом. Правительство страны должно в равной мере уделять внимание социальным, экономическим, политическим и экологическим проблемам для того, чтобы обеспечить устойчивое и выгодное для всех развитие. Достижение приемлемых условий жизни для всех людей подразумевает обеспечение доступа к следующим ресурсам: продовольствие, жилье, работа, медицинское обслуживание, образование, безопасность» [7]. В отчете Россотрудничества нет никакой конкретики относительно того, что сделано на этом направлении. Говорится только об организации семинаров, круглых столов и информировании населения [6]. При подобной отчетности невозможно вообще как-либо определенно оценивать успехи организации на любом из направлений в конкретном КРІ.

На современном этапе Россотрудничество в лице своего нового руководителя Е. Примакова заявляет о том, что организация будет следовать новому курсу по выстраиванию отношений с зарубежными партнёрами. Во-первых, теперь ведущая роль будет отведена постсоветскому пространству. Именно туда будут переводиться ведущие кадры со всего мира для работы в гуманитарной сфере [8]. Во-вторых, намечается переосмысление многих целеполагающих установок внутри организации. По словам Примакова, в будущем планируется больше внимание уделять конкретным проектам. Это может быть как оказание немедленной помощи здесь и сейчас, так и долгосрочная инвестиция в постройку предприятий [9]. При этом не отмечается, будет ли кардинально пересмотрено стратегическое целеполагание в деятельности организации. Также неизвестно, будут ли введены новые критерии оценки эффективности.

За исключением Россотрудничества, фонды не раскрывают свою финансовую отчетность. В СМИ просачивалась информация о финансировании фонда «Русский мир» в размере 446 млн рублей в 2017 году [10]. Годовая отчетность Россотрудничества показывает объём бюджетных дотаций в размере около 4,1 млрд рублей [11].

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ТЕРМИНА «ГУМАНИТАРНЫЙ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУЧНЫХ ШКОЛАХ

После рассмотрения термина «гуманитарный» в целеполагающих документах стратегического планирования необходимо также рассмотреть его определение в экспертной среде. В ней тоже нет единого понимания понятия «гуманитарная деятельность». Одни специалисты пишут о гуманитарном сотрудничестве в контексте политики «мягкой силы» [12], другие

делают упор на образовательные программы [13], третьи пишут про продвижение русского языка [14]. Более того, часто отечественными специалистами совершенно не учитывается исторический и культурный контекст формирования тех или иных понятий. Часто российские эксперты слепо копируют западные подходы, совершенно не учитывая тот факт, что условия возникновения этого явления были совершенно иными, нежели в нашей стране.

Существует кардинальная разница в понимании термина «гуманитарный» в западной и отечественной научных школах. Если в России в государственных документах и экспертной среде всегда делается упор на контакты в сфере образования, науки и продвижения русского языка, то в западной науке история термина «гуманитарный» имеет совершенно иную природу. Временем его возникновения можно назвать XIX век. Тогда понятие «гуманитарный» становится обозначением особого понимания человеческой природы, а именно равенства людей как человеческих созданий вне зависимости от расовой, национальной или религиозной принадлежности («гуманитарная религия»). На этом фундаменте возникает множество организаций, которые главной своей целью исповедуют служение человечеству как нечто целому, свободному от любых границ. В этом их коренное отличие от традиционной филантропии, которая видела своей целью оказание помощи определенным и узконаправленным категориям населения. На этом фундаменте возникают различные организации по оказанию гуманитарной помощи. В дальнейшем главное место в этой сфере займет МККК, однако с той оговоркой, что он во многом будет являться обычным регулятором. В конце 80-х – начале 90-х годов на уровне ООН [15] и Международного суда [16]

произошло окончательное слияние терминов «гуманитарная деятельность» и «гуманитарная помощь», и теперь в публичном поле они являются синонимами. Другое понимание гуманитарной проблематики формировалось в России в контексте становления новой, отличной от остального мира идеологической парадигмы. Советские вожди впервые в истории обратились к народам других стран напрямую, минуя правительства. Для них, как и для адептов «гуманитарной религии», государственные границы играли второстепенную роль в восприятии человечества. Это была своего рода конкурентная мессианская альтернатива западным утопистам, основанная на солидарности угнетенных разных стран и континентов. В своей работе «Витрина великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского союза и его западные гости» М. Дэвид-Фокс рассматривает процесс создания советским руководством целой системы квази-негосударственных акторов для поддержания неформальных связей с обществами других стран с целью практического воплощения своих замыслов по перестройке мира [17]. Через эти организации СССР, во-первых, сообщал о своих успехах в деле построения «рая на земле», а во-вторых, вел подрывную пропагандистскую деятельность против правительств буржуазных стран [18]. Именно в контексте этих действий и началось формирование той интеллектуальной среды, из которой впоследствии возникнет уникальное от западного понимание как гуманитарной деятельности как поддержания неформальных контактов в различных неполитических областях, так и «мягкой силы» как инструмента пропаганды.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что, помимо внутренней терминологической неразберихи и отсутствия единой стратегической линии, существует еще

и расхождение между практически всеми российскими определениями гуманитарной деятельности и его западным аналогом.

ПОНЯТИЕ «МЯГКАЯ СИЛА» В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ

Особое внимание следует уделить тому, чтобы перестать отождествлять концепты «мягкой силы» и «гуманитарного сотрудничества» или «гуманитарной деятельности». Мягкая сила – это молчаливый рассказ о том, как и почему мы добились таких результатов, а гуманитарное сотрудничество в российском понимании этого термина является набором инструментов, который либо может показать этот путь к вершине, либо нет. А. Борисов в своих статьях подробно останавливается на проблематике концептуализации понятия «мягкая сила» в российском официальном и экспертном дискурсе. Он справедливо отмечает, что на сегодняшний момент большинство экспертов и государственных служащих в России не могут четко концептуализировать термины «гуманитарная деятельность» и «мягкая сила» [19]. Это может иметь критические последствия для выстраивания российского курса в области гуманитарной политики в дальнейшем. А. Борисов справедливо отмечает, что «мягкая сила» — это не инструмент, а во многом пассивная способность, образ и направление стремления к дальнейшему развитию [19]. «Мягкая сила» не может являться активным каналом коммуникации и уж тем более становиться аналогом понятия «пропаганда», поскольку пропаганда — это активное конструирование реальности, при котором средства коммуникации являются не обычным звеном передачи информации, а своего рода ретранслятором «новой реальности», формируемой в контексте

определенно заданных политических целей. Понятие «мягкая сила» не заточено под формирование новой реальности, оно лишь призвано рассказывать об успехах [20], при этом тактично умалчивая о провалах.

Следует отметить, что ни одна трактовка термина «гуманитарная деятельность», ни западная, ни российская, не пересекается с данным в этом контексте определением «мягкой силы». К сожалению, апологеты точки зрения, при которой эти понятия являются родственными, не дают своих точных определений касательно своей позиции. Это влечет за собой некритическое понимание этих терминов и даже их смешивание на экспертном уровне. Подобный подход к проблеме может негативно сказаться на выстраивании дальнейшей гуманитарной политики России, поскольку отсутствие осмысления базовых понятий не позволяет выстраивать стратегическое целеполагание. Как было проиллюстрировано выше, все определения гуманитарной деятельности из официальных документов касаются в абсолютном большинстве случаев проблематики продвижения русского языка и русской культуры за рубежом, защиты прав соотечественников, контактов в области культуры, науки и спорта. При подобных заявленных целях совершенно непонятно, каким образом может функционировать российская «мягкая сила». Проведение выставок и концертов за границей не является инструментом, с помощью которого можно добиться широкого охвата публики. Кроме того, проведение подобных мероприятий не является демонстрацией конкретных успехов и образа будущего, к которым могут стремиться другие люди, подражая российским институтам и практикам. В этом контексте напрашивается вывод, что вроде бы связанные в российском контексте понятия «гуманитарная деятельность» и «мягкая сила» существуют параллельно

друг с другом, фактически никак не влияя друг на друга. Этот парадокс может быть устранен только с помощью четкой концептуализации обоих терминов, причем с обязательным целеполаганием в документах стратегического планирования.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ПОВЕСТКИ В РФ

Для улучшения общей ситуации и для достижения заявленных целей в области гуманитарной политики России необходимо, прежде всего, составить единый документ, который стал бы базой для деятельности всех организаций в данной области.

Самая важная задача при формировании единого курса на основе единого документа в области гуманитарной политики — это конечное целеполагание и критерии оценки эффективности. Российская система основывается на том, что существуют множество институциональных механизмов для реализации заданной гуманитарной повестки по множеству направлений, однако всему этому многообразию крайне не хватает общих стратегических приоритетов. Ключевой вопрос должен звучать не «как это сделать?», а «зачем это делать?». Это должен быть ключевой постулат единой гуманитарной концепции Российской Федерации. После определения стратегических целей должны быть прописаны конкретные институциональные механизмы, с помощью которых можно достичь заявленных целей. При формировании подобных институциональных механизмов необходимо использовать системный подход, поскольку осуществление гуманитарной политики требует согласованной работы множества акторов государственной и негосударственной жизни. Помимо институционализации требуется создание благоприятной среды для возникновения различного рода НПО, которые должны

стать конечным инструментом реализации гуманитарной политики.

России необходимо встраивание в мировые гуманитарные тренды для определения направления дальнейшего развития гуманитарной деятельности в мире. Этот шаг позволит России существенно улучшить свой международный имидж, а также даст дополнительные рычаги при формировании общемировой политической повестки в современном нестабильном мире. Для этого требуется кардинальное переосмысление многих понятий в области гуманитарной деятельности на экспертном уровне в России, поскольку на международном уровне превалирует западное понимание гуманитарной деятельности. Также требуется разработка западных теоретических концептов понятия «гуманитарный» для переосмысления и дополнения всей отечественной научной парадигмы в данной области. Помимо теоретического уровня требуется также усиление российского представительства в международных организациях гуманитарного спектра. Исследователь Кузнецов считает, что именно недостаток российских влиятельных лиц в международных организациях поспособствовал тому, что имидж России в мире сильно пошатнулся после допинговых спортивных скандалов [21]. По его мнению, это закономерный итог слабой активности российских внешнеполитических органов в области привлечения отечественных специалистов на посты в международных организациях. Это лишает Россию возможности определять мировую политическую повестку во многих сферах, в т. ч. и гуманитарной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская система гуманитарной политики представляет собой набор инструментов, состоящий из множества институтов

с множеством задач, однако без заданных единых стратегических приоритетов. Российские концептуальные документы, несмотря на общее заданное направление, часто противоречат друг другу в частности, что порождает еще более сильный понятийный хаос. Экспертное сопровождение этого направления вносит еще большую неясность, поскольку, во-первых, отдаляет российское понимание гуманитарной проблематики от мирового, во-вторых, даже в рамках российского понимания темы способствует концептуальной путанице, которая иногда перерастает в полярное восприятие одного и того же понятия. Кроме того, в России на официальном и экспертном уровнях смешиваются принци-

пиально разные концепты гуманитарной деятельности и мягкой силы. Это влечет за собой негативные последствия в области стратегического планирования, поскольку «мягкая сила» воспринимается таким же инструментом, как гуманитарная деятельность на различных направлениях, что является ошибочным, поскольку пассивный образ априори не может являться активно применяемым инструментом. Он зависит от каналов ретрансляции, а так же не может быть изменен без искажения реальной действительности. Для выстраивания стратегической линии в области гуманитарной политики требуется концептуализация понятий «гуманитарная деятельность» и «мягкая сила».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена указом президента Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 01.10.20)
2. Стратегия национальной безопасности до 2030 года. Утверждена указом президента Российской Федерации В.В. Путиным 31 декабря 2015 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (дата обращения: 02.01.20)
3. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Утверждена указом председателя правительства Д. А. Медведева 29 февраля 2016 г. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/45830.html/> (дата обращения: 01.01.20)
4. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. Утверждена указом президента Российской Федерации В.В. Путиным 20 апреля 2014 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70540588/> (дата обращения: 04.10.20)
5. Государственная программа «Внешнеполитическая деятельность». Утверждена указом председателя правительства Д. А. Медведева 15 апреля 2014 г. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 29.09.20)
6. Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2019 год. URL: https://rs.gov.ru/uploads/document/file/14115/Доклад_о_результатах_деятельности_2019.pdf (дата обращения: 07.10.20)
7. Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/youthink/development.shtml> (дата обращения: 05.10.20)
8. Артищенко А. Россотрудничество меняет приоритеты. 5 ноября 2020. URL: <https://versia.ru/vedomstvo-po-svyazyam-s-sootechestvennikami-sosredotochitsya-narabote-v-blizhnem-zarubezhe> (дата обращения: 05.11.20)

9. Забродина Е. Не балалайкой единой. 17 ноября 2020. URL: <https://rg.ru/2020/11/17/glava-rossotrudnichestva-rasskazal-o-rabote-s-sootechestvennikami-za-rubezhom.html> (дата обращения: 17.11.20)
10. Качёв И., Кошкин П., Макаров О., Фейнберг А., Экономия на «мягкой силе». 24 июля 2017. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/07/24/59723c879a794741088d42d8> (дата обращения: 25.09.20)
11. Бюджетная отчетность на 01.01.2020. URL: https://rs.gov.ru/uploads/document/file/15404/Бюджетная_отчетность_на_01.01.2020.pdf (дата обращения: 02.10.20)
12. Кошель А.С. Мягкая сила как инструмент гуманитарного сотрудничества государств на евразийском пространстве. *Вестник московского университета*. 2015;18:2:160-171.
13. Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центрально-азиатскими партнёрами в рамках Шанхайской организации сотрудничества. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014;32(269):35-49
14. Баранова И.И. Международное сотрудничество в продвижении русского языка и русской культуры за рубежом. *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2018;7(26):8-16.
15. New international humanitarian order. Report of the Secretary-General Submitted pursuant to General Assembly resolution 38/125. Part One. A/40/348. 09.10.1985. Ad. 1. P. 41. URL: <https://undocs.org/en/A/40/348> (дата обращения: 05.10.20).
16. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports. 1986. P. 125.
17. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921-1941 годы: Пер. с англ. Москва. НЛО; 2015. 568.
18. What is Digital Diplomacy? URL: <https://digdipblog.com/countries-on-twitter-and-facebook/> (дата обращения: 03.11.20)
19. Борисов А.В. Гуманитарная деятельность России: к вопросу эффективности. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2020;4(26):55-68.
20. Борисов А.В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):130-141.
21. Кузнецов Е. «Мягкая сила» России: чего не хватает? 15 января 2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/myagkaya-sila-rossii-chego-ne-hvataet/> (дата обращения: 05.10.20)

REFERENCES

1. The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by the decree of the Russian President Vladimir Putin on November 30, 2016. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> [Accessed: 01.10.20] (in Russ.)
2. The National Security Strategy of Russia 2030. Approved by the decree of the Russian President W. Putin on December 31, 2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab-0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ [Accessed: 02.10.20] (in Russ.)
3. The National Cultural Strategy of Russia 2030. Approved by the decree of the Russian Prime Minister Dmitri Medvedev on February 29, 2016. URL: <http://www.consultant.ru/law/hot-docs/45830.html> [Accessed: 01.10.20] (in Russ.)
4. The Concept of the State policy in the sphere of International development assistance. Approved by the decree of the Russian President Vladimir Putin on April 20, 2014. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70540588/> [Accessed: 04.10.20] (in Russ.)
5. State Program “Foreign Policy”. Approved by the decree of the Russian Prime Minister Dmi-

- tri Medvedev on April 15, 2014. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> [Accessed: 29.09.20] (in Russ.)
6. The Performance Report of Rossotrudnichestvo on implementing its tasks, 2019. URL: https://rs.gov.ru/uploads/document/file/14115/Доклад_о_результатах_деятельности_2019.pdf [Accessed: 07.10.20] (in Russ.)
  7. Official Website of the UN. URL: <https://www.un.org/ru/youthink/development.shtml> [Accessed: 05.10.20] (in Russ.)
  8. Artischhenko A. Rossotrudnichestvo changes its priorities. 05 November 2020. URL: <https://versia.ru/vedomstvo-po-svyazyam-s-sootchestvennikami-sosredotochitsya-na-rabote-v-blizhnem-zarubezhe> [Accessed: 05.11.20] (in Russ.)
  9. Zabrodina E. Not by Balalaika Alone. 17 November 2020. URL: <https://rg.ru/2020/11/17/glava-rossotrudnichestva-rasskazal-o-rabote-s-sootchestvennikami-za-rubezhom.html> [Accessed: 17.11.20] (in Russ.)
  10. Tkachev I., Koshskin P., Makarov O., Feinberg A.. Saving on “Soft Power”. 24 July, 2017. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/07/24/59723c879a794741088d42d8> [Accessed: 25.09.20] (in Russ.)
  11. Budget Reporting, 01.01.2020. URL: https://rs.gov.ru/uploads/document/file/15404/Бюджетная_отчетность_на_01.01.2020.pdf [Accessed: 02.10.20] (in Russ.)
  12. Koshel A. Soft Power as an Instrument of Humanitarian Cooperation in the Post-Soviet Space. *The Journal of Moscow University, Sociology and Political Science*. 2015;18:2:160-171 (in Russ.)
  13. Morozov Y., Savronofa E. The Significance of Humanitarian Cooperation of Russia and China with their Central Asian Partners in the Framework of Shanghai Cooperation Organization. *National Interests: Priorities and Security*. 2014;32(269):35-49 (in Russ.)
  14. I. Baranova. International Cooperation in the Promotion of the Russian Language and Russian Culture Abroad. *Teaching Methodology in Higher Education*. 2018;7(26):8-16 (in Russ.)
  15. New international humanitarian order. Report of the Secretary-General Submitted pursuant to General Assembly resolution 38/125. Part One. A/40/348. 09.10.1985. Ad. 1. P. 41. URL: <https://undocs.org/en/A/40/348> [Accessed: 05.10.20]
  16. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986. P. 125.
  17. David-Fox M. Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921-1941. Oxford; 2012. p. 568
  18. What is Digital Diplomacy? URL: <https://dig-dipblog.com/countries-on-twitter-and-facebook/> [Accessed: 03.11.20]
  19. A. Borisov. Russian Humanitarian Activities: The Question of Efficiency. *The Herald of the Diplomatic Academy of MFA of Russia. Russia and the World*. 2020;4:55-68 (in Russ.)
  20. Borisov A. “Soft power”: Specificities of Domestic Understanding. *Post-Soviet Issues*, 2020;7:2:130-141 (in Russ.)
  21. Kuznetsov E. “Soft power” of Russia: What is missing? 15 January 2018. URL: <https://glo-balaffairs.ru/articles/myagkaya-sila-rossii-che-go-ne-hvataet/> [Accessed: 05.10.20] (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр С. Бохан, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1;
Ucozworking@yandex.ru

Alexander S. Bokhan, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
Ucozworking@yandex.ru

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-163-176>

Развитие внешнеполитических отношений между Японией и Россией: ретроспективный анализ

Ольга В. Смирнова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

sherlok.87@mail.ru

Аннотация. В статье проводится ретроспективный анализ развития политических отношений между Японией и Россией с середины XIX века до настоящего времени. Межгосударственные отношения имеют почти трехсотлетнюю историю, которая отражает различные периоды спада и подъёма, стабильности и напряженности. Шла и идет дипломатическая борьба государств за финансовое благополучие, влияние на мировых рынках, отстаивание своих интересов в территориальном вопросе и т. д. Но не смотря на такие моменты, эти отношения не выходили за грани «мирных». Россия и Япония, как сильные игроки тихоокеанского региона, всегда понимали необходимость сотрудничества и стремились к нему в политическом, экономическом и культурном форматах. На современном этапе, отношения Японии и России включают в себя разные направления: безопасность, экономика, культура, наука. Но неподписанное мировое соглашение, которое затянулось вот уже более чем на 70 лет, не дает широких возможностей дальнейшего развития продуктивных взаимовыгодных отношений. Через «предысторию» современных двухсторонних отношений России и Японии, определяется последовательность и характер взаимоотношений между странами. Ключевым аспектом, определяющим последовательность и характер взаимоотношений между странами, выступает историческая связь. Материал статьи ранжируется по временным периодам (этапам), исследуются факторы, которые оказывали влияние на каждом из этапов, определяются главные проблемы взаимоотношений. Особый акцент делается на проблемах современности, в частности территориального вопроса Южных Курил, которые сформировались исторически. Сегодня отношения строятся на решении общих задач в вопросах экономики и безопасности, энергетики. В рамках общих интересов Япония и Россия стремятся урегулировать давний спор. Таким образом, в статье последовательно раскрывается «предыстория» и характер современных двухсторонних отношений. Исследуются этапы, факторы, которые оказывали влияние на каждом из этапов, делаются соответствующие выводы и прогнозы.

Ключевые слова: Япония, Россия, история взаимоотношений, внешняя политика, Курильские острова, мирное соглашение, экономическая безопасность, культурные связи

Для цитирования: Смирнова О. В. Развитие внешнеполитических отношений между Японией и Россией: ретроспективный анализ. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):163-176. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-163-176>

Статья поступила: 16.02.2021

Принята в печать: 03.03.2021

Опубликована: 27.03.2021

Development of Foreign Policy Relations Between Japan and Russia: a Retrospective Analysis

Olga V. Smirnova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

sherlok.87@mail.ru

Abstract. The article provides a retrospective analysis of the development of political relations between Japan and Russia from the middle of the XIX century to the present. The international relations have a nearly three-hundred-year history that reflects various periods of recession and recovery, stability and tension. There was and is a diplomatic struggle of states for financial strength, influence on the world stage, standing up for the national interests in the territorial issue, etc. But despite such moments, these relations did not go beyond the boundaries of “peaceful”. Russia and Japan, as strong players in the Pacific region, have always understood the need for cooperation and have looked for it in political, economic and cultural formats. At the present stage relations between Japan and Russia include different areas: security, economy, culture, science. But the unsigned amicable agreement, which has been delayed for more than 70 years, does not provide ample opportunities for further development of productive mutually beneficial relations. Through the “prehistory” of modern bilateral relations between Russia and Japan, the sequence and nature of relations between the countries is determined. The key aspect that determines the sequence and nature of relations between countries is the historical connection. The material of the article is ranked by time periods (stages), the factors that influenced each of the stages are investigated, and the main problems of the relationships are determined. Special emphasis is placed on the problems of our times, in particular the territorial issue of the Southern Kuril Islands, which were formed historically. Today the relations are based on solving common problems in the economy, security and energy. Within the framework of common interests Japan and Russia are seeking to resolve a long-running dispute. Thus, the article consistently reveals the “prehistory” and the nature of modern bilateral relations. The stages and factors that influenced each of the stages are studied, the corresponding conclusions and forecasts are made.

Keywords: Japan, Russia, history of relations, foreign policy, the Southern Kuril Islands, peace agreement, economic security, cultural ties

For citation: Smirnova O. V. Development of foreign policy relations between Japan and Russia: a retrospective analysis. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):163-176. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-163-176>

Received: 16.02.2021

Revised: 03.03.2021

Published: 27.03.2021

ВВЕДЕНИЕ

Соприкосновение интересов Японии и России произошло лишь в эпоху колониализма. За все то время, когда Япония узнала о своем большом соседе (а это чуть более трехсот лет), ей приходилось налаживать отношения вначале, с Российской империей, затем с Советским Союзом, а позже и с Российской Федерацией. Япония всегда стремилась быть гегемоном в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поэтому соседям с ее могуществом приходилось считаться.

Российское государство выступало крупнейшей азиатской державой для стран Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. В течение всего времени Россией преследовались одни и те же интересы, основанные на территориальном расширении и рациональном ее освоении. Продолжительное время геополитические интересы России были направлены в сторону Европы и Ближнего Востока, во времена СССР — Америки. Дальневосточные территории считались малоосвоенными и невостребованными.

Российско-японские отношения одновременно сочетают в себе важность и противоречивость, поскольку прошли очень сложный исторический путь, повлекший за собой ряд войн и споров, в частности — по территориальному вопросу.

За весь период взаимоотношений позитивные и дружественные настроения, часто сменялись негативными, перерастая в политическую напряжённость и состояние войны. Когда интересы двух стран совпадали, то Япония находилась на стороне союзника, если нет — на стороне противника.

Первые сведения о Японских островах в России появляются около 1697 года, благодаря открытиям В. В. Атласова [1] — царского приказчика и сборщика дани с ново присвоенных земель. Примерно

в это же время и Япония узнает о своем большом русском соседе от голландских и китайских торговцев. Интерес к восточному соседу проявляли, в первую очередь, русские купцы, обладая большим желанием установить с ней торговые связи. Именно они и обратили внимание российского правительства на возможность выгодных отношений с Японским государством.

Наиболее прочно, в орбиту интересов России, Япония попадает во 2-й половине XVIII века, когда возрастает интерес западных держав к «открытию Японии», о чем свидетельствуют экспедиции Кука, Лаперуза, Ванкувера и Броутона [2]. Попытка установить дипломатические русско-японские отношения была предпринята в связи с экспедицией Э. Лаксмана (1792–1793 гг.), которая фактически явилась первым русским посольством в Японию [3].

Однако Япония оставалась закрытой страной вплоть до 1853 года, и осуществление задуманного было невозможно. Только в 1853 году Япония прекращает политику самоизоляции и открывает свои границы, во многом благодаря усилиям русского графа-адмирала Е. В. Путятина (1804–1883 гг.) [4]. В японском городе Симода русский дипломат и министр иностранных дел Японии Тосиакирой Кавадзи, подписали первый договор о дружбе и торговле — Симодский трактат [5] — декларирующий дипломатические отношения между Россией и Японией. Так в 1855 году было положено начало межгосударственной русско-японской дипломатии.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Продвижение русских на восток стало закономерным результатом экономического возвышения России во второй трети XVIII века. Определяющим, в этом процессе, стало развитие товарно-денежных отношений. Пушнина и моржовый клык, которыми

были богаты Сибирь и Дальний Восток, широко использовались во внешней торговле, способствовали росту доходов купцов и промышленников-добытчиков. Не менее важной была задача обеспечения безопасности России от набегов кочевых племен с востока и юго-востока, создания прочного тыла для более успешного решения военно-политических задач на западе страны.

Успешное освоение русскими землепроходцами и промышленниками Дальнего Востока включило Россию в орбиту активных взаимоотношений со странами Тихоокеанского бассейна: Китаем, Монголией, Кореей и Японией. Усиливается влияние Японии и ее экспансионистские притязания на Китай и Корею как свои потенциальные колонии. Однако осуществление Японией экспансионистских планов в этом направлении зависело не только от сопротивления этих стран, но и от расстановки сил в регионе, и, от развития российско-японских отношений. Поэтому вторая половина 19 века для Японии наполнена идеей необходимости политического союза с Россией.

Добрососедская обстановка меняется к XX веку. Расширение влияния Российской империи на Дальнем Востоке и ее территориальные притязания, привели к противоречиям между имперскими интересами двух стран [6]. Столкновение зон влияния Российской и Японской империй в Корее и Маньчжурии обусловили напряженность между странами. Российское правительство было крайне заинтересовано в сельскохозяйственной колонизации Приморья, и как следствие — в обеспечении беспрепятственной торговли через незамерзающие порты Жёлтого моря, такие как Порт-Артур. Япония, в свою очередь, взяла курс на экспансию ослабленной Кореи. Разгорелась русско-японская война (1904–1905 гг.), которая принесла победу

Японии и поражение России. Это позволило Японии стать одной из сильнейших морских держав того времени [7].

ВТОРОЙ ЭТАП. ДВЕ МИРОВЫЕ ВОЙНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Первая мировая война (1914-1918 гг.) играет особую роль в истории российско-японских отношений. Оба государства были союзниками Антанты — военного блока России, Франции и Великобритании и внесли общий вклад в победу. Япония выступала гарантом безопасности российского дальневосточного тыла. В свою очередь, Россия обезопасила западные японские территории. Во время Первой мировой войны Россия переживала тяжелый кризис из-за смены политической власти и революции. Спустя 4 года после окончания I Мировой войны Россия как государство существовать перестала. В декабре 1922 года был подписан и одобрен договор об образовании СССР [8]. В Азиатско-Тихоокеанском регионе противников у Японии практически не осталось. Из-за кризисов и революций СССР и Китай находились в состоянии упадка и не могли противостоять захватнической политике Японии.

В XX веке Япония активно меняла союзников. Первым стала Великобритания, затем, в 1930 году, Япония укрепила отношения с Германией. Отношения между Японией и СССР оставались довольно противоречивыми. Сближение Японии и СССР по вопросам внешней политики было практически невозможно ввиду того, что свод доктрин государств был диаметрально противоположным. Испокон веков Япония придерживалась консервативно-монархических традиций, ввиду чего коммунистические идеи массовой поддержки не находили. В 1930-х годах Япония начала придерживаться идеи ультраправого национализма,

что скорее сближало ее с Германией, пропагандирующей нацизм. Оба государства — Япония и Германия были не согласны с итогами Первой мировой войны и выступали за их пересмотр.) Поэтому Япония и фашистская Германия подписывают соглашение (Антикоминтерновский пакт от 25 ноября 1936 года [9]), целью которого официально стала борьба против коммунизма. Это был ключевой момент по отношению к СССР, а Вторая Мировая война стала основной площадкой для конфронтации двух стран.

Итогом Второй мировой войны стало подписание Японией Акта о безоговорочной капитуляции [10] и принятие условий Постдамской декларации. По окончании военных действий за Японией оставался контроль за островами Сикоку, Кюсю, Хоккайдо, Хонсю и рядом других территорий японского архипелага. Напротив, СССР отходили Шикотан, Итуруп, Кунашир и Хабомаи. Согласно указу Президиума Верховного совета от 2 февраля 1946 г. эти территории были включены в состав СССР [11]. Однако Япония не хотела с этим мириться, поэтому для нее стало хорошей возможностью не признать Сан-Францисский мирный договор от 8 сентября 1951 года, который Советская делегация тогда не подписала [12]. Договор не отвечал интересам СССР на Дальнем Востоке и не содействовал укреплению всеобщего мира. Фактически, проект договора создавал все условия для возрождения японского милитаризма, угрозу повторения японской агрессии. Проект закреплял пребывание на территории Японии иностранных вооруженных сил и содержание иностранных военных баз, что способствует участию Японии в агрессивных блоках на Дальнем Востоке, создаваемых под эгидой США. Проект договора также, противоречил тем обязательствам, кото-

рые взяли на себя США и Великобритания по Ялтинскому соглашению о возвращении Сахалина и о передаче Курильских островов Советскому Союзу. По мнению СССР, американо-английский проект являлся не договором мира, а договором подготовки новой войны на Дальнем Востоке.

Спустя 5 лет, Советский Союз и Япония подписывают другое соглашение — «Совместная Декларация СССР и Японии от 19 октября 1956 г.» [13], которое позволило прекратить состояние войны и восстановить дипломатические и консульские отношения между двумя странами. Без подписания мирного договора ввиду необоснованных территориальных претензий Токио [14]. Целью этой декларации было установление прочной и дружественной основы отношений Японии и России в области торговли, торгового мореплавания и других коммерческих взаимоотношений; в сохранении и рациональном использовании природных ресурсов рыбы и других морских биологических ресурсов; регулирования и ограничения ловли рыбы в открытом море.

Однако нерешенным оставался вопрос принадлежности Курил. После Второй мировой войны Южные Курилы не принадлежали Японии, но и не были включены в состав СССР. После подписания Акта о капитуляции основным внешнеполитическим союзником Японии стали США, Россия сформировала противоположный блок.

ТРЕТИЙ ЭТАП. ПОСТБИОПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД ОТНОШЕНИЙ

Датой начала современного развития двусторонних отношений считается 27 января 1992 года. В этот день Япония признала Россию «продолжателем» СССР [14].

Отношения с новым представителем СССР выстраивались на основании той самой декларации 1956 г. Прошлое взаимных

отношений привело к накоплению ряда нерешенных проблем, среди которых главной оставался территориальный вопрос и совместное хозяйствование на спорных территориях. Правительства обеих стран не стремились искать компромисса, а продолжали занимать твёрдую позицию относительно своих интересов. Отношения двух стран оставались на низком уровне до конца XX столетия. Во внешней политике обеих стран возникло осознание объективного закона — закона региональной общности, указывающего на то, что у наций, живущих в одной части мира, имеются общие интересы, связанные с поддержанием добрососедских отношений, экономической кооперации и взаимной поддержки. Опыт прошлого оказался для обеих стран «полезным», и позволял наладить сотрудничество в условиях неподписанного мирного.

Начиная с 2000 г., отношения между Токио и Москвой вступили в активную фазу. «Количество взаимных визитов на высшем уровне по сравнению с предыдущим периодом увеличилось довольно существенно. Президент В. В. Путин неоднократно встречался со своими коллегами, как в России, так и в Японии» [15].

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП. СОВРЕМЕННОСТЬ

Проблемы и задачи современности определяются позицией каждой из стран как по отношению друг к другу, так и по отношению к другим сильным игрокам на мировой арене, с которыми приходится считаться. За счет чего на сегодня обе державы столкнулись с одной стороны, с заманчивыми перспективами, с другой — высокими рисками. Так же территориальный вопрос остается открытым.

Россия не намерена отдавать все четыре острова Курильской гряды. Это: стратегически важная зона для России с точки

зрения региональной безопасности; незамерзающие проливы в Тихий океан; рыбный промысел; население Курил, втянутое в межгосударственные конфликты в случае передачи островов и разлом настроений внутри нашей страны с самыми негативными последствиями [16]. Однако для Японии (передача Курил России) это отличный шанс выйти из-под контроля американского гегемона. Ведь именно США все время были заинтересованы в неразрешенном конфликте между Россией и Японией по территориальному вопросу. Именно США были автором двусмысленного содержания Сан-Францисского мирного договора, и именно США, с началом холодной войны, всегда напоминали Японии о ее возможном праве на потерянные когда-то территории [17]. Имеется возможность говорить о росте прагматической составляющей по территориальной проблеме и активизации экономического партнерства.

Существует также ряд других («второстепенных») проблем, решение которых для Японии становится сегодня столь необходимым. К ним можно отнести энергетическую, проблему экономической безопасности и независимости от США, проблема притока капитала за счет освоения новых территорий.

Ключевым фактором обеспечения безопасности для Японии остается экологический. Страна Восходящего солнца имеет огромный опыт в решении экологических вопросов и готова к длительному сотрудничеству. Несмотря на это, в настоящее время отношения между странами в данном направлении развиты не так сильно. Контакты между странами сводятся к вопросам утилизации атомных подлодок в дальневосточной части России. Япония оказывает России помощь в научно-технических и экономических вопросах.

Еще один аспект обеспечения безопасности для Японии — это экономический. Данная проблема является чуть ли ни составляющей национальной безопасности Японии и регулярно рассматривается в контексте российско-японских отношений [16].

Еще один важный фактор обеспечения безопасности для Японии — энергетический. Страна Восходящего солнца стремится диверсифицировать источники сырья и создать гарантии обеспечения энергетической безопасности. Это не противоречит стремлению России выйти на рынок АТР. На Дальневосточные территории, известные крупными запасами природного газа и нефти, отводится ключевая роль в реализации стратегии диверсификации безопасности Японии. Разработка месторождений на Дальнем Востоке, поставки нефти и природного газа могут быть выгодны не только для Японии, но и для России. Кроме того, это увеличит поставки энергоресурсов в Азиатско-Тихоокеанские страны [18].

Россия стремится решить вопрос равномерного развития восточного региона, увеличить рынок энергетического сбыта и усилить свой политический вес для установления баланса сил. Это понимают правительства обеих стран, что и вызывает необходимость столь частных встреч разного формата — от телефонных звонков, до визитов первых лиц государств. «Россия — важный сосед и партнер для Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, с которым Япония нацелена укреплять всестороннее обоюдывыгодное взаимодействие в политической, торгово-экономической, научно-технической, гуманитарной и других практических областях» [14].

Для мирового баланса сил союз Японии и России необходим, чтобы создать противовес США и Китаю. Современная ситу-

ация в мире, по мнению Японии, как никогда подходящая, для сближения именно с Россией. Как считают японские эксперты, Россия переживает процесс формирования и отстаивания своей идентичности при одновременной переоценке старых и разработке новых общенациональных целей. Низкие цены на нефть и западные санкции, делают Москву более сговорчивой в интересах Японии [19].

В последнее десятилетие для продолжения диалога между странами созданы все условия. Нерешенным остается лишь вопрос территориальной принадлежности Курильских островов. «Благодаря усилиям обеих сторон он переведен из источника противостояния в русло спокойных, взвешенных, конструктивных переговоров с целью нахождения взаимоприемлемого решения. Важно при этом не торопить события, не создавать завышенных ожиданий, после которых, как показывает практика, наступает период разочарований. Жизнь уже показала, что тактика давления и увязок абсолютно контрпродуктивна и возвращает ситуацию в тупик» [20]. Решение вопроса принадлежности Курил может быть найдено только в результате активного развития партнерства и отношений между Россией и Японией.

Таким образом, Россия и Япония взаимодействуют во многих областях: от экономического сотрудничества до сотрудничества в военной сфере, энергетической и экологической безопасности. Несмотря на то, что обе страны признают потенциал сотрудничества, в полном объеме он до сих пор не реализован. В официальных документах провозглашена цель выхода на «созидательное партнерство». Однако, у России и Японии пока не получается выстроить доверительный диалог. Отношения остаются осложненными из-за

противоположных геополитических интересов и нежелания идти на уступки.

Российская и японская экономика взаимосвязаны. Россия обладает огромными энергоресурсами и множеством природных ресурсов по сравнению с Японией. В свою очередь, российский рынок открыт для поставок японских товаров. Необходимо отметить, что экономики стран в настоящее время не конкурируют. Соревнование за рынки сбыта в будущем также маловероятно. Есть риски, что Япония может пересмотреть свои отношения с Россией (при участии нового президента США — Д. Байдена) и изолироваться от развития отношений с Россией и будет выступать против и Китая, и России.

Совместные российско-японские проекты в области энергетики являются одним из основных элементов российско-японских отношений. Совместная работа над энергетическими проектами в дальневосточном регионе может благоприятно сказаться на отношениях между странами. В числе перспективных проектов — создание единой магистрали из Японии в Европу через «Трансиб»; энергомоста между Хоккайдо и Сахалином; прокладка трубопроводов для транспортировки отечественных энергоресурсов в Японию. В данный момент ни одна из этих идей не реализована.

Чтобы российско-японские отношения были взаимовыгодными, России и Японии необходимо больше узнавать о возможностях и потребностях друг друга, организовывать работу как можно над большим количеством общих проектов в сфере производства и сбыта готовой высокотехнологичной продукции. Но, чтобы реализовать данные планы, необходимо взаимодействовать, развивать контакты, стремиться больше узнавать о потребностях и возможностях друг друга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на общие интересы в экономике, политике, интересы России и Японии в вопросах обеспечения безопасности полностью не совпадают. Несмотря на улучшение дипломатических и экономических отношений между Токио и Москвой, Японии трудно отказаться от своих требований по возврату Южных Курильских островов. Это разногласие странам еще предстоит решить. На данном этапе России и Японии важно увидеть стратегическую значимость доверительных отношений.

В настоящее время национальные интересы России и Японии не противоречат общим интересам в экономике, политике и обеспечении безопасности. В будущем эта тенденция вряд ли изменится. Для России отсутствует угроза со стороны Японии, как и для Японии со стороны России. Таким образом, российско-японские отношения можно охарактеризовать как находящиеся на среднем уровне развития.

Страна Восходящего солнца заинтересована в укреплении экономических связей с Россией, так как получение российских энергоресурсов принесет ей стратегическую выгоду. Экономическое сотрудничество с Японией необходимо России для экспорта энергоресурсов и импорта передовых технологий. Однако, экономические связи между Японией и Россией не соответствуют потенциалу стран. Не задействованы такие значимые факторы как взаимодополняемость экономик (экономики России и Японии не конкурируют друг с другом), близкое географическое расположение стран, высокий научно-технический потенциал и благоприятный политический климат.

Среди факторов, тормозящих развитие отношений, можно выделить нерешенный территориальный вопрос и неблагоприятную конъюнктуру последних нескольких

лет. Страны используют «выжидательный» подход, основанный в значительной степени на оценке глобальной ситуации.

На данном этапе странам важно задействовать позитивные факторы и выйти на новый уровень сотрудничества, который будет отвечать интересам как России, так и Японии, а также обеспечит укрепление позиций в АТР.

Вся система международных отношений претерпела колоссальные изменения в вопросе национальных интересов. Активная внешняя политика России призвана оказывать значительное влияние на ход этих процессов. Решение столь объемной задачи кроется в укреплении отношений России со странами постсоветского пространства.

Выявлен ряд причин, по которым Япония сделала шаг навстречу российскому соседу. «Это касается и проблемы Южно-Курильских островов, и проблемы переговоров по выработке рамок для договоренности о промысле японскими рыболовными су-

дами в районе четырех островов, и проекта строительства энергомоста Россия-Япония, в рамках которого возможно будет экспортировать электроэнергию в Японию с электростанций на Сахалине и других районов Дальнего Востока, строительства тоннелей Япония-Сахалин, что позволило бы связать Японию железнодорожным сообщением с Европой через Транссибирскую магистраль» [21].

Современные отношения между Японией и Россией имеют весьма многогранный характер. Это активный политический диалог, укрепление деловых отношений на международной арене, а также взаимодействие в практических областях: гуманитарные обмены, контакты между правоохранительными службами и военными. Каждая из этих сфер по-своему важна, и странам еще предстоит решить немало вопросов. Тем не менее, как показывает исследование, основой российско-японских взаимодействий выступает именно торгово-экономическая составляющая.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. Москва: РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; 1997. 192 с.
2. Аммон Г. А. С нами бог и Андреевский флаг! *Морское наследие*. 2015;2:74-78.
3. Дивин В. А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. Москва: Мысль; 1971. С. 294-323
4. Лещенко Н. Ф. Посол с погонами адмирала. Необычная судьба Е.В. Путятина (1804-1883). *Восточный архив*. 2015;2:7-11.
5. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Санкт-Петербург: И.О. Бакста; 1869. С. 276-279.
6. Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. История Японии. XX век. Москва: ИВ РАН; 2007. 528 с.
7. Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных учёных, посвящённые 150-ой годовщине революции Мэйдзи. Санкт-Петербург: Art-xpress; 2018. 849 с.
8. Декларация и договор об образовании СССР. 30 декабря 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. URL: <https://doc.histrf.ru/20/deklaratsiya-i-dogovor-ob-obrazovanii-soyuza-sovetskikh-sotsialisticheskikh-respublik> (дата обращения: 07.02.2021)
9. Яковлев Н. Н. США и Англия во Второй Мировой войне. Москва: Государственное

- учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР; 1961. 272 с.
10. Акт о капитуляции Японии. 2 сентября 1945 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/692951> (дата обращения: 06.02.2021)
  11. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Южно-Сахалинской области в составе Хабаровского края РСФСР» от 2 февраля 1946 г. №194/3. *Ведомость Верховного Совета СССР*. 1946;2
  12. Проблема Курильских островов в отношениях России и Японии. 2012. 24 апреля. URL: <https://ria.ru/20120424/632862793.html> (дата обращения: 08.02.2021)
  13. Совместная Декларация СССР и Японии от 19 октября 1956 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/370124> (дата обращения: 06.02.2021)
  14. О состоянии и перспективах развития российско-японских отношений на современном этапе. URL: <https://www.mid.ru/perspektivy-rossijsko-aponskih-otnosenij> (дата обращения: 06.02.2021)
  15. Российско-японские отношения: история и современное состояние. URL: https://rgub.ru/schedule/news/item.php?new_id=5156 (дата обращения: 08.02.2021)
  16. Ардаев В. Семь причин, по которым Россия не может отдать Курилы Японии. 2016. 16 сентября. URL: <https://ria.ru/20160912/1476693865.html> (дата обращения: 13.02.2021)
  17. Латышев И. А. Путин и Япония. Будут ли уступки? Москва: Эксмо; 2005. 416 с.
  18. Иванов И. С., Казаков О. И., Панов А. Н. Современные российско-японские отношения и перспективы их развития. *Российский совет по международным делам*. 2012;6:32
  19. Japanese Foreign Policy Orientation for the 21st Century and Japanese Relations With Its Neighboring States. URL: <https://carnegieendowment.org/2010/09/13/japanese-foreign-policy-orientation-for-21st-century-and-japanese-relations-with-its-neighboring-states-event-3043> [Accessed: 11.02.2021]
  20. Абдулмаджидова П. С. Российско-японские отношения на современном этапе: политологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Москва. 2005. С. 19-20.
  21. Клоков Н. С. Российско-японские отношения в области безопасности (1991–2009 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15. Нижний Новгород. 2010. С. 26.

REFERENCES

1. Leontyeva G.A. Yakut Cossack Vladimir Atlasov is a pioneer in the land of Kamchatka. Moscow: RAS, Institute of Ethnology and Anthropology named after V.I. N. N. Miklouho-Maclay; 1997. 192 p. (In Russ.)
2. Ammon G.A. God and St. Andrew's flag are with us! *Maritime heritage*. 2015;2:74-78. (In Russ.)
3. Divin V.A. Russian Navigations in the Pacific Ocean in the 18th Century. Moscow: Mysl'; 1971. P. 294-323. (In Russ.)
4. Leschenko N.F. The Ambassador with Admiral's shoulder-straps. Unusual destiny of E.V. Putyatin (1804-1883). *Oriental Archive*. 2015;2:7-11. (In Russ.)
5. Yuzefovich T. Treaties of Russia with the East. Political and commercial. St. Petersburg: I.O. Baksta; 1869. P. 276-279. (In Russ.)
6. Molodyakov V.E., Molodyakova E.V., Markaryan S.B. History of Japan. XX century. Moscow: IOS RAS; 2007. 528 p. (In Russ.)
7. Japan: 150 years after the Meiji Restoration. Research by Russian and foreign scientists dedicated to the 150th anniversary of the Meiji revolution. St. Petersburg: Art-xpress; 2018. 849 p. (In Russ.)
8. Treaty on the Creation of the Union of Soviet Socialist Republics. 30 December 1922. URL: <https://doc.histrf.ru/20/deklaratsiya-i-dogov>

- [or-ob-obrazovanii-soyuza-sovetskikh-sotsial-isticheskikh-respublik](#) [Accessed: 07.02.2021]
9. Yakovlev N. N. USA and United Kingdom in World War II. Moscow: State educational and pedagogical publishing house of the Ministry of Education of the RSFSR; 1961. 272 p. (In Russ.)
  10. Instrument of Surrender. 2 September 1945. URL: <https://www.prilib.ru/item/692951> [Accessed: 06.02.2021]
  11. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR «On the formation of the Yuzhno-Sakhalin region as part of the Khabarovsk Territory of the RSFSR». 2 February 1946 № 194/3. *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*. 1946;2.
  12. Kuril Islands Dispute between Russia and Japan. 2012. 24 April. URL: <https://ria.ru/20120424/632862793.html> [Accessed: 08.02.2021].
  13. Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956. URL: <https://www.prilib.ru/item/370124> [Accessed: 06.02.2021]
  14. The Status and Prospects of the development of Russian-Japanese relations at the present stage. URL: <https://www.mid.ru/perspektivy-rossijsko-aponskih-otnosenij> [Accessed: 06.02.2021]
  15. Russian-Japanese Relations: History and Current State. URL: https://rgub.ru/schedule/news/item.php?new_id=5156 [Accessed: 08.02.2021]
  16. Ardaev W. Seven Reasons why Russia cannot return the Kuril Islands to Japan. 2016. 16 September. URL: <https://ria.ru/20160912/1476693865.html> [Accessed: 13.02.2021]
  17. Latyshev I. A. Putin and Japan. Will there be any concessions? Moscow: Eksmo; 2005. 416 p. (In Russ.)
  18. Ivanov I. S., Kazakov O. I., Panov A. N. Current Russian-Japanese Relations and Prospects for their Development. *Russian International Affairs Council*. 2012;6:32. (In Russ.)
  19. Japanese Foreign Policy Orientation for the 21st Century and Japanese Relations With Its Neighboring States. URL: <https://carnegieendowment.org/2010/09/13/japanese-foreign-policy-orientation-for-21st-century-and-japanese-relations-with-its-neighboring-states-event-3043> [Accessed: 11.02.2021]
  20. Abdulmadzhidova P. S. Russian-Japanese relations at the present stage: political analysis: the dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the candidate of political sciences: specialty 23.00.04. / Moscow. 2005. P. 19-20. (In Russ.)
  21. Klovov N. S. Russian-Japanese Relations of the Security Situation (1991–2009): the dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the candidate of historical sciences: specialty 07.00.15. Nizhny Novgorod. 2010. P. 26. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга В. Смирнова, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
sherlok.87@mail.ru

Olga V. Smirnova, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
sherlok.87@mail.ru

